

63

М. Николаева

ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ ВЫСКАЗЫВАНИЯ

на материале
славянских
языков

Издательство «Наука»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Т. М. Николаева

ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

на материале
славянских
языков

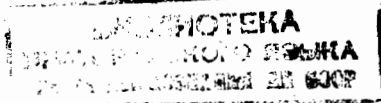
Ответственный редактор
В.Н. ТОПОРОВ

МОСКВА
"НАУКА"

1985

4
Н-63

80209

В монографии представлено общее описание типов функционирования частиц. Рассматриваются типы ситуаций и частицы, передаваемая частицами дополнительная семантика. Функционирование частиц связывается с формальной и акцентно-просодической структурой высказывания. Выводятся количественные характеристики фонда частиц основных славянских языков с точки зрения их функционального становления.

Рецензенты:

Е.А. ЗЕМСКАЯ, М.И. ЛЕКОМЦЕВА

Николаева Татьяна Михайловна

ФУНКЦИИ ЧАСТИЦ В ВЫСКАЗЫВАНИИ

(на материале славянских языков)

Утверждено к печати

Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор издательства *Т.М. Дривинг*. Художественный редактор *Г.П. Валлас*

Технический редактор *М.К. Серёгина*. Корректор *З.Д. Алексеева*

Набор осуществлен в издательстве на наборно-печатающих автоматах

ИБ № 29756

Подписано к печати 07.03.85. Формат 60 x 90 1/16. Бумага книжно-журнальная

Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Усл.печ.л. 10,5

Усл.кр.-отт. 10,7. Уч.-изд.л. 14,5. Тираж 1300 экз. Тип. вак. 58. Цена 1 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство "Наука", 117864 ГСП-7, Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени 1-я типография издательства "Наука" 199034, Ленинград В-34, 9-я линия, 12

Н 4602000000-103 340-85-II
042 (02)-85

© "Наука", 198

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И ЯЗЫКОВОЙ СТАТУС ЧАСТИЦ. ПРОБЛЕМЫ ИХ ОПИСАНИЯ

§ 1. СКОЛЬКО ЗНАЧЕНИЙ У СЛОВА "ЧАСТИЦА"?

Со словом "частица" связываются четыре смысловых комплекса. Один, признаваемый старым и уже вышедшим из грамматической традиции, соответствует общему классу служебных слов в их противопоставлении словам знаменательным, полнозначным, "частям речи" (Виноградов, 1972, с. 520). Второй смысл: частицы — это неизменяемые компоненты, не-слова, присоединяемые к словам полнозначным, так что формируются некоторые грамматические формы, парадигматически и категориально соотносимые с формами, образуемыми и без частиц. Иначе говоря, это частицы формообразующие (АГ-80, т. 1, § 1691). В русском языке — это частицы *-ся, бы, -то, -либо, -нибудь, -таки, -ка* и т. п. Третье значение частиц связывается с традицией изучения языков древности — ведийского, санскрита, хеттского, греческого, латинского (см.: Josephson, 1972; Carruba, 1969; Denniston, 1954; Blomkvist, 1969, Blomkvist, 1979; Елизаренкова, 1982). В этой традиции значение слова "частица" лучше всего передать словом "коннектор", как это и делает В. Дресслер, говоря об индоевропейском синтаксисе (Dressler, 1971). Это часть комплекса, вводящего индоевропейское предложение: *a-ti-tta* (пал.), *-nu-ku-* (хет.), *na-* (лид.); *ku-* (хет.). Многие частицы этого рода теперь назвали бы союзами (так и делает Е. Дограмаджиева, называя союзами, и только союзами, те элементы, которые в традиции классического языкознания обычно называют частицами — Дограмаджиева, 1968). Частицы этого рода со временем могут становиться формообразующими, переходя в предыдущую группу (например, аугмент *E* в древнегреческих формах аориста и имперфекта соотносится с *э* в русской частице *это* и демонстративе *этот* и с чистой частицей *e* в значении 'вон, глянь' в сербохорватском *ê* и болгарском *e* (Ivanov, 1977; Фасмер, IV).

Четвертое значение слова "частица" соотносится со способностью языковой единицы выступать в функции передачи разнообразных коммуникативных характеристик сообщения (АГ-80, т. 1, с. 723). Это частицы типа русских *вот, же, только, даже, еще, уж* и т. п., немецких *doch, schon, aber*, английских *even, only, yet, just* и т. д. Подобные частицы называют модальными, акцентирующими, выделительными, экспрессивными и т. д.¹

¹ В. Хейнрих подробно перечисляет эволюцию названий подобных частиц по годам (с 1901 по 1977). Эта история названий есть в некотором смысле отражение истории языкознания за эти годы: Flickwörter — Erlebniswörter — Füllwörter — Farbewörter — Modalwörter — Modaladverbien — Partikeln — Rangverleihende Partikeln — Kommunikative Partikeln — Satzpartikeln — Emotional-expressive Partikeln — Abtönpartikeln — Abtönungspartikeln — Modal Partikeln — Modalpartikeln (см.: Heinrichs, 1981).

Сначала кажется, что все четыре смысла не связаны между собой и объединить их можно, пожалуй, только одним признаком: неспособностью изменяться, это неизменяемые слова. В самом деле, что, казалось бы, объединяет в один класс не имеющие значения компоненты *-ва* в словах *покудова, отселева, -ча в давеча, теперича* и такие сложные комплексы, как *вот только и, ведь вот, даже и* и т. д. С другой стороны, старое значение "частицы речи", объединяющее служебные слова в противовес полнозначным, кажется наивно-архаичным, поскольку мы как будто бы обладаем критериями отличия союзов от частиц, частиц от междометий, междометий от союзов и их вместе — от наречий как класса полнозначных слов.

Между тем оказывается, что все четыре перечисленных значения связаны между собой. Даже в современном языке мы не можем четко отличить союз от частицы, частицу от наречия, частицу от междометия, частицу от местоимения (всегда находятся "гибридные классы" (Виноградов, 1972), "переходные классы"), частицы-союзы, частицы-наречия, частицы-вводные слова (АГ-80, т. 1, с. 730), "гибридный союз" (Иванова, 1970), "союзные частицы" (Шведова, 1960) и т. д.² Например, союз *и* в определенных контекстах четко отличается от частицы *и*. Ср.: *Пришли отец и мать* и *Он и вздохнуть не успел*. Однако можно построить целое поле промежуточных случаев. Например, высказывания с частицей *и* — двух групп:

(1) *Будь плохонький, да если наберется душ тысячки две родовых, тот и жених; В бане спят, там и живут; Один наследник, ему, Ивану Алексеичу, и царствовать; Забралась на сеновал и там дала волю слезам. На сеновале и нашла ее мать; Где положили кошелек, там и должен быть.*

(2) *Дарья Михайловна очень к нему благоволила, но Наталья Алексеевна и слышать о нем не хотела; Я отчался уже и видеть реку, но дожнул ветерок, и Темза явилась во всем своем некрасивом наряде; Видите, я уж и смеяться не могу; Как о преподавателе русского языка, о нем не стоило бы и говорить.*

Значение *и* в первой группе можно условно передать как некоторое подтверждение чего-то сказанного выше, с идентификацией этого — некий род семантической репризы с подкреплением частицей: "Если имеет место то-то и то-то, то это и есть X". Перифраза — что-то вроде "вот именно". Значение во второй группе — несовершенство естественного минимума, физическая крайность происходящего. Перифраза — "даже". Эти оба типа высказываний как будто бы далеки друг от друга и легко отделимы по смыслу.

Однако, привлекая по примеру из других групп, легко можно построить шкалу значений с размытыми переходами (об общей шкалярности семантики частиц см.: Крейдлин, 1979).

Ср. *Один наследник, ему, Ивану Алексеичу, и царствовать* → *Оно несколько произвольно, но ведь я же на точных цифрах и не настаиваю; Убийца мужа один и есть* (подкрепление—подтверждение + обращение к известному факту, т. е. "ведь") → *Кстати, мне и некогда; Лиза успела уже привыкнуть к нему, да она и вообще никого не дичилась* (обращение к известному факту, "ведь" + добавление смысла X к смыслу У, перифраза "к тому же") → *Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает. Но и любовь мелодия; По смерти Пушкина друзья его продолжали быть и друзьями Гоголя* (добавление, переходящее в сочинение, инклюзив, перифраза "также") → *Меня не обрадовал и берег, который мы увидели в понедельник; Шутить и он горазд, ведь нынче кто не шутит* (X занимает

² Проблеме различения союзов и частиц посвящены очень многие, особенно отечественные, исследования (Орлов, Черемисина, 1980; Знаменская, 1967; Андримонова, 1976; Ким, 1970; и др.).

место в ряду аналогично действующих объектов, при пресуппозиции экстраординарности именно этого объекта + перифраза "даже", значение инклюзива) → *Как он попал из этого ружья – и хитрому человеку не придумать, но попал; Мне Вас любить нельзя, Вдова должна и гробу быть верна* (распространение действия на объект уже крайний, не входящий в аналогичный ряд, перифраза "даже") → *У ней и бровь не шевельнула; не жала даже губ она* (т. е. несовершенство естественного минимума, см. выше).

Объединив четвертое значение с первым, точнее, найдя в нем пересекающееся ядро, мы тем самым объединим его и с третьим – с частицами в понимании классическом. Сравнительно-историческое языкознание помогает объединить их и этимологически. Так, упомянутое *-ва* в *покудова* и *отселева* оказывается родственно др.-инд. *va* 'даже' (Фасмер, 1, с. 262), т. е. собственно модальной частице, а *-ча* в *давеча* соотносится с союзом *ca* 'и' в др.-инд. (Et. slovník 1973, s. 306), родственными греческому *τε* и *que* латинскому, называемому то союзом, то частицей (Gonda, 1954; Fischer, 1981).

См. в статье Е.В. Падучевой, описывающей различие функций *это* – частицы и местоимения, – о едином в известном смысле функционировании этого слова: "его функционирование в одних конструкциях как бы отбрасывает тень на другие, так что в результате слово имеет не только уникальный набор синтаксических функций, не повторяемый больше ни в каком слове, но и некоторые уникальные функции, не выполняемые никаким другим словом" (Падучева, 1982а, с. 76).

Таким образом, обращаясь к самому поверхностному формальному разложению общепризнанных частиц четвертого класса, мы (для анализируемых нами славянских языков) обнаруживаем их легкую разложимость на некие компоненты: *да-же, у-же, не-же-ли, не-у-же-ли, э-то, и-ли, ли-бо, и-бо, то-л(и)-ко* и т. д. Эти компоненты, чисто формальные, как бы тоже частицы, удобно назвать *п а р т и к у л а м и*. Если выйти за пределы синхронии, то разложимыми на партикулы оказываются и такие частицы, как *вот* (*voto < oto < o + to*, Et. slovník, 1980, S. 548), *вон* (*vono < ono < -nъ* мест. Ibid., s. 525). Эти партикулы могут, в свою очередь, быть частицами, наречиями или союзами в настоящее время и в том же языке – *а, и, ли, не*, в его истории – например, *у* из *у-же* имело в ст.-сл. значение 'теперь, уже' *-оу*; они могут входить в качестве ведущих элементов в знаменательные слова – *э-тот; здесь < sy-de-sy; nikoli < ni-kъ-li; sada < sa-d*; и т. д. Таким образом, сочетания партикул напоминают детскую игру – конструктор (или калейдоскоп), где из заданного числа компонентов возникают самые разнообразные комбинации, являющиеся единицами языка. Однако эти комбинации могут по-разному реализовываться в родственных языках: в одних реализоваться, в других нет (см. *ле, но слов. *le* 'только', чешск. *le* 'и, но, однако'; *нуже как слитная частица русского и *niže* чешск.; *niže* польск.; польск. *czyli*, болг. *дали*, чешск. *ано, ani* и т. д.); могут восходить в своем полнозначном семантически воплощении к истории другого, хронологически отдаленного предка; того же языка, см. эту амбивалентность у А.М. Пешковского: "Это как бы оторвавшиеся от основ аффиксы, свободно передвигающиеся по поверхности языка (хотя исторически как раз наоборот: сами аффиксы происходят из таких слов, прильнувших к полным словам, они могут отличать диалекты и не быть представленными в литературном языке" – Пешковский, 1956, с. 40)³.

³ Так, о русском языке прочно сложилось мнение как о почти максимальном (наряду с немецким) по избытию частиц активного употребления (Cosețiu, 1980; Heinrichs,

Может создаться впечатление, что калейдоскоп (конструктор) из партикул постепенно охватывает весь язык и тогда сама идея соотнесенности частиц (функционально коммуникативно важных слов) и партикул (исходных формальных компонентов) бессмысленна. Но это не так. Партикулы не охватывают корнесловов с номинативным значением, они по своей фонетике отличаются от предлогов (и это очень существенно!); круг охвата партикул задан: междометия, союзы, местоимения, наречия-шифтеры, собственно частицы (в четвертом значении), формы глагольных флексий⁴. Таким образом, партикулы связаны с категориями слов, соотносящимися с конситуацией, с контекстом, с модальностью. Это показатели отношения.

Именно комбинации партикул составляют наиболее очевидное ядро коммуникативных частиц славянских языков. Таким образом, все четыре значения слова "частица" вполне коррелируют между собой, тем более что эта сложная соотнесенность и таксономическая неразбериха возникают и при сравнении словарных эквивалентов и языков, не столь близкородственных. Так, русское *ну* как будто бы твердо междометие, а *но* — союз. Однако польское *no*, во многом эквивалентное русскому *ну*, описывается как очень интересная семантически частица (Wierzbicka, 1976), соответствующая английскому *well*, которое тоже описывается именно как частица для английского языка (Lakoff, 1972), а на словарно-переводческом уровне также соответствует русскому междометию *ну*; в немецкой же традиции *aber* присутствует во всех списках частиц (Heinrichs, 1981; Opalka, 1977).

В настоящей книге речь будет идти о частицах в четвертом смысле, о словах с преимущественно коммуникативной функцией отношения к сообщаемому, связанных в языкознании последних лет с развитием теории presupпозиции, прагматики, синтаксической семантики и оказавшихся существенными для этих областей настолько, что возникла целая область — Partikelsemantik (Altmann, 1976, S. 3).

Данная глава посвящена обсуждению проблем лингвистического статуса подобных частиц и проблем их описания. В уже почти необозримом потоке литературы, трактующей частицы, оказалось возможным выявить некоторые общие явления, относящиеся, как представляется, к трем классам феноменов. Это: 1) Общепризнанные положения; 2) Парадоксы, 3) Проблемы.

§ 2. ОБЩЕПРИЗНАННЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

1. Первым общепризнанным положением, касающимся описания частиц, является положение о необычайной популярности частиц в лингвистическом исследовании. Популярность эта началась с конца 60-х годов (не случайно именно в 1969 г. вышли три большие монографии — Weydt,

---

1981; Arndt, 1960). Между тем литературный русский язык знает и употребляет лишь незначительное число частиц по сравнению с простонародной и диалектной речью — см. слова-частицы типа *аж*, *ать*, *ась*, *буде*, *эва*, *им*, *на-ка*, *авось*, *ци*, *эдако* и т. п. (см. также: Евтюхин, 1979).

⁴ Вопрос о местоименном происхождении глагольных флексий, обсуждавшийся еще Ф. Бопфом, в последнее время все больше оказывается в центре внимания языковедов в связи с общей теорией роли дискурсивно-коммуникативного фактора в языковой эволюции и тем самым в связи с порядком слов, развитием анафорических корреляций, видовременных форм и т. д. Об этом подробнее см. в настоящей книге далее.

Carruba и Blomkvist), в 70-е гг. она увеличилась, в настоящее время выходят книги даже об отдельных частицах (например, Gornik-Gerhardt, 1981).

В целом в лингвистике 70-х годов практически во всех странах наметились четыре частицы- "любимицы", а именно 'даже', 'только' и антонимичная пара 'уже' — 'еще' (Оскотская, Булатникова, Крейдлин, Торопова, Волкова, Моисеев, Horn, Fraser, Anderson, Traugott, Waterhouse, Morissey, Doherty, Pasicki, Bańkowski, König и др.). Причины этого обращения к частицам вполне соотносимы с общими сдвигами в языкознании: от описания факта через язык к определению отношения к этому описанию; человек может связывать высказывание с общим знанием о мире, со своим отношением к сообщаемому, может связывать высказывание с другими высказываниями в том же тексте, может соотносить его с ситуацией непосредственного действия. Одна и та же частица оказывается способной передать несколько коммуникативных линий одновременно: "они выражают отношение адресанта к адресату или к описываемой ситуации, презумпции говорящего, его намерения, его эмоции... частицы обладают способностью выражать минимальной ценой весь комплекс прагматических значений" (Wierzbicka, 1976; p. 327).

Оказалось, точнее, было явно сформулировано, что активное употребление частиц есть один из показателей знания языка. Например, иностранец скажет скорее *Bitte geben Sie mir das Buch*, а немец — *Können Sie nur vielleicht mal das Buch da geben* или *Ach, geben Sie nur doch bitte mal das Buch* (Heinrichs, 1981, S. 3).

2. Несомненно также и то, что стремительно увеличивающийся интерес к частицам связан не только с изменением общезыковедческого фокуса внимания, но и с расширением возможностей чисто формальных — появлением новых аспектов самого описания. Люди обычно описывают то, что умеют описывать. В течение многих лет структура высказывания представлялась — так или иначе — в виде дерева двусторонних зависимостей:

Маленький мальчик быстро читает интересную книгу

```
graph TD
    A[Маленький мальчик быстро читает интересную книгу] --> B[Маленький мальчик]
    A --> C[быстро читает интересную книгу]
    B --> D[Маленький]
    B --> E[мальчик]
    C --> F[быстро читает]
    C --> G[интересную книгу]
    F --> H[быстро]
    F --> I[читает]
    G --> J[интересную]
    G --> K[книгу]
```

Успешным полагался тот анализ, при котором не оставалось никакого никуда не относящегося остатка. Из модели такого анализа по "непосредственно составляющим" родилась и порождающая грамматика. Модальные и вводные слова вроде *к сожалению, конечно, возможно* просто выносились за скобки; к чистым союзам можно было применить искусственные решения, например сделать их вершиной иерархии скобок. Но что же делать с фразами вроде *Aber wie hieß er doch?*

И вот эта коммуникативная свобода частиц оказалась их принципиальным свойством: "частицы выходят за ЭСК (элементарные синтаксические конструкции. — Т.Н.) и реализуются в пределах предложения" (Елизаренкова, 1982, с. 406).

Новым и мощным аппаратом для описания частиц явилась теория пресуппозиции (см. главу II), позволившая сделать лингвистическим фактом семантику "дополнительной строки", непосредственно не вытекающей из буквального состава предложения: *Только Петрову не решить эту задачу* — Задача легкая, а Петров решает плохо; *Петрову не решить только эту задачу* — Петров решает хорошо, а задача трудная. Именно поэтому так много описаний посвящено максимально пресуппозитивным частицам: *только, даже, еще, уже*.

3. Частицы не вписываются точным образом не только в школьную схему предложения, но и в словари и грамматики. Например, в 17-томном

Академическом словаре помещается, по подсчетам А. Бартошевича, 131 частица, в Толковом словаре под редакцией Д.Н. Ушакова — 84 частицы, в Малом Академическом словаре — 110, в Словаре С.И. Ожегова — 75. Из них во все словари попадает только 42 частицы и 64 частицы встречаются только в одном из них (Бартошевич, 1978, с. 332). В. Хайнрихс приводит список из 28 немецких частиц (Heinrichs, 1981, S. 14). Из них как частицы фигурируют в одной работе 17 слов, в другой — 13, в третьей — 13, но не точно те же, в четвертой — 24, в пятой — 16. При этом цифры 13 и 24 принадлежат одному и тому же автору — А. Кривоносову (1963 и 1977 гг.). Определенного списка частиц не дает и АГ-80, где, в частности, некоторые частицы повторяются — при различении их функций.

4. Эта принципиальная размытость списка частиц связана с размытостью их семантики. А именно: они одновременно и многозначны, и синонимичны. Таким образом, функциональная семантика частиц как бы налагается одна на другую. Так, например, Т.Я. Елизаренкова показывает многозначность ведийских частиц: *U' vot'*, *'же'*, *'тут'*, *'тотчас же'*, *'и'*, *'а также'*, *'а'*, *'но'*, имеет деиктическое значение и значение сочинительного союза; *Nū 'теперь'*, *'тут'*, *'vot'*, *'еще'*, *'уже'*, и мн. др. И в то же время в общем приводимом ею списке многие частицы синонимичны — в основном со значением *'ведь, же'*: *āngá, áha, u, kam, khalu, tú, sma, svich, ha, hi* (Елизаренкова, 1982, с. 406). То же самое можно сказать и о современных языках. Так, А.В. Знаменская выделяет восемь значений частицы *и* (Знаменская, 1964). И в то же время *и* синонимично *еще*, *даже*, *тоже*, *именно*, *и*, как мы показывали выше, все эти значения представляют непрерывную шкалу (о шкалярности значения *даже* см.: Крейдлин, 1975). Известна, например, синонимия частиц при переводе: *schon* — *же*; *ja* — *ведь, же*; *nun* — *ведь, ну, так*; *doch* — *ведь, же*; *bloß* — *же, только, не* и т. д. — и синонимия частиц в одноязычном тексте: *Er kann ja (nun) nicht fort sein; Sei bloß (nur) aufmerksam; Es ist doch (denn) so unerwartet* и т. д. Автор считает специфическим свойством частиц "их способность выступать в качестве синонимов по отношению друг к другу" (Крашенинникова, 1956, с. 24). Число подобных примеров можно с легкостью привести и для русского языка:

и — *даже*: *С милым и в шалаше рай; Говорят, и умирающему не так страшно умирать, как свидетелям смотреть на это; Как он попадал из этого ружья — и хитрому человеку не придумать, но попадал; Дарья Михайловна очень к нему благоволила, но Наталья Алексеевна и слышать о нем не хотела; Стало быть, уже и скрывать не хотят, что следят за мной, как стая собак.*

же — *ведь*: *Училище неприятно подействовало на него. Но, думал он, живут же люди и здесь; Сгноить тебя мало, если такую лошадь испортишь. Она же для хозяйства клад; Он сделал предложение? Он же тебя любит; Но на нее не гляди. Это ж красота такая, что сердце невзначай разорвется.*

вон — *ведь*: *У нас, вон, у самих завтра пять-десять тысяч внесу в казну; Панихиды по тебе служить собирался, да твоя мать вон все останавливала; А старуха грызла меня. — Книжник! Книжники-то вон распутству учат... и т. д., не говоря уже о многократно отмечавшихся синонимических совпадениях у антонимов *уже* — *еще*; *вон* — *вот*. Так, например, А.И. Моисеев показывает, что *еще* и *уже* могут быть: 1) контрастны, 2) синонимичны, 3) дифференцированы по дистрибуции (Моисеев, 1978). Подобного рода синонимические совпадения возможны и для частиц, входящих в состав неопределенных местоимений: *Далеко-далеко, где-то на большой дороге, светился красный огонек — тоже, вероятно, кто-нибудь (кто-то) варил кашу; Некто (кто-то) сравнивал душу поэта в минуту вдохновения с расплавленным в горниле металлом; Аграфена Петровна доказала ему,**

что не было никакого резона до зимы что-либо (что-нибудь) изменять в устройстве жизни: летом квартир никто не возьмет, а жить и держать мебель и вещи где-нибудь да нужно; Лихорадящим больным есть не хочется, но чего-то хочется, чего-нибудь кисленького. Так и мне хочется чего-то (чего-нибудь) кисленького.

Таким образом, частицы имеют свое значение и почти всегда синонимичны, т. е. они представляют собой "наборы сем" (Копыленко, 1978, с. 73). Наборы эти индивидуальны, но семы могут совпадать. В. Арндт, понимая под частицами только первичные партикулы, в нашей терминологии, считает их "минимальными морфологически и сложными функционально...", поэтому, заключает он, "не все модальные слова есть частицы, но все частицы по сути своей модальны" (Arndt, 1960, p. 326). Эта полифункциональность частиц, диффузность их семантики, сосуществование синонимичности и оригинальности влекут за собой еще два феномена, также всеми признаваемые: частицы должны подкреплять друг друга (или могут подкрепляться) и их значение во многом определяется контекстом.

5. Синонимия частиц, параллельная сохранению некоторой инвариантной совокупности сем у каждой частицы, создает сложные комплексы различной линейной протяженности. Актуальной для описания проблемы (и может быть, более актуальной, чем их отличие от союзов и других частей речи) является проблема их линейного тождества. Например, *А вот, Вот и, Ну вот, Вот бы, Да вот* и т. д. считать сложной частицей или комбинацией частиц (см. специальную статью А.В. Знаменской о сочетании с *Вот* — Знаменская, 1967)? В болгарском языке есть специально вопросительная частица *Дали* (Чолакова, 1958, с. 65), эти компоненты в неконтактном виде есть и в русском вопросе — *Да идешь ли ты наконец?*, но частицей еще считаться не могут.

Для древних языков создаваемые частицами комплексы описывают в их разделении чл. начальные — союзные и примыкающие к ним (см.: Caruba, 1969; Josephson, 1972). О позиционной роли славянских частиц и семантико-синтаксической функции позиции будет сказано в главе IV, однако можно заметить, что строгого различия союзной частицы и собственно частицы не было и для греческого языка: Деннистон описывает *καί* как копулятив, если он занимает первое место, и как адverbиальную частицу — для непервой позиции (Denniston, 1954, p. 325). Он формулирует даже правило *καί* + X = коннектор + наречие, и X + *καί* есть коннектор + наречие, таким образом, статус *καί* меняется (Denniston, 1954, LVII). В его фундаментальной монографии приводятся и анализируются три вида комплексов из частиц: единая частица, сложная генетически (вроде *да-же, не-у-же-ли*): *Μέντοι, Γάρ, Γούν, Καίτοι, Τούγάρ, Τάινυ* и т. д.; позиционно-контактная комбинация, близкая к единой лексеме, — *Ἄλλῃ, Οὐ γάρ ἀλλά, Δέ γε, Καί γε, Καί δέ, Καί δή*, и т. д.; комплексы дистантные: *Καί... δή, Ἀλλά... γάρ, Οὐδέ... γε* и т. п.

Й. Бломквист, описывая комбинации греческих частиц для эллинистической прозы, считает явлением более позднего периода многочленные комбинации — *ὄ μὴν δέ, ὄ μὴν δέ ἀλλά, ἀλλά μὴν* и т. д., однако отмечает и распад (расщепление) комбинаций частиц классического периода (Blomkvist, 1969). Таким образом, справедливым оказывается тезис о том, что частицы "обладают способностью сочетаться друг с другом в целые комплексы, которые в предложениях легко возникают и легко распадаются, видоизменяются" (АГ-80, с. 730). В состав таких комплексов вовлекаются уже и не частицы только; так, в АГ-80 приводятся такие составные частицы, как *добро бы, ладно бы, то ли не, хватъ и, не иначе как, то ли дело, того и гляди, что ни на есть* и т. п. (АГ-80, с. 725). При этом сочетания

вроде *нет-нет да и признаются* единой фразеологизированной частицей, а сочетания *уж и, вроде бы, да как* — "легко возникающими комплексами". Тенденция комбинироваться в комплексы достигает у частиц такого масштаба, что появляются и фразеологизируются целые предложения, состоящие только из частиц и смежных грамматически им слов; семантика этих предложений вполне понятна — *Как же!; Ну вот еще! А то?; Ну уж и...; Вот то-то же!; Как же это!; Вот то-то и оно!; Так уж и?; Вот ведь!; Вот еще!; Как раз!; То есть как?; То есть как это?; Ну уж!.. Как есть и т. д.*⁵ Примерами подобного рода фразеологизированных реплик богато насыщена книга Н.Ю. Шведовой (Шведова, 1960); см. также цепочки, приводимые А.Е. Орловым, М.И. Черемисиной, — *и если бы, и пусть же, но и даже, раз уж и, только вот и, а то и* — и их формальную классификацию (Орлов, Черемисина, 1980).

Хотя способность частиц входить в фразеологизированные коммуникативные комплексы и можно считать общепризнанной, однако сама количественная представленность частиц в языке есть характерологическая типологическая черта. Э. Косериу называет как "языки частиц" древнегреческий и немецкий (Coseriu, 1980); Хейнрихс — русский, немецкий и греческий (Heinrichs, 1981)⁶. Действительно, и в немецком языке отмечается большое количество подобных комбинаций частиц, многие из которых анализируются в специальном монографическом сборнике (Aspekte der Modalpartikeln, 1977). См. цепочки типа *doch schon, schon doch, denn auch nur, vielleicht mal, doch mal, denn aber auch nur* (Heinrichs, 1981).

6. Следующий признанный тезис, относящийся к частицам, — это тезис об их принципиальной непереводаемости. Употребление частиц нужно не усвоить, а освоить. Кроме того, очевидно, что для ряда типологически различных языков необходим перевод, кардинально отличный по структуре. Так, интересны английские примеры, приводимые в учебном пособии А.Н. Васильевой по употреблению русских частиц:

Ведь ты пойдешь в магазин.	}	You're going to the shop.
Ты же пойдешь в магазин.		
Ты пойдешь в магазин-то?		You're going to the shop? (Vasilyeva, 1972, p. 36).

Характерно, что поясняющий далее контекст сушествен именно для различия русских частиц. См. далее примеры вроде *Приехать-то я не приеду, а написать-то напишу или позвоню, обязательно (I can't come but I'll make a point of writing or 'phoning, through)* или *А Нина ведь видела (But Nina has seen), А сама вот играть не очень стремится (But she's not all that keen to play herself)* (Vasilyeva, 1972, p. 66–67). Сходна ситуация с переводами немецких частиц. См. примеры: *Warum bist du auch zu spät gekommen? — Je ne comprends pas pourquoi tu es arrivé en retard — Just tell me, why do you come too late?* или *Ich kann doch deine Seife benutzen? — I can use your soap, can't I?* (Heinrichs, 1981, S. 73).

Таким образом, создаются как бы национально специфические коммуникативные слова; например, немецкое *eigentlich* сопоставляется с русским *ничего* не по прямой семантике, а по непереводаемости всего комплекса (Albrecht, 1977, S. 19).

⁵ Поэтому спорным представляется тезис о том, что частица, как бы не существова вне контекста, "не может быть ответом на вопрос", часто встречающийся в литературе о частицах.

⁶ Здесь необходимо добавить, что, видимо, русский выступает в его сопоставлении как основной представитель всей славянской группы. Данные главы V продемонстрируют ничуть не меньшее, если не большее, обилие частиц в других славянских языках и диалектах.

7. Еще одно положение общепризнанной теории — это тезис о том, что значение высказываний с частицей в огромной степени определяется контекстом. Они относятся к предложению (высказыванию) в целом (см. тезис Каррубы о том, что комплексы частиц для предложения в целом — это примерно то же, что наречие для глагола), много пишут о "размытой семантике" частицы, которая реализуется только в контексте (Копыленко, 1981, с. 19), об отсутствии лексического значения у частиц, поскольку только предложение его определяет (Iwasaki, 1977), о том, что модальное значение частицы описывается его "средой" (Кривоносов, 1974, с. 181). Все эти положения в целом действительно общепризнаны. Однако, как представляется, внутри этого тезиса заключены некоторые не вытекающие друг из друга положения. Например, тезис о том, что частица относится ко всему предложению, не исключает возможности для нее иметь свое инвариантное значение. Например, ср.: *И только/гулять туда он больше не ходил; И даже/гулять туда он больше не ходил; И ведь/гулять он больше не ходил.* Вокруг каждого из этих высказываний можно предположительно воссоздать совершенно различное контекстное окружение, которое и будет определяться различием семантики частиц. Во-вторых, неясным остается, на современном этапе, что такое контекст — в применении к употреблению частиц. Например, это может быть простая лексическая замена формы глагола-сказуемого: *Так и рвется к вам* (высшая интенсивность действия), *Так и уехал к вам* (т. е., очевидно, не сделав чего-то), *Так и поступил* (т. е. здесь, очевидно, не частица *Так* и..., а *так + и*, т. е. 'именно так'). Это может быть интонационное членение: *Только/отцу этого не говорите* — *Только отцу этого не говорите*, это может быть интонационное выделение: *Вот домик Петра Первого* (описательная демонстрация) — *Вот домик Петра Первого* (о нем говорили).

Более точно было бы говорить здесь не об определенности имени, а об его предупомянутости. Обе эти категории часто принимаются языковедами за единую. Предупомянутое может остаться неопределенным. Например: *Дайте мне какую-нибудь ручку!* — *Вот и ручка для Вас. Ручка* не приобретает статус определенной дескрипции (см. об этом важном разграничении: Блажев, 1973); *Еще он тогда захворал!* (напоминание) — *Еще он тогда захворал* (были другие неприятные события). Существенным бывает и общая протяженность высказывания и отсутствие — наличие в нем сказуемого, ср.: *Где уж нам!* и *Где уж нам только достать бы эту лодку?*; *А еще мужчина!* и *А еще мужчина к нам, помните, тогда приходил* и т. д. В связи с этим, не отрицая положения о размытости семантики частиц и о реализации смысла частицы в высказывании, можно несколько перевернуть указанный тезис как бы "лицом к частицам" и считать, что с каждой частицей можно сопоставить заданный и перечислимый набор сем (который, как уже говорилось выше, может в принципе пересекаться для отдельных частиц), при этом каждая из сем корреспондирует определенному контексту. Это следует и из того, что далеко не все контексты, даже для очень близких по семантике частиц, взаимно заменимы.

Так, например, интересна ситуация в русском языке с частицами *вот*, *это*, *и*. Они могут выполнять связочную функцию: *Государство — это я; Ученость — вот чума; Вот и мальчик.* Об этой связочной функции подобных частиц писал еще В.В. Виноградов (Виноградов, 1972, с. 529), соединяя к ним и слово-связку *как*. Существенно при этом примечательное наблюдение, сделанное В. Биркенмайером для русского *и*: оно не только выполняет связочную функцию, но и является оператором определенности, снимая неопределенность имени, характерную для позиции конца русского высказывания: *Вот мальчик* (опред./неопред.?) и *Вот и маль-*

чик (Birkenmaier, 1979). Здесь, очевидно, действует генетическая связь $i < *j_0$, но не чисто семантическая, поскольку для *que* ($*k^{we}$), также копулятива, обсуждается значение неопределенности (Gonda, 1954).

Возвращаясь к сказанному выше, небезынтересно заметить, что в этих связочных конструкциях никак нельзя употребить слово *von*, как будто бы тоже частицу дейксиса: **Тосударство von я; *Ученость von чума; *Вот von мальчик*, хотя существуют контексты, где действительные частицы равно допустимы: *Это пошел дождь; Вот пошел дождь; Von пошел дождь* и т. д., и даже контексты, где смысловое различие *von* и *von* стирается: *Вот какой вымахал! – Von какой вымахал!* Таким образом, сфера *von*-дейксиса дальнего действия оказывается более узкой, чем *von*-дейксиса ближнего действия. Это свойство объясняется, видимо, индивидуальной эволюцией обеих частиц, но не семантикой универсалий, поскольку, например, во французском языке отмечается более широкая сфера для *voilà* (Genaust, 1975, p. 106), хотя для обоих слов – *voici* и *voilà* – также в последнее время обсуждается возможность считать их не частицами, а связками бытия.

8. Последним общепризнанным положением можно считать тезис о нечетко очерченном функционально входящем в некоторые смежные сферы, где частицу не всегда возможно отделить от "соседей". Особенно много внимания этой смежности, переходности частиц уделяет В.В. Виноградов (Виноградов, 1972, с. 520–30).

Представляется, что можно в целом выделить пять пластов языковой реализации, в рамках которых намечается функциональная смежность частиц.

1. Пласт грамматически функциональный. Внутри этого пласта частицы сближаются (омонимичны? налагаются?) с наречиями: *Он говорит просто и хорошо – Он говорит просто хорошо*; с местоимениями: *Он все читает подряд – Он все читает и читает*; с союзами: *Я с удовольствием пошел гулять к морю, и вид берега меня обрадовал – Меня ничто не веселило, не обрадовал и вид берега*.

Для современного языка в этом пласте не кажется возможным говорить о связи с глаголами и прилагательными, поскольку *пусть, пускай* или *лишь* (от *лихъ*) не связываются с этими классами.

Также особое место для русского языка занимает слово *один* – по существу целый функциональный мир (Николаева, 1982), в том числе и частица, поэтому нельзя в целом говорить о связи с числительными.

В этом грамматически функциональном пласте речь шла о связях частиц настолько глубоких, что для каждого контекста можно привести множество переходных случаев, шкалярную ситуацию (см. об этом выше). Поэтому о связи с междометиями не представляется возможным говорить, поскольку они всегда отличаются интонационно: *Ну иди же скорей!* и *Ну, иди же скорей!*⁷

2. В генетическом пласте частицы оказываются связанными с партикулами, как мы их называли выше, с союзами, с местоимениями, с глаголами, наречиями, междометиями. Этот пласт, таким образом, оказывается сначала как бы широким и неинтересным. Между тем именно анализ генезиса частиц, их эволюционного пути оказывается очень интересной

⁷ О.М. Ким, специально занимаясь дефинициями частиц по 4-томному Словарю русского языка АН СССР, описывает 40 частиц, омонимичных другим частям речи (Ким, 1970, с. 208). Особенно продуктивной, по данным этой работы, оказывается омонимия частиц и наречий (из прилагательных) – исключительно, просто, точно, прямо и т. д.

типологической характеристикой — по многим параметрам. Так, в книге К.Е. Майтинской о служебных словах в финно-угорских языках (Майтинская, 1982) прослеживаются пути возникновения частиц в финно-угорских языках — как чисто формальные (из каких классов), так и семантические (из слов с каким именно значением). Оказывается (более подробно этот вопрос будет анализироваться в главе V), что эти линии генезиса частиц во многом и принципиально отличаются от славянских.

3. Третьим пластом можно считать пласт общей модальности, отношения к сообщаемому. В этом пласте соседями частиц являются модальные слова вроде *слышно, видно*, сходные с категорией состояния; вводные слова — ср.: *Он, вообще говоря, чудак — Он ведь чудак — Он, как известно, чудак* или *Только/Вы не совсем правы* и *Собственно говоря, Вы не совсем правы*. Таких почти синонимических корреляций частиц и подобного рода модальных слов можно привести бесчисленное количество: *А вы в самом деле подумали, что я злой — А вы ведь подумали, что я злой* и т. д. Таким образом, во многом можно присоединиться к положению о том, что "модальная окрашенность характерна для класса частиц в целом" (АГ-80, т. 1, с. 728):

В этой связи интересно только отметить, что к разряду частиц никак нельзя отнести (или соотносить с ними) те вводные слова, которые относятся к организации текста — *во-первых, во-вторых, далее, кроме того, в частности, в конце концов* и т. д. Причины такого отличия именно этого разряда традиционных модальных слов будут рассматриваться в главе II.

4. Частицы, как будет подробно говориться далее, отличаются своим свойством сообщать нечто дополнительное, эксплицитно не выражаемую смысловую строку. И в этом плане некоторые исследователи соотносят с частицами по этому свойству слова полнозначные, но описываемые сходным образом по заключенным в них коммуникативным импликатурам (Karttunen, Peters, 1979, p. 28). Так, для *even* намечаются пресуппозитивные сходства с глаголами *to fail* и *to manage*. Например: *Even Bill likes Mary*. Отсюда следует, что: 1) Другие люди, кроме Билла, любят Мэри. 2) Из всех известных лиц именно Билл представляется наименее способным любить Мэри.

Аналогичными являются следствия из *Mary failed to arrive*: 1) Мэри не приехала. 2) Предполагалось, что Мэри придет: *John managed to sit through a Chinese opera* — 1) Джон высидел на китайской опере. 2) Сидение на китайской опере требует больших усилий для Джона.

Однако для более далеких обобщений в ранге этого четвертого пласта, несомненно, требуется более подробное описание фактов языковой семантики.

5. Последним пластом, куда входят частицы, можно считать пласт коммуникативного поведения. И в этом плане частицы двойки: с одной стороны, они характеризуют именно разговорную речь (РР), даже нелитературную, что достаточно часто обыгрывается и в литературе, особенно русской драматургии XIX и начала XX в. (цепочки частиц в книге Н.Ю. Шведовой во многом взяты именно из этих источников). С другой стороны, лишенная частиц речь воспринимается как излишне сухая, невежливая, поскольку в ней нет контакта, связи, отношения, вовлечения собеседника в сферу общего знания, даже взаимопонимания. Не случайно поэтому Р. Лэйкоф в специальной статье (Lakoff, 1972) сопоставляет частицы вроде *doch* (нем.), *δέ* (др.-греч.) и японские системы вежливости — *honorifics*. Интересно, что, описывая обе эти системы, Р. Лэйкоф трактует их как чуждые английской системе языка и ищет некоторые аналоги в формах ан-

глийских модальных глаголов — *should, may, must*, точнее, в ситуациях их употребления.

Мысль эта представляется интересной для изучения функционирования систем коммуникативного поведения и собственно психолингвистических проблем.

§ 3. ПАРАДОКСЫ ИЗУЧЕНИЯ И ОПИСАНИЯ ЧАСТИЦ

Все собранное выше представляет собой набор самых общих и почти недискуссионных положений об изучении частиц и их лингвистическом статусе.

Между тем существует набор одноаспектных фактов, или лингвотеретических положений, каждый из которых считается утвердившимся в языковедении, но, собранные попарно, они производят впечатление странного противоречия. Противоречия эти могут объясняться четырьмя причинами: 1) противоречивой сущностью самого объекта изучения (частиц); 2) принципиальной гетерофункциональностью этого класса на уровне синхронии; 3) гетерофункциональностью этого класса на уровне диахронии; 4) различием лингвистических школ (и традиций) по отношению к "старому" и "новому" материалу, т. е. некоторым теоретическим диссонансам сравнительно-исторического и синхронного языкознания. Как будет видно ниже, большая часть парадоксов относится к принципиальным вопросам теории языковой эволюции.

1. Парадокс первый

Значение частиц определяется контекстом. И в то же время существуют целые предложения, составленные из одних частиц. И они вполне понятны, причем понятны даже без контекста. Например, легко представить себе контекст вокруг фраз, состоящих из частиц вроде *Vot vedь!*; *Vot to-to zel!*; *Aber doch!*; *Nur aber doch denn mal!*; *Hu vot vedь как!* и даже незаконченных формально *Hu u? И то...* и т. д. Они могут быть вопросом, могут быть ответом на вопрос, могут даже, комбинируясь, составлять часть диалога: *А. Hu vot. Вот так-то. — Б. И то...* Вместе с тем тезис о влиянии контекста остается неоспоримым. Легкий формально, но не объясняющий сути выход может быть найден в конструировании особго, "нулевого" контекста и интерпретации поведения частиц в таком контексте.

2. Парадокс второй

Частицы несут на себе весь максимум коммуникативного (в отличие от номинативного) пласта высказывания. Они передают отношение к ситуации, отношение элементов текста друг к другу, отношения говорящих и отношение говорящего к той системе "общего фонда знаний", которая объединяет адресанта и адресата (адресатов). Таким образом, это слова максимально ответственные за удачу (*happy conditions*) общения. И при этом именно эти слова, или словечки, обладают, как говорилось выше, столь же максимально "размытой семантикой", значениями неясными и неопределенными и, как указывалось, практически непереводаемыми. Так, Хейнрихс пишет об абсолютно неоднозначных переводах и функциях таких близких генетически слов, как *denn* и *then* (Heinrichs, 1981, S. 68); более того, оказывается, что наиболее употребительные частицы варьируются от деревни к деревне в пределах одного говора (Евтюхин, 1979, с. 201). И дело при этом не только в том, что частицы не

посредственных составляющих или генеративной теории: они суперсегментны по своей сути и описать их еще сложнее, чем интонацию или порядок слов, поскольку последние хотя бы в той или иной степени поддаются переводу представленных данных на язык научной абстракции.

3. Парадокс третий

Частицы признаются продуктом более раннего употребления, разговорной речи, диалектной характеристикой. По мере развития и совершенствования национального языка (развития его литературного варианта) число употребляемых в нем частиц обязательно падает: новый синтаксис не нуждается в напоминании об уже сказанном.

О специфике древнерусского синтаксического строя, "выражающейся в постоянных повторениях говорящим сказанного ранее, для более точной передачи содержания мысли", пишет И.А. Элсберг (Элсберг, 1967, с. 13). Так, в старохеттских текстах отмечается гораздо большее количество частиц, убывающих количественно в текстах нового царства (Josephson, 1972, p. 20). Т.Я. Елизаренкова подробно анализирует разветвленную и богатую систему частиц в ведийских текстах и их уменьшение в санскрите (Елизаренкова, 1982). Об уменьшении числа частиц в позднем санскрите см. также: Барроу, 1976, с. 266. Принадлежность частиц разговорной речи, употребление их в комедийных, а не в трагедийных текстах классического греческого описывает Деннистон (Denniston, 1954, p. XXV); об уменьшении числа частиц, точнее, об их синонимическом совпадении в позднелатинском языке пишет К. Фишер (см. относительно *que* в его работе: Fischer, 1981, S. 156). Предлагаются и интерпретации этого явления. Например, Й. Бломквист связывает уменьшение числа эмфатических частиц в поздней эллинистической прозе в сфере неэмоционального языка с меной акцентно-просодической системы греческого языка: переходом от частотного параметра в ударении (*pitch*) к ударению экспираторному (*stress*) (Blomkvist, 1969, p. 145). Это объяснение соотносится с предложенным в нашей книге членением языков на две полярные группы, где сила фразовой интонации и обилие частиц в языковом употреблении как бы обратно пропорциональны друг другу (Николаева, 1977, 1982). И. Добрев связывает убывание частицы *же* в славянских текстах с развитием категориального значения анафоричности у вопросительных местоимений, тем самым *иже* < *и* + *же* стало заменяться на *кѣто* в значении 'тот, который' (Добрев, 1962, с. 112). И параллельно с этим мы находим широко распространенный тезис о стремительном развитии частиц как позднего класса, о позднем развитии в языке категории коммуникативной модальности (для русского языка, например, В.В. Виноградов отмечает этот процесс начиная с XVIII в. (Виноградов, 1972, с. 569). См., например, такой тезис: "Частицы, как известно, по своему образованию — более позднее явление в языке сравнительно с другими частями речи. Они сформировались из других частей речи, как знаменательных, так и служебных" (Знаменская, 1967а, с. 82).

АГ-80 приводит множество примеров формирования частиц из других частей речи в русском языке. Просто стремительный процесс образования частиц демонстрирует К.Е. Майтинская. Например, частица 'только' возникает из слова со значением 'лысый, голый': *куш* в коми, венг. *csupán*; 'пустой', 'степь'; венг. *pusztán*; от слов со значением 'с трудом': фин. *vain*, кар. *vain*, *vai*, *va*, вод. *vaitas*, *vai*, *va*, эст. *vaid(e)*; от слов со значением 'беда' 'мука': селькуп. *kenkysa* и т. д. (Майтинская, 1982, с. 124).

Итак, по мере развития языка частиц становится больше или меньше?

4. Парадокс четвертый

Четвертый парадокс относится к славянским данным. Вербовка частиц из самых разных частей речи, появление новых членов, как кратких, но отдельных единиц вроде *было, просто, пусть*, так и единиц увеличивающейся протяженности вроде *и вот так и, бы то ни было*, все равно не препятствует сохранению некоторого ядра общего для славянского мира числа коммуникативных словечек, которые не исчезают, не вливаются в состав словоформ. Это ядро, например, легко выделить в Этимологическом словаре русского языка Фасмера. См.: *а, абы, али, або, альбо, аж, ажно, ан, ась, ать, ахти, аче, аще, бо, вон, вот, да, даже, де, э, эва, еле, еще, же, и, -ка, ко, ли, либо, на, нет, неужели, наука, ну! ну же, один, оже, осе, авось, паче, се, так, -тко, то уже, це, ци, чи, эва*, это (отмечены элементы современного литературного языка) — все находят соответствия в других славянских языках. За некоторыми небольшими исключениями (*бы* — форма аориста от *быть*, *ведь* от *вѣдать*, *лишь* от *лихой*) отличие ядра частиц и поздних частиц, восходящих к знаменательным словам, отчетливо ощущается не только языковедами, но и всеми говорящими по-русски.

5. Парадокс пятый

Пятый парадокс связан с формой этого ядра. Несмотря на свободную "вербовку" частиц из других частей речи и на соответственное разнообразие фонетического состава, это архаическое ядро сохраняет довольно прозрачную по своим законам фонетику, которая отличается от фонетики языков других групп (например, фонетика финно-угорских частиц, по данным книги К.Е. Майтинской, совсем иная) и от фонетики других классов слов той же группы языков, даже служебных слов. И здесь, несколько забегая вперед, можно сказать, что если выше мы говорили о разнообразных функциональных и формальных смежных сферах для частиц, то, как оказывается по многим параметрам, антиподом частиц и по формально-фонетической структуре является предлог.

Фонетика архаического ядра легко описывается через набор первичных единиц и правила грамматики их порядка. Это набор вокальных частиц *a, i, u, e(o)*, каждая из которых употребляется (или употреблялась) в виде самостоятельной единицы, и набор сочетаний *CV*, где *C* может быть *j, n, l, m, b, t(d), g(ž,z), k, (č, c)*.

Более подробно эта партикуловая фонетика будет описываться в главе V, сейчас необходимо отметить, что она не знает *r* (в резкой противопоставленности предлогам), не терпит для общеславянского ядра никаких консонантных сочетаний и отчетливо поддерживает открытость слога. Таким образом, этот простой в своей исходной части "конструктор" порождает значительное число частиц, союзов, местоимений и местоименных наречий — или $\langle u + \text{ли} \rangle$; либо $\langle \text{ли} + \text{бо} \rangle$; ибо $\langle u + \text{бо} \rangle$; иже $\langle u + \text{же} \rangle$; даже $\langle \text{да} + \text{же} \rangle$; едва $\langle \text{ед} + \text{ва} \rangle$; единь $\langle \text{ед} + u + \text{нз} \rangle$; елико $\langle e + \text{ли} + \text{ко} \rangle$; только $\langle \text{то} + \text{ли} + \text{ко} \rangle$; коли $\langle \text{кз} + \text{ли} \rangle$; кзто $\langle \text{кз} + \text{то} \rangle$; нежели $\langle \text{не} + \text{же} + \text{ли} \rangle$; никто $\langle \text{ни} + \text{кз} + \text{то} \rangle$; осе $\langle e + \text{се} \rangle$; здесь $\langle \text{сь} + \text{де} + \text{сь} \rangle$; такз $\langle \text{та} + \text{кз} \rangle$; эва $\langle \text{э} + \text{ва} \rangle$ и т. д. На основе этих партикул современные частицы, т. е. неизменяемые слова, соотносятся с изменяемыми словами, но сходного коммуникативного генезиса — *некий, один, чей, этот, эдакий, экий, оный, сей* и т. п.

Таким образом, по правилам пересчета можно говорить (для языков, связанных и не близким родством) о трех совпадениях в порожденных цепочках: 1) совпадает цепочка и функционально, и генетически — ср.

лит. *dargi* 'даже' = *dar* (*da*) + *gi* (*же*); 2) совпадение функциональное, но не генетическое — ср. ведийское *cana* — 'даже' после отрицания = 'и не' (*И не думайте!*), хотя *ca* ≠ *u*; 3) совпадение генетическое по частям, но не функциональное: лит. *ĩrgi* 'тоже' из *ĩr* (*u*) + *gi* (*же*), т. е. *иже*; лит. *ogi* соответственно *a* + *же*. но значит 'ведь, а, вот'; лит. *argi* соответственно *li же* или *или же*, но значит 'разве'.

Для более отдаленных групп это фонетическое ядро остается на консонантном уровне. Так, К.Е. Майтинская говорит о первичности трех рядов коммуникативных единиц: отрицательных, усилительных и вопросительных. Фонетически это *n*-овые компоненты: указательные отрицательные и чисто указательные; *t*-овые: указательные; *k*-овые: дейктические вопросительные.

В.М. Иллич-Свитыч также описывает партикулярный фонетический набор близко к тому, что указывалось выше для славянских языков. При этом некоторые частицы, например *-ка* после императива (*дай-ка*), возводятся им к периоду ностратического единства (Иллич-Свитыч, 1976, с. 207). Более активными в его фонетическом ядре являются лишь *m*-овые компоненты, которые в славянских языках перешли в позицию конца (см.: Et. slovník, 1973, *koncové partikule*; 1980), где видна вторичность многих образований с начальным *m*).

6. Парадокс шестой

Последний парадокс относится к самым серьезным проблемам общей теории языковой эволюции. А именно: частицы в своем наиболее архаичном ядре "конструктора" первичны или вторичны?

С одной стороны, существует отчетливая теория, по которой архаическое ядро частиц восходит к тому периоду развития языка, когда сложившихся частей речи, морфологии в современном смысле слова, еще не существовало и частицы-партикулы могли быть и междометиями, и собственно частицами, и местоимениями. См. о ведийском у Т.Я. Елизаренковой: специальных союзов в языке еще нет и их функции осуществляют частицы, местоименные формы и наречия, между которыми нельзя провести твердой грани (Елизаренкова, 1982). К.Е. Майтинская пишет также, что наиболее древние частицы образовались на материале звуковых комплексов междометийного характера или на материале местоимений (Майтинская, 1982, с. 152), что общность указательных частиц с указательными словами объясняется первоначальной недифференцированностью дейктических слов — они были местоимениями, местоименными наречиями и указательными частицами (с. 124). Таким образом, "эта общность указательных местоимений и указательных частиц отражает то древнейшее состояние дейктических слов, когда указательные местоимения и указательные частицы еще не были разделены, т. е. одна и та же единица совмещала в себе обе функции (с. 146). Этой кажущейся логичной идее первичной функциональной диффузности коммуникативных компонентов высказывания противоречат уверенные утверждения многих этимологических словарей о том, что многие частицы самого первичного состава восходят к застывшим падежным формам и.е. местоимений. Например, *da* < *и.е. указ. мест. *do (*tó*); *e* < *указ. мест. *e*; *i* < *ei локатив от указ. местоимения *e*.

Таким образом, принимаемая лингвистическая теория и принимаемая в соответствии с ней идея эволюции языка описывается через разницу двух глаголов, за каждым из которых стоит серьезное лингвистическое *credo*: восходит? или соотносится? При первом подходе частицы, т. е. слова

коммуникативно-модального пласта, вторичны, а перед ними в более глубокой истории лежит мощно морфологизованный язык с падежами весьма разветвленными, с выраженными дейктическими местоимениями (т. е. очень высокой ступенью текстовой грамматики), но без частиц и без союзов. При втором подходе описывается первично диффузное назначение коммуникативно-дейктических компонентов, позднее: морфологизовавшихся и разошедшихся по частям речи (см. точки зрения Т.Я. Елизаренковой и К.Е. Майтинской).

К этому противоречию первичности-вторичности можно подойти, пытаясь его разрешить, с разных точек зрения.

1) Можно отнести к нему как к обычному для всей грамматической системы языка процессу перехода знаменательных слов в служебные с становлением неизменяемых классов: наречий из прилагательных, предлогов из наречий и существительных и т. д. Это не только справедливо, но и очевидно для позднего слоя частиц глагольного и наречного происхождения, приводимых В.В. Виноградовым и АГ-80. Именно так пишет о частицах и И.М. Копыленко: диахроническое их развитие состоит в том, что частицы переходят в полнозначные части речи, а полнозначные части речи — в частицы (Копыленко, 1981, с. 10). По этому закону, как показывает О. Карруба, восходят к полнозначным наречиям анатолийские *-kan*, *-san*, *-(a)sta*, *-(a)pa*, хет. *-kan* < *kattan*; *-san* < **saran*; *-(a)sta* < *(i)starna*; *-(a)pa* < *appa/appi-zzi* (Carruba, 1969, S. 19).

При таком подходе остается только неясной некоторая бедность частиц в общиндоевропейском при богато флектированных местоимениях.

2) Второй подход есть тот взгляд на язык, когда в его развитии видят как бы периоды чередования агглютинации — фузии — агглютинации — фузии в широком смысле слова. Т. е. если первый подход можно назвать подходом парадигматического перераспределения слов по классам, то этот подход можно назвать подходом синтагматического перераспределения. Тогда можно считать, что частицы-партикулы как бы впитываются, соединяясь, знаменательными словами и возникает потребность в появлении новых частиц, поскольку старые уже абсорбированы и возникают сложные, линейно протяженные частицы вроде *вот и то*; *бы то ни было*; *ну и*; *хоть бы*; *вот ведь* и т. д. Как пишет В. Дресслер, "последовательность *Kompositum — Simplex — Simplex — Kompositum* — это универсалия развития текстовой семантики (*der Textsemantik*) (Dressler, 1971, S. 21).

При таком подходе определяется, что более простые по составу частицы становятся союзами. Союзы в их современном виде есть более поздний продукт, чем частицы.

3) Последнее решение, однако, не так просто, и специальным соотношением в историческом плане союзов и частиц занимался чешский лингвист Я. Бауэр (Bauer, 1972; 1958). Он считал, что многие союзы возникли из частиц и наоборот и что принципиальное различие этих двух служебных частей речи очень важно в синхронном и в историческом отношении. В синхронном плане, по мнению Я. Бауэра, можно говорить об омонимии частица — союз, о частицах с закрепленной вторичной функцией союза, о союзах с вторичной функцией частицы, о частицах-союзах одновременно. об обусловленных контекстом применениях частицы как союза (Bauer, 1972, S. 383). Но различать их необходимо, поскольку это может содействовать доказательному определению семантических и лексических заимствований и выявлению пути эволюции каждой сложной частицы в отдельном славянском языке. Так, например, польское *alibo* выводится Я. Бауэром из *ali+bo*, а не из *a+li+bo* по следующим соображениям: 1) уже было ранее отмечено для польского *ali*, 2) не было отдельного

компонента *libo* (Bauer, 1958, S. 84). Старославянское же было, по мнению Я. Бауэра, союзом, а в древнерусском языке оно еще было частицей и потенциальным сочинительным союзом. Последний усилился под старославянским влиянием, старославянские сочинительные союзы, напротив, потеснили союзность у русского *да*, которое тоже было и частицей, и союзом (Bauer, 1972, S. 91–94). В том же русле написана работа М. Бауэровой о соотношении древнегреческих частиц и старославянских компонентов с БО (Bauerová, 1958). Описывая конкретные наблюдения, исследовательница приходит к выводу о том, что весь материал "показывает, как новый литературный язык приспособлялся к тем потребностям выразительности, которые встали перед ним при переводе с такого зрелого (*vyspřelého*), языка, каким был древнегреческий" (Bauerová, 1958, S. 100). Таким образом, третий подход есть признание за языками возможности быть более или менее развитыми литературно и влиять — для более развитых — как самим составом лексем (так, К.Е. Майтинская пишет, что русский язык стоит на первом месте по заимствованиям из него частиц для многих финно-угорских языков), так и изменением грамматического статуса функционально и/или этимологически близких лексем.

4) Этот путь соотносим и с четвертым подходом — признанием некоторого универсального пути языковой эволюции, в принципе единой для языков разного строя, пути, по которому, однако, не все языки могут продвигаться одинаково далеко. "Языковые изменения мотивируются естественными универсальными принципами, переступающими через искусственность синхронии и диахронии" (Givón, 1976, p. 184). Таким образом, при таком подходе диахрония в своей конкретной реализации управляется законами человеческой коммуникации, дискурса. Человек — центр коммуникации и основная точка отсчета, поэтому коммуникативный процесс эгоантропоцентричен. Поэтому языки, генетически не связанные, могут совпадать в своем типологическом статусе, и, напротив, языки, генетически связанные, могут весьма существенно расходиться. Эта идея единонаправленности процесса языкового развития, общего для родственных и неродственных языков, имеет своих предшественников в лице Ф. Боппа, В. Гумбольдта, О. Есперсена, Э. Сэпира, Ш. Балли, а в нашем языкознании — И.И. Мещанинова, В.И. Абаева, С.Д. Кацнельсона (см. Литературу). В современной зарубежной лингвистике эгоантропоцентрический вариант этой концепции, т. е. ставящий человека и его коммуникативные установки в центр языковой эволюции, первопричиной которой он, человек, и является, активно разрабатывается рядом американских ученых (см.: Givón, 1979; *Word order*, 1975; *Subject and Topic*, 1976; *Mechanisms of syntactic change*, 1977), понимающих историю языка как историю того, как первичный способ представления действительности уступает место развертыванию высказывания по правилам грамматики конкретного языка. Весь этот процесс перехода от прагматического описания к языковому называется синтаксизацией, т. е. происходит как бы конденсация дискурса, переход его в языковой синтаксис.

Чисто синтаксические структуры поглощаются возникающей флективной морфологией. Возникает циклический процесс: дискурс > синтаксис > морфология > морфонемика > нулевой исход цикла (Givón, 1979, p. 209). Одно из основных свойств синтаксизации — это так называемый ре-анализ, т. е. переформулировка, добавление или исчезновение компонентов поверхностной структуры. Таким образом, на уровне прагматического кода языки наиболее близки и на уровне синтаксического кода языки максимально различаются. Эти идеи очень близки к идеям, высказанным в 30-е годы В.И. Абаевым о языке как идеологии и языке как тех-

нике (Абаев, 1936) Процесс технизации, по В.И. Абаеву (т. е. синтактизации, в новых терминах), есть "универсальный процесс, определяющий линию языкового развития" (Абаев, 1936, с. 5), технизация есть универсальный эволюционный процесс: "Разве не являются иллюстрацией технизации языка процессы образования грамматических категорий? Разве не является такой иллюстрацией превращение когда-то самостоятельных слов в функциональные частицы-морфемы?" (с. 6). "Для нас формальное, — пишет В.И. Абаев, — это результат технизации того, что когда-то было не формальным, т. е. было идеологическим" (Там же). Порядок слов как арена линейного представления мысли в работе Р.О. Якобсона (Якобсон Р., 1979) в прагматическом коде представляется иконическим, т. е. архаическим развертыванием речи в соответствии с движением мысли и охватыванием представляемой ситуации. См. об архаичности такого синтаксиса у М.М. Гухман (Гухман, 1981).

Однако, как подчеркивает Т. Гивон (Givón, 1979, p. 196), прагматический способ речегворения и при полной синтактизации не исчезает, а как бы сосуществует с новым, синтактизированным. Он близок по своей структуре к детской речи, на нем говорят в свободной (informal) речевой ситуации, на нем изъясняются плохо знающие язык иностранцы.

Процесс синтактизации имеет и свои функциональные причины. Одна из них — это стремление конденсировать смысловую насыщенность высказывания при некоторой темпоральной его заданности, т. е. углубить его семантику, сделать высказывание многоканальным, передав воспринимающему больше "смысловых строк" в одной и той же линейной последовательности.

Функциональное место частиц и при этом подходе по-прежнему остается невыясненным.

А именно: они как будто бы, будучи более активными в РР, в диалектах, должны принадлежать более простому и архаическому прагматическому коду и быть мало представленными в отработанном литературном варианте (см. выше, они действительно количественно уменьшаются). С другой стороны, именно они в наиболее конденсированном виде передают семантику отношения к сообщаемому, добавляя к его содержанию дополнительные смысловые строки — см. об этом главу II. И действительно, их число возрастает (см. выше и об этом). Таким образом, парадоксальная двойственность остается.

Единственный вывод, напрашивающийся в том случае, если мы примем этот четвертый путь, путь универсального развития, тот, что в отношении частиц и "застывших" форм местоимения логичнее принять термин "соотносится", чем "восходит", поскольку в противном случае общиндоевропейский фон предстает языком гораздо более высокого уровня, чем язык реальных восходящих к нему этносов, и является языком более высокого этнического менталитета (необходимо сказать, что эти вопросы поднимаются лишь как доведенное до конца логическое следствие некоторых научных позиций, но сами находятся вне компетенции автора).

§ 4. ПРОБЛЕМЫ ОПИСАНИЯ ЧАСТИЦ

В следующих главах предлагается описание частиц славянских языков в их отношении к некоторым лингвистическим ситуациям. Полученные данные суммируются в заключительной главе, где дается стратификация частиц по их функциональным характеристикам. Значительная часть собственно славянского материала восходит к подготовленному и изданному

в Чехословакии Этимологическому словарю славянских языков (Et. slovník, 1973, 1980), являющемуся одновременно и Толковым словарем служебных слов славянских языков. Материалом анализа русского языка служили скопированные тексты из Словарной картотеки Словарного сектора Ленинградского отделения Института языкознания АН СССР на частицы *ведь, вон, вот, даже, еще, же, и, один, только, уже, это*, а также все тексты с употреблением частиц *-то, -либо, -нибудь, не, кое-, бы то ни было* со всеми возможными вторыми компонентами: ср. *некий, некоторый, некто, нечто; кое-кто, кое-что, кое-какой* и т.п.⁸

При описании и представлении функциональных характеристик частиц с необходимостью вставляли серьезные проблемы анализа материала и подхода к нему, которые или приходилось решать со всей неизбежностью (вполне возможно, что неудачно), или оставлять нерешенными, или, во всяком случае, не принимать какого бы то ни было обязывающего решения.

Проблема первая — это проблема синтагматической протяженности частицы, т.е. проблема отличия составной частицы от соположения частиц как случайного, так и вероятностного. Существует критерий, по которому единой частицей считается частица хотя бы и составная, но имеющая иное, особое значение, не вытекающее из значения ее составных частей, отдельно располагающихся. Этот критерий, например, удачно работает для частицы вроде *даже*, ср.: */Я/ даже боюсь его!* и *Да боюсь же его!* или *Да иди же быстрее!* и *Даже идет он быстрее, чем ты!* Но некоторые частицы, в частности и приводимые в списках АГ-80 (с. 725), отнюдь не поддаются этому критерию. Например, *только бы*: *Только не опоздать бы!* *Лишь бы*: *Лишь бы дождя не было!* Здесь вполне допустимы смысловые расположения: *Только не опоздать!* + *Не опоздать бы!* = *Только не опоздать бы!* Или: *Дождя бы не было!* + *Лишь дождя не надо* = *Лишь бы дождя не было* и т.д. Точно так же вызывают размышления в этом же разделе примеры вроде *Вот это так распоряжения*, приведенные на *Вот так* (почему здесь не *Вот это так?*) и т.д.

Наиболее сложными являются определения статуса комплексов с *и*, которые столь же частотны, как древнегреческие конструкции с *καί*, чего и следовало ожидать; судя по подсчетам Е. Дограмаджиевой, всего из 1925 случаев употребления *ка́и* в греческих евангельских текстах в 1705 случаях ему соответствует ст.-сл. *И* (Дограмаджиева, 1968, с. 88). Это конструкции вроде *Вот и: Вот и papa пришел* (*/Вот papa пришел + И papa пришел/?*); *Еще и обижает* (*/Еще обижает + И обижает/?*). Подобные сочетания рассматриваются в главе II в специальном разделе: *и* справа — *и* слева.

Необходимо при сопоставительном изучении учитывать и роль графики при определении состава частиц, точнее, графической традиции. В русском языке она наиболее, по сравнению с другими славянскими языками, стремится к графической отдельности частей: ср. польск. *zkaǳe, tenże, tamże*, луж. *kotryż, čejż*, чешск. *když*, слов. *kdeže*, чешск. *ato, atož*, укр., бел. *ану* и т.д.

В настоящей работе проблема классификационного рабочего критерия в этом плане не решается: привлекается материал ядра бесспорных по статусу частиц.

Вторая проблема — это проблема парадигматического характера, т.е. проблема выработки критериев отличия частиц от наречий, местоимений и прежде всего от союзов. Как указывалось выше, проблема шкалярности

⁸ Пользуюсь случаем поблагодарить коллектив сотрудников Картотеки, и в первую очередь Р.П. Рогожникову, за внимательное отношение и предоставление возможности провести работу с материалами, которая осуществлялась в период с 1975 по 1982г.

грамматического функционирования частиц входит в число общепризнанных положений. Особенно отчетливо эту промежуточность класса частиц сформулировал еще в эпоху общетаксономических иллюзий Л.В. Щерба: "Всегда остается какое-то количество слов, которое никуда не подходит. Их относят либо к наречиям, либо к частицам, являющимся своего рода складочными местами, куда сваливают вперемешку все лишнее, что никуда не подходит . . ." (Щерба, 1958, с. 24), "Нечего опасаться, что некоторые слова никуда не подойдут, — значит, они действительно не подводятся нами ни под какую категорию. Таковы, например, вводные слова, которые едва ли составляют какую-либо ясную категорию . . . Разные усилительные слова вроде *даже*, *ведь* и (= 'даже'), слова отчасти союзного характера вроде *итак*, *значит* и т.п. тоже никуда не подводятся нами и остаются в стороне" (Щерба, 1974, с. 81).

Третья проблема связана с вопросом о соединении традиций в описании частиц и соблюдении общих принципов за счет некоторого теоретического компромисса. Речь идет о следующих вещах. К частицам относят и комплексные по семантике коммуникативные словечки, и неизменяемые полуформанты *-то*, *-либо*, *-нибудь* и т.д. Как указывалось выше, материал с подобными частицами является одним из основных источников в настоящем исследовании. Между тем указанные частицы-форманты образуют изменяемые неопределенные местоимения, которые определяют имена, входя, таким образом, в состав применимых словосочетаний: *некое лицо*, *какой-нибудь подарок*, *некоторые люди*, *какие-то минуты* и т.д. Таким образом, неизменяемые компоненты высказывания, не входящие в дерево предложения, вроде *вот*, *только*, *еще*, *даже* измеряются теми же мерками, что и изменяемые и входящие в состав грамматической схемы элементы. Как мы постараемся показать далее, зоной объединения и сопоставления этих феноменов являются такие категории, как событие, передаваемое в его глобальности—неглобальности, факторы пресуппозитивного характера и грамматический состав высказываний. Однако и в этом плане необходимо было бы для полноты выводов привлечь и изменяемые местоимения *этот*, *тот*, *такой*, и их славянские эквиваленты, состоящие генетически из тех же компонентов "конструктора", что и неизменяемые частицы: *такой* (< *ta* + *kъ* + *jь*; *тотъ* (< *to* + *tъ*; *этотъ* (< *э* + *to* + *tъ* и т.д. Будучи анафорами или демонстративами, они точно так же входят в состав слов-коммуникаторов. Однако объем работы был выбран без учета этих местоимений, поскольку их анализ, на наш взгляд, представляет хотя и связанную с этим, примыкающую, но самостоятельную проблему (см. об этом в коллективной монографии: Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979).

В работе также не рассматривается весь материал, связанный с негацией. Не рассматриваются также и вопросительные предложения, точнее, специальные вопросительные предложения. Таким образом, материалом в основном являются утвердительные повествовательные высказывания, по большей части это предложения главные, если говорить о сложноподчиненном предложении. Т.е., как считает Т. Гивон, именно этот материал есть арена инноваций, есть свидетельство о синхронном уровне синтаксизации, тогда как синтаксис вопросительных, негированных и придаточных предложений сохраняет более архаичную структуру (Givón, 1979, p. 91—141). Добавим далее, что выбранный нами материал в своей пропозициональной части максимально ассертивен.

Четвертая проблема — это проблема позиции, занятой по поводу наличия у частицы собственного инвариантного значения. Как указывалось выше, многие исследователи отрицают наличие у частиц собственного лексическо-

го значения, справедливо указывая на их определяемость контекстом, структурой высказывания — во-первых, и на их широкую синонимичность — во-вторых. Однако внимательный анализ функциональной семантики каждой частицы показывает, что у любой частицы есть свое значение. С некоторой натяжкой, как всегда в лексикографической практике, это значение можно сформулировать в общем виде. Это инвариантное значение как бы пронизывает всю систему употребления слова с частицей, создавая сложную систему смысловых переходов — постепенных, с градуально меняющейся семантикой. Поэтому *какой-то* во фразах: *По-Вашему, Рудин Тартюф какой-то?* и *В обществе она рассеяна и ленива, это придает какую-то заманчивость ее словам* или *Опять ты видишь какой-то свет! — Не какой-то, а настоящий свет* — одно слово с общим значением.

Об инвариантном значении частиц, формирующих неопределенные местоимения, также писали достаточно много, более того, уловить это значение и было той задачей, которую ставили себе исследователи. Так, поиск инвариантного значения с учетом всех функциональных ответвлений определил программу большей работы М.А. Шелякина (Шелякин, 1978). Именно в силу инвариантности и синонимичности значения невозможны для частиц подстановки ни типа *На ней было/розовое/синее/коричневое* и т.д. *платье*, ни типа *На ней было/светло-синее/ярко-синее/синее/темно-синее/платье*. Высказывания *Я вижу кое-что, Я вижу что-то, Я вижу нечто* несводимы к подобного рода однородным или количественным заменам.

Но, приняв идею "особости" инвариантного значения каждой частицы и выражения ими же разной степени его как способа выражения отдельных пластов их семантики, мы сталкиваемся еще с одним явлением, как будто бы противоречащим вышесказанному. А именно: существуют контексты схемы, когда разные частицы имеют одно и то же значение. При этом различаются две ситуации. Если пытаться как-то передавать значение через перифразу, то этой перифразой может быть (на материале неопределенных местоимений): а) не неопределенное местоимение из рассматриваемой совокупности, а некоторое слово иного набора, например: *любой, всякий, какой попало, нечто вроде X, как бы X* и т.д.; б) другое неопределенное местоимение из того же рассматриваемого набора, например: *какой-то — один, какой-нибудь — кто-нибудь* и т.д., перифраза: *нечто вроде, как бы*.

С каким-то неопределенным чувством глядел он на дома, стены, забор и улицы; Он встал и вышел к товарищу в каком-то раздумье; Студент рассказывал о ней с каким-то особенным удовольствием и все смеялся; Во мне есть какая-то глупая откровенность, какая-то болтливость; Оба молчали и чувствовали некоторую неловкость; После обеда она подошла к окошку с чувством некоторого беспокойства, но уже офицера не было; Вы его чем-нибудь рассердили? — отозвался князь, с некоторым особенным любопытством рассматривая миллионера в тулупе; Все почувствовали некоторый трепет; Был он, как и прежде, уравновешен, медлителен, но уравновешенность стала иной, как бы от некоей внутренней строгости; Ему казалось, что в нем зарождается некое новое настроение, но он не мог понять, что именно ново.

Вторая перифрастическая возможность реализуется тогда, когда значение обозначается через неопределенное же местоимение: *Люди несли жизнь, как долг, жили без радости, без надежд на нечто (что-то, что-нибудь) лучшее, светлое.*

Подобного рода взаимных пересечений много: от попарных до тройственных и более. Вторая из описанных ситуаций отличается от первой

тем, что неопределенные местоимения здесь как бы сливают свою семантику, а не приобретают — все вместе — некое новое особое значение.

Изложенную идею можно представить в виде схемы, где А, В, С (фигуры выбраны условно) суть инвариантные значения частиц, заштрихованные же участки суть зоны смысловых совпадений; таким образом, говорить о полной нейтрализации нельзя, так как инвариантное значение при совпадениях не разрушается, а как бы отбрасывает свою тень на текст.

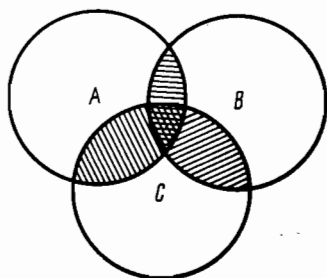

Рис. 1

Например, в слове *один* (или польск, *rewien*), как показывает В. Биркенмайер, есть указание на будущее, чего нет в *какой-то*, хотя контексты их употреблений могут иногда совпадать (Birkenmaier, 1976).

И вместе с тем, будучи упрощенной, приведенная схема не отражает внутренней структурированности каждого из инвариантных значений, хотя именно эта структурированность и является базой для пересечений межсловной семантики.

Пятая проблема связана с вопросом описания частиц. Как и через какие параметры может быть представлен результат их анализа? Естественно, что исследовательские пути при этом могут быть самыми различными.

Выходом из таксономического тупика, к которому привели все попытки найти строгие критерии отграничения частиц от других грамматических классов, в первую очередь оказалась идея пословного описания частиц. Например, именно такое описание считает оптимальным Е.А. Стародумова: "Достаточно полная и ясная картина функционирования частиц может быть представлена только на основе "пословного" их описания, исследования каждого слова — но обязательно с учетом его парадигматических связей с другими, функционально подобными словами" (Стародумова, 1974, с. 3). Многие кандидатские диссертации посвящены анализу отдельных частиц (Оскотская, 1966; Иванова, 1970; Булатникова, 1973; Вязовик, 1981; и др.).

Особенно это направление характерно для изучения семантики английских и немецких частиц, когда целые монографии посвящаются трем частицам (Altmann, 1976), одной частице (Gornik-Gerhardt, 1981), не говоря уже об обширных списках статей об одной частице (см. Литературу). Частицы можно описывать и по разрядам, которые обычно, хотя и в разном составе, приводятся в каждой грамматике. Так, В.В. Виноградов выделяет 8 разрядов частиц (Виноградов, 1972), в основном по двум разным критериям: по семантике самих частиц — количественные (*почти, приблизительно, ровно* и т.д.) и по типу связи с другими словами — присоединительные, модально-приглагольные, выделительные и т.д.; он же выделяет 12 разрядов модальных слов и частиц, обе классификации пере-

секаются; АГ-80 по функциям выделяет 6 разрядов частиц: 1) формообразующие; 2) отрицательные; 3) вопросительные; 4) характеризующие действие по протеканию во времени или результативности; 5) модальные; 6) утверждающие или отрицающие реплики (АГ-80, с. 725–731); известна классификация А. Мировича (Мирович, 1962), относящаяся во многом к высказываниям или к словосочетаниям с частицами; собственно, семантически классификация Е.А. Стародумовой (Стародумова, 1974), которая делит их на ограничительные, утверждающие, частицы крайности и действительные. В грамматиках, описывающих древние языки, число разрядов обычно меньше. См. три группы у Бломквиста: адверсативные, прогрессивные и добавляемые (Blomkvist, 1969).

Принцип деления на разряды послужил в качестве проверяемого в нашей работе. Кроме того, во многих грамматиках одни и те же частицы попадают в разные разряды. Поэтому вся работа в ее синхронно-теоретической части строится как бы "за спиной" частиц: проверяются и анализируются их корреляция с тремя основными столпами, определяющими их функциональную семантику, их отношение к передаваемому событию (описание события как особой категории лингвистики — см.: Николаева, 1980, 1983): является ли это событие реальным—ирреальным, однократным—многократным, генерализованным—конкретным, непосредственно наблюдаемым—вводимым в текст, противоречащим позитивной картине мира—ограничивающим ее—соответствующим ей; как связывают частицы два события и т.д. — глава II.

Вторым параметром является анализ той дополнительной семантической информации, которая сообщается частицей воспринимающему и на которую она, с другой стороны, опирается. Например: *Только старуха сидела молча* → а) В помещении были и другие существа; б) Эти существа не молчали. Или: *Уже в два года она говорила совершенно чисто* → В два года можно говорить и с дефектами речи; *Он даже вздохнуть не мог* → Не совершается естественный биологический минимум: вздохнуть как будто бы всегда можно и т.д. Эти явления в широком смысле называются пресуппозициями. Однако среди них различаются пресуппозиции экзистенциальные и прагматические, выделяются следствия (entailments) и имплицатуры, конвенциональные и коммуникативные (conversational). Все эти категории связаны с частицами по-разному и по-разному с разными частицами. Более того, через них частицы связаны и с такими традиционными грамматическими категориями, как уступительность, обобщенность, анафора и т.д. Стратификация частиц по этому параметру производится в главе III.

Следующим параметром является анализ связанности—несвязанности грамматического состава высказывания, в которое входит частица. Дело в том, что тезис о зависимости значения частицы от состава высказывания имеет разную силу и в зависимости от частиц, и в зависимости от их значений. Например, возможно: *Даже он получил подарок* и *Даже он получит подарок*. Но: **Я себе в Москве купила какую-нибудь блузку (купила требует какую-то)*.

В главе IV производится анализ значения частиц в зависимости от: а) суммы акцентно-интонационных показателей; б) от категориально-грамматического состава высказывания, причем учитываются и чисто грамматические характеристики, например вид и время глагола-сказуемого, его лексические характеристики, характеристики субъекта и объекта, линейный порядок компонентов высказывания.

Шестая проблема — проблема соотношения частиц с языковой типологией. Здесь также возможно двигаться по ветвящемуся пути, который в целом может быть представлен в виде некоторого древовидного графа,

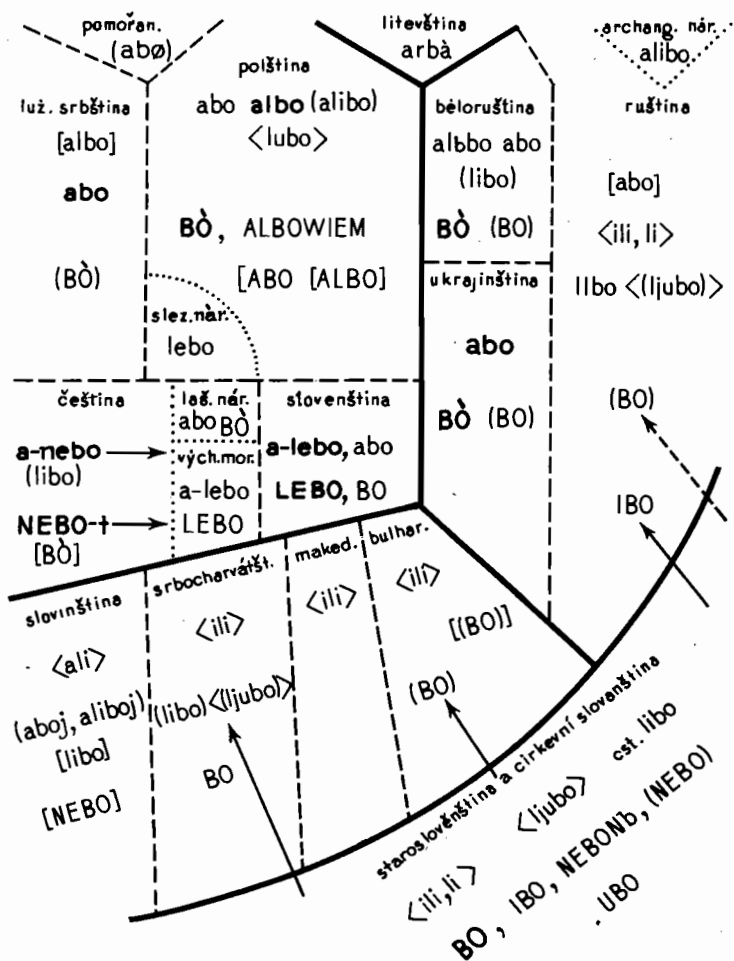

Рис. 2

где левая часть отсекает различное, а правая часть объединяет языки по данному выбранному признаку.

Можно представить себе первый уровень типологического сопоставления как количественный. А именно: языки можно делить на языки, где частиц много, и на языки, где частиц мало. Так, Э. Косериу не только выделяет два частицеобильных языка: древнегреческий и немецкий (см. выше: Хейнрихс включает сюда и третий язык – русский), но и дает общую типологию строя этих языков. Так, он включает в их строй еще два обязательных компонента: широко представленные *Composita* и богатую систему префиксации у глаголов (Coseriu, 1980). См. о специфике греческого в этом плане у Е. Курзовой (Курзова, 1979). При общем среднем количестве частиц (вся славянская ветвь языков знает множество частиц) следующим уровнем будет уровень составления репертуара. Репертуар этот составляют и осмысленные, т.е. самостоятельно коммуникативно

выступающие, компоненты и части частиц, т.е. партикулы. На этом уровне важно отделить частицы, известные только одному языку или даже только одному языку в его прошлом. Например, многие частицы, приводимые К. Чолаковой (Чолакова, 1958), — *чак, холан, хем, зер, кешки, хич, шди* — являются словами-заимствованиями и не входят в общеславянский фонд. Далее, некоторые частицы характеризуют лишь один язык в определенную эпоху: *abrž* — старочешский; *ačak* — старословацкий; *ačet* — старорусский; *bociem* — старопольский; *dace* — старорусский; *ижно* — старорусский; *јасу* — старопольский; *jekudž* — старочешский; *lepak* — старопольский; *medle* — старочешский; *nali* — старочешский и т.д. На этом уровне определяется общий инвентарь и обнаруживаются некоторые доминанты для каждой группы славянских языков. Именно этим вопросом много занимался Я. Бауэр, выделявший, например, линию начального *бо* для западнославянских языков и нетипичность *бо* и союзов/частиц с *бо* для русского языка и т.д. (см. рис. 2) (Baue, 1958). Характерные доминанты частицы-релятивизатора *X + же* или *X + то* приводит для славянских языков А.А. Зализняк (Зализняк, 1981).

В рамках общего совпадения выделяется далее частица как целое и частица — комплекс частиц, еще не слившихся в единый компонент. Например, А. Лампрехт показывает процесс грамматикализации в чешском языке тех комплексов, которые в русском языке могут восприниматься как более свободное сочетание (Lamprecht et. al, 1977, s. 262–290).

Наконец, на следующем уровне определяются частицы, которые во всех исследуемых языках являются самостоятельными словами, и те частицы, которые сейчас можно назвать только партикулами (см. выше *-а, -ча*), но которые в языках более древних были самостоятельными частицами.

Для основного ядра можно определить два последних уровня совпадений: а) совпадают примерно и функции, и фонетический состав; б) совпадают функции у частиц, этимологически различных. В качестве примера последнего случая можно привести чешские союзы *i, a*. Так, *a* имеет значение сочинительное (*a* в русском языке сопоставительно-противительное). Но чешское *i* по исследованию Х. Беличевой-Кржижковой (Beličová-Křižková, 1978) имеет не только сочинительно-копулятивное значение, но и употребляется тогда, когда состав актантов полностью исчерпан и в принципе не имеет добавления, ср. *Vrátili se Pepík, Franta a Tonik; Vrátili se Pepík, Franta i Tonik; Zdravi tě tatínek, maminka a babička*, ср: *tatínek, maminka i babička* (с. 83).

На этом уровне ему эквивалентно русское *да*, которое в большей степени, чем *и*, передает значение исчерпанности: *Иван да Марья*. Все эти уровни в той или иной степени представлены в главе V настоящей книги.

ТИПОЛОГИЯ ЧАСТИЦ И ТИПОЛОГИЯ ОТРАЖЕННЫХ СИТУАЦИЙ

§ 1. СКОЛЬКО СМЫСЛОВЫХ МИРОВ ОТРАЖАЮТ ЧАСТИЦЫ?

Среди квалификационных и классификационных дефиниций частиц в их отношении к высказыванию одно из наиболее распространенных есть определение их как "относящихся к слову (синтагме)" или "относящихся ко всему предложению" (см., в частности, Iwasaki, 1977, S. 66; Шведова, 1960, с. 159; Торопова, 1974; Иванова, 1970, с. 7; и др.). Представлена специальная классификация у И.М. Копыленко по тому, относятся ли частицы к слову и/или ко всему предложению (Копыленко, 1981, с. 17). Так, ко всему предложению по этой классификации относятся *что(же), что ли, ведь, все, как, ну(и), разве, так(и), тоже, уже*. Можно показать, что практически почти все частицы могут "относиться к предложению". Например: *Да, в целом Вы правы. Только/Вы немного ошиблись: он тогда уехал из Ленинграда и Все решили задачу в целом правильно. Только Вы немного ошиблись. или: Вы меня помните? Я еще Пушкина "Анчар" читала? и Мне так аплодировали. Я еще/Пушкина "Анчар" прочитала* и т.д. Но что значит "относиться к слову" и "относиться к предложению"?

"Грамматические отношения могут быть двоякого рода: либо объективно-синтаксические отношения между словами в словосочетании, в предложении, либо отношения всего высказывания или предложения к реальности, называемые субъективно-объективными, или модальными", — пишет В.В. Виноградов (Виноградов, 1972, с. 68). Тогда частицы, относящиеся ко всему предложению, тем самым входят в его отношение к реальности. Высказывание передает кусочек реальности, некую ситуацию, событие — словом, то, что происходит. "Событие — это денотат предложения" (Селиверстова, 1964). Так, из высказывания *Вон бежит к нам какая-то собака* мы узнаем, что к нам бежит собака. По большей части эти события — денотаты (proto-sentences) — прочитываются всеми одинаково. Иногда только возникают возможности разного прочтения. Например: *The minister closed the door again* возможны три прочтения: Этот же министр закрыл дверь опять; До этого закрывал не министр; Ее снова закрыли, это был снова министр, но другой (Hoerelman, 1978). Таким образом, в смысловую среду, соотносимую с высказыванием с частицами, входит прежде всего тип отражения действительности, м и р е а л ь н о с т и. Частицы, входя в высказывание, передают отношение к этому миру реальности. Именно этому посвящен раздел книги А.Н. Васильевой о частицах — *Expressions of a Factual Attitude towards Reality* (Vasilyeva, 1972, p. 210–217).

Языковая передача явления действительности может быть чисто описывающей, рассказывающей о действительности, но может быть и обсуждающей эту действительность — см. теорию *Besprochene und erzählte Welt* у Г. Вайнриха (Weinrich, 1964) и соответствующее деление им глагольных категорий.

Оказывается, что высказывания с частицами не могут просто передать ситуацию реальности, пересказать ее, никак не обсуждая, они могут только *besprechen*, но не *erzählen*. Например, высказывание *С дуба упал желудь*, пересказывающее событие, с введением частиц будет фиксировать внима-

ние собеседника: *Вон с дуба упал желудь*; указывать, что этот факт уже имел место: *Еще с дуба упал желудь*; констатировать поворот лета: *Уже с дуба упал желудь*; пояснять что-то сказанное раньше: *Ведь с дуба упал желудь*; быть примером-иллюстрацией развиваемой темы: *Вот с дуба упал желудь...* и т.д. Даже в высказываниях с неопределенными местными *Вот идет какой-то мальчик* мы узнаем о неизвестности этого мальчика или *Дайте хоть какой-нибудь еды!* узнаем о голоде говорящего и о спешном желании его удовлетворить все равно чем. Таким образом, ситуация никогда не передается высказыванием с частицами непосредственно, иконически. Это относится и, казалось бы, к непосредственному дейксису. Как справедливо замечает И.М. Копыленко, даже в высказываниях с *вот, вон* происходит "иллюзия замещения сигнификата денотатом" (Копыленко, 1981, с. 13). Частицы, как пишет другой автор, "уточняют отношение к действительности" (Иванова, 1970). Однако при этом частицы добавляют некоторое смысловое содержание, дополнительные смысловые строки. Таким образом, второй мир — это мир дополнительной скрытой семантики. В этой неявной семантике есть два полюса — субъективная информация и объективная. В ряду субъективной информации также можно выделить два потока: 1) говорящий выражает свое собственное отношение и 2) говорящий предлагает некоторое общее отношение воспринимающему, как бы навязывает его, например: 1) *А ведь он дурак; Вот и рассказывай после этого*; 2) *Даже Сидоров слушал доклад Петрова с восторгом* — слушателю предлагается характеристика Сидорова. В объективной информации различаются пласты, связывающие данное высказывание: 1) с нормой, относящейся к этой действительности: *Он шел уже задыхаясь*, т.е. его состояние не соответствовало норме; 2) с генерализацией, обобщением: *Еще в марте начали цвести розы* — в марте розы еще не цветут¹.

Наконец, в пределах дополнительной объективной семантики мы узнаем о каких-то дополнительных компонентах события: *Вернулся только Петя*, т.е. а) были и другие, б) они не вернулись. Кроме того, мы можем узнать о других ситуациях (или событиях), связанных с обсуждаемым. Например: *Раздается только крик чаек*. Очевидно, до этого имела место ситуация *Все тихо* или нечто подобное. На основании сказанного могут встать вопросы, а отражают ли сами частицы действительность хоть в какой-то мере, не исключено, что она отражается пропозиционной структурой высказывания? По нашему мнению, это не так. В высказывании *У нее было только одно платье* фрагмент *только одно платье* передает именно кусочек реальности: отношения платья и его владелицы. Поэтому, если пользоваться терминологией Р. Якобсона, введенной им в работе о шифтерах (Якобсон, 1972), частицы есть одновременно и десигнаторы, и коннекторы: они передают отношение к факту — E^n , отношение к другому факту — $E^n E^n$ и отношение к сообщаемому. В дальнейшем мы укажем еще на одну особенность мира скрытой семантики в высказываниях с частицами — они в пределах указанных объективных импликаций могут обманывать воспринимающего, выдавая ложную норму или несуществующую генерализацию за реальную (см. об этом: Николаева, 1983). Обман при этом несо-

¹ Эти генерализации объединяют говорящего и воспринимающего; они входят также в состав внутреннего мира говорящего, набора известных ему истин. Свойство это присуще всем высказываниям с так называемыми модальными компонентами, эти высказывания соотносятся со всеми возможными сферами, соотносимыми говорящим с существованием (to all possible worlds, consistent with the speaker's knowledge — Stalnaker, 1972).

относим с обычным человеческим обманом — сообщением о несуществующем, а есть как бы заgrimированное под общепринятую истину ложное внушение, делаемое чисто языковыми средствами.

Однако частицы не только соотносятся с действительностью и не только сообщают дополнительные смысловые строки, но также являются компонентами того высказывания, в которое данная частица входит. В первую очередь частица есть участник сообщения, по Р. Якобсону, различающему сообщаемый факт и факт сообщения. А. Т. Кривоносов называет предложение средой, в которой живет частица (Кривоносов, 1974, с. 181). Структура этой среды, как уже указывалось, во многом определяет функциональную семантику частицы, что и служит, по ряду концепций, подтверждением той идеи, что частицы не имеют своей собственной лексической семантики. Например, с изменением формы глагола меняется семантика высказываний с частицей *во*: *Вот возьму и скажу — Вот и сказал!* — *Вот взял и сказал — Вот взять и сказать...*; огромное значение имеют и просодические характеристики высказывания, наличие других частиц, повторы частиц вплоть до высказываний, по сути состоящих из одних частиц: *во* *то-то* и *оно* и пр. (именно подобным почти фразеологизированным структурам во многом посвящена книга Н.Ю. Шведовой — (Шведова, 1960). Итак, можно говорить о мире высказывания².

Но частицы подобны двуликому Янусу: они никогда не являются только членом одного какого-либо высказывания. Не являясь обязательно компонентом собственно анафорическим, частицы входят в текст. Некой альтернативой текста может быть и конситуация, вербально непосредственно не выраженная. В рамках текста различается микротекст, контекст, т.е. непосредственное окружение, и макротекст — собственно весь текст. Как будет показано далее, в одних случаях частицы реализуют свою семантику в контексте, в других — в тексте. Разницу между контекстом и текстом легче всего продемонстрировать на примере так называемых генерализованных, т.е. обобщающих, высказываний. Общеизвестна автосемантическая высказываний: *Все люди смертны; Злые языки страшнее пистолета; Каждый кулик свое болото хвалит* и т.д. Действительно, они не связаны кореферирующими отношениями анафорики и катафорики с окружающими высказываниями, как синсемантические предложения вроде *Это ее глупо огорчило; Она не ожидала такого поступка* и пр. И вместе с тем эти свободные от контекста генерализации являются максимально привязанными к тексту. Действительно, человек, ни с того ни с сего произносящий *В жизни всегда есть место подвигам; Собака — друг человека* и т.д. и никак это не раскрывающий далее, будет сочтен по меньшей мере странным. Соответственно и сфера действия частиц может быть и микро- и макроконтэкстной. Таким образом, помимо мира самого высказывания, в сферу семантики частиц входит мир текста, мир скрытой семантики и мир реальности (см. характеристику семантики как отношение к *Textwelten, möglichen Welten und die reale Welt* — Bernath, 1980). Именно через мир текста описывает семантику немецкой частицы *nur* Н.А. Торопова: ядерное для *nur* понятие П должно соотноситься с другими понятиями, включенными в текст — $\bar{P}$ или не включенными — $\bar{P}$ (Торопова, 1974). Создаются модели $\bar{P} \leftarrow xP$; $\bar{P} \leftarrow xP$.

Итак, выделяются четыре следующих, далее структурируемых смысловых мира, определяющих функциональную семантику частиц:

I. Мир реальности.

² Как справедливо указывает Й. Хинтиikka, никакое исследование "скрытой семантики" не может вестись за пределами языковых данных, вне языка (Hintikka, 1979).

II. Мир скрытой семантики.

1. Субъективная часть:

- а) отношение выражается,
- б) отношение навязывается.

2. Объективная часть, соотносящаяся:

- а) с нормой,
- б) с генерализацией,
- в) с системой возможных событий,
- г) с реализовавшимися другими событиями.

III. Мир высказывания, в которое входит частица.

IV. Мир текста.

§ 2. СИТУАЦИЯ КАК ОБОБЩЕННОЕ НАИМЕНОВАНИЕ ОТРАЖАЕМОГО ФРАГМЕНТА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

При описании корреляции семантики высказываний с частицами и фрагмента реальной действительности встает вопрос о поисках оптимального термина, называющего этот кусок действительности. Описывая реальность, мы имеем дело с состояниями, действиями, процессами. Каким общим словом можно все это назвать?

Норвежский славист О. Даль (Dahl, 1974) различает состояния (state), события (event), процесс (process), поступок (act), деятельность (activity). Анализируя дистрибуцию русских видовых форм, он обнаруживает их тяготение к тому или иному из описанных видов реальности. В этой классификации, удобной для описания вида, не находится места для тех положений, которые передаются столь характерными для русского языка безглагольными конструкциями: *Вот и я; Еще чашечку?; Только без глупостей; Это он* и т.д. Два основных понятия О. Даля — event и process. Для того чтобы event имело место, оно должно состояться, что-то должно произойти и измениться. Именно это передается русским словом "событие". Тогда неизменяемым, безглагольным структурам должно соответствовать понятие state ('состояние'), но и оно, по его же мнению, неудачно и амбивалентно, обозначая и общее состояние индивида в данный момент, и тип состояния, — *Я голоден* (Dahl, 1974; p. 22). В другой работе (Peterson, 1979) понятие события event становится обобщающим. Событие противопоставляется фактам и пропозициям. Факт может быть выражен только именной группой: *Покупка дома, Его решение жениться*; пропозиция, по определению, ограничивается двумя главными членами предложения. Существуют специальные предикаты для передачи событийных конструкций эвентивы: для субъекта — *occur, take place, begin, last, end, happen, sudden, gradual* и т.д. и для объекта — *watch, hear, follow, observe* и т.д.

Понятие события (event) употребляется в этом обобщающем смысле и во многих других работах (см.: Арутюнова, 1982). В этом же значении — обобщенном обозначении чего-то происходящего в действительности — оно употреблено и в нашей статье (Николаева, 1980). См. такое же обобщение у С.Д. Кацнельсона: "В понятие события входят и такие "спокойные", лишенные внутреннего движения факты, которые обычно называют "положениями", как, например, факт, выраженный предложением *На столе лежит книга*" (Кацнельсон, 1972, с. 142). Однако, как указывалось выше, событие должно происходить, оно имеет начало и конец, оно процессуально и, как предполагается, реально. Для более общих обозначений в настоящей работе предлагается другой термин — "ситуация". Ситуация — это и генерализованное высказывание вроде *У кошки четыре лапы*, и модально-

ирреальное *Как бы не было дождя!*, и идентификация *Агава* — это растение, и все то, что входит в понятие события.

Для нужд описания ситуация должна быть расчленена, дискретизирована, нужно представить ее основные компоненты. По мнению М. Хэллiday, ситуация состоит из трех компонентов — социального действия, ролевой структуры, организации первого и второго (Halliday, 1977). По нашему мнению, в ситуацию входят актанты, показатели состояния (действия), локализаторы. Ситуация должна быть законченной, т.е. предикативной. Сложной теоретически является проблема отношения ситуация/высказывание, поскольку всякая видимая ситуация реальна и актуальна, но для языковой передачи она еще виртуальна, так как только в процессе языкового воплощения мы актуализируем ситуацию. Расчлененность этого акта передачи ситуации через высказывание описывается З. Генчевой, употребляющей для этого термин *repérage* (ориентация), "Chaque énoncé réfère à une occurrence d'un "événement" (construit par prédication) qui est relié par une relation dite de repérage à l'acte énonciatif. Ce repérage, contribue à fixer les valeurs référentielles de l'énoncé et permet ainsi d'analyser des catégories comme personnes, deictiques, temps, aspect, détermination" (Guentcheva, 1978, p. 116).

Не случайно, что в большинстве исследований, указанных выше, понятие ситуации (события) оказывается необходимым в связи с анализом славянского вида глагола. Именно вид является квалификатором ситуации: определяет ее как глобальную (event), расчлененную (action), длящуюся (process) или статальную (state). Вид глагола, как будет проанализировано, определяет не только действие, но и ситуацию в целом.

Как показывают последние исследования по синтаксической семантике, всякое описание ситуации есть описание с некоторой точки зрения. Эта точка зрения, несомненно, связана с понятием нормы, но и в пределах нормы и, напротив, за пределами нормы все равно существует выбранный угол зрения, и он определяет освещение ситуации. Существенно, что язык умеет показывать специфику этой точки зрения и находит ее. Так, вошедшее в лингвистический обиход понятие *эмпатии* соотносится с тем, как именно, описывая событие, говорящий демонстрирует свое отношение к его участникам. Например, ситуация *John hit Mary* описывается объективно в отдалении от Джона и Мэри, *John hit his wife* — с точки зрения Джона, точнее, вблизи от Джона, *Mary's husband hit her* — камера приближается к Мэри (Kuno, Kaburaki, 1977; Kuno, 1976). Поэтому вряд ли возможно в высказывании совмещение двух точек зрения — ?*John's wife was hit by him?* или ?*His wife was hit by John?* Таким образом, эта точка зрения может свидетельствовать о солидарности/несолидарности с актантом, о наличии симпатии к нему — см. *Вася нам сказал, что мама часто читает ему свои любимые сказки*, здесь говорящий любит Васю (Yokoyma, Klenin, 1977). Йокояма и Кленин считают далее, что русское притяжательное местоимение *свой* в 1-м лице — это как бы "выход на публику", а *мой* — нечто внутреннее: *Я пережил свои желанья, но Я предаю мое мечтам* (Там же, с. 259–260). См. также интересные замечания Е.В. Падучевой (Падучева, 1982) о смысловой противоположенности высказываний. *Она обнаружила важное для себя обстоятельство* — оценка принадлежит субъекту и *Она не заметила важного для нее обстоятельства* — точка зрения принадлежит говорящему (Там же, с. 30). Эта точка зрения выражается иногда неожиданными, точнее, малоизученными языковыми средствами. Так, многократно интересовавшие синтаксистов и интонологов фразы с не совсем объяснимым ударением на первом слове — *Дождь пошел; Тише, кáпа шит* и пр. (см. об этом подробно: Николаева, 1982, гл. IV), объясняе-

мы в нашей работе как инвертирование глобальной ситуации с целью "экстренного введения в ситуацию", были несколько иначе интерпретированы французскими лингвистами К. Бонно и И. Фужерон (Bonnot, Fougeon, 1982): они объясняют эту постановку фразового ударения как показатель активной включенности говорящего в излагаемую ситуацию вместо ее чисто дескриптивного изложения.

Однако точка зрения может охватывать не только соотношенность или несоотношенность с актантами: языковые средства могут указать на точную дату события, описываемого в тексте. В частности, таким средством оказывается наличие определенного артикля *the* или его отсутствие (Allen, Hill, 1979). Например, фраза *Two weeks ago Frank said he would return next Monday*, сказанная 15 июля, в среду, означает, что он должен вернуться 20 июля, а фраза *Two weeks ago Frank said he would return the next Monday*, сказанная тогда же, означает, что он должен был вернуться 5 июля (Ibid., p. 134, здесь артиклем указывается ориентация на говорящего или воспринимающего и время поступка).

Не случайно это обращение к точке отсчета, к варибельности квалификации является необходимым отступлением в книге Й. Бломквиста, целиком посвященной греческой противопоставительной частице *καί* (Blomkvist, 1979, S. 18). Объясняя сливающиеся в одной частице копулятивное и адверсативное значения, он приводит примеры с немецкими *und* и *aber*. Ответом на вопрос *Wie ist das Wetter?* могут быть два: (1) *Die Sonne scheint, und es ist sehr windig*; (2) *Die Sonne scheint, aber es ist sehr windig* (Ibid., S. 20). Разница определяется этногеографической психологией говорящего и тем, что именно он понимает под хорошей погодой.

Таким образом, частицы не только отражают ситуацию, но и отражают ее с определенной точки отсчета. В первую очередь это относится к частицам, описывающим тип протекания действия в пределах ситуации. Например, два разных временных значения 'только' (only): 1) 'не более, чем': *Мы мало знакомы, увиделись только вчера* и 2) 'не раньше, чем': *Он понял это только в старости* — могут быть переданы через некоторую ось отсчета (Jørgensen, 1974). В первом случае есть точка в прошлом, от которой смотрят вперед, и это движение заканчивается где-то недалеко от настоящего, не переходя в будущее. Во втором случае говорящий смотрит из настоящего и охватывает некий период, размеры которого не определены и могут охватывать будущее.

Существование некоторого центра временной и пространственной ориентации прослеживалось для интересующей нас группы слов А.И. Моисеевым на базе русских *уже* и *еще* (Моисеев, 1978) и Е.А. Волковой для немецких *schon*-*noch* (Волкова, 1977). Авторы отмечают возможность обеих этих лексем сочетаться только с теми понятиями, которые по сути своей динамичны: *Она еще красавица; Он уже подросток; Он уже еще спит* и т.д. На предельном состоянии, как начальном, так и конечном, может употребляться только одно из них. При этом, как отмечает А.И. Моисеев, существенна пространственная ориентированность ситуации и отношение к ней: *Уже высоко* (при подъеме), *Еще высоко* (при спуске); но *Уже низко* (при спуске), *Еще низко* (при подъеме) (Моисеев, 1978, с. 359).

Включаясь в пространственную или временную ориентацию, высказывания с частицами, отражая ситуацию, объединяют, таким образом, мир реальности с миром дополнительной, скрытой семантики.

§ 3. РАСЧЛЕНЕННОСТЬ—ГЛОБАЛЬНОСТЬ СИТУАЦИИ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ЧАСТИЦ

Приняв курс об отнесенности частицы к высказыванию в целом или к отдельному компоненту высказывания и очертив рамки понятия ситуации, мы тем самым еще не отождествили два феномена: отнесенность к высказыванию в целом и глобальность отраженной в высказывании ситуации. О глобальности (тотальности) ситуации много писали в последние годы в связи с изучением функционирования видовой системы (Рассудова 1968; Forsyth, 1970; Galton, 1976; Dahl, 1974; Бульгина, 1980). Н. Телин (Thelin, 1978) вводит даже в качестве основного понятия распределения времени отношение к тотальности передаваемого события: $\pm$ TOT: (The totality of an event is a referential property that requires a medium. This medium is the time axis — Thelin, 1978).

Все исследователи сходятся на том, что несовершенный вид стремится передать процесс, дуративность, выделяя его внутри ситуации, а совершенный — тотальное событие. Понятие глобальности передается и порядком слов (Николаева, 1982, с. 71–73), сопоставлением однородных артиклей субъекта и объекта (Huret, 1975), переносом ударения на начало (см. об этом выше). Характерно, что в период господства анализа по непосредственно составляющим — в зарубежной лингвистике и усиленного поиска управляемых и управляющих слов — в нашей лингвистике и идее передачи глобальности события и стремлению сохранить эту глобальность языковыми средствами как-то не обращались: все предложения (и, видимо, стоящие за ними ситуации) казались равно расчленимыми. Развитие теории актуального членения предложения показало принципиальную нечленимость многих предложений (ранее исключение составляла лишь небольшая группа высказываний бытийного значения).

Значительным событием в этом плане можно считать анализ подобных высказываний в АГ-80 (т. 2), где они широко и разнообразно представлены в соответствии со всеми схемами предложений. Референтная соотнесенность таких высказываний с событием как целым подчеркивается в начале раздела: "Нерасчлененные предложения отвечают на полный диктальный вопрос: "Что происходит?". Они содержат новое сообщение" (Там же, с. 258).

Обратимся снова к частицам. Высказывания *Петя читает книгу* или *Она учительница* являются, с нашей точки зрения, расчлененными. Однако частицы могут относиться к ним как к целому: *Только Петя читает книгу* (а не бегает во дворе); *Ведь она учительница* (Вы забыли об этом). Ср. с этим: *Только Петя читает книгу, а остальные гуляют; Даже она учительница! А я не смогла* и т.д. Здесь расчлененность в передаче ситуации еще усугубляется частицей, хотя ситуация все равно отражается, но именно как расчлененная. В литературе, специально посвященной анализу частиц, этот выделенный компонент, к которому относится частица, называется сферой действия (Крейдлин, 1975), Skopuskonstituent (Altmann, 1976), score — в англоязычных работах. Средства различения того, относится ли частица к высказыванию или компоненту, вполне перечислимы и типологически сходны для разных языков. Это: 1) отдельность частицы от высказывания паузой в случае, если частица занимает инициальную позицию: *Только/зря вы это затеяли; Еще/пришлите мне денег; Вот, событие у нас недавно случилось* и т.д.; 2) безударность частицы в неинициальной позиции, вообще — лишение ею возможности передавать путем переноса — (отдачи) ударения дополнительную семантику: *Еще три книги — Еще три книги*. Ср.: *Где Вы только это берете?; Брошу курить вот!*

Еще скажете какие-нибудь глупости и т.д.: 3) более частое перемещение частицы в конечную часть высказывания: *Какие-нибудь глупости скажете еще! Где они нашли его только?*; 4) возможность контактного сочетания на синтагматической оси частиц со словами, которые не могут в расчлененном высказывании составлять их сферу действия. Например, Б. Фрэзер (Fraser, 1970) отмечает, что *even* не может сочетаться с неопределенными местоимениями — *even someone, но при отнесении к целому высказыванию это становится возможным: **Even someone has already arrived* и т.п. Сходные наблюдения делает Булатникова (Булатникова, 1973); *даже* не может сочетаться с *никто* — **Даже никто пришел*, но возможно *Даже никто не пришел*.

И все же — какова функция отнесенности частицы к целому высказыванию? Как представляется, она делает его глобальным, как бы склеивая его компоненты. Говорящий подчеркивает, что он соотносится со всей ситуацией как цельной. При этом не исключается дополнительная выделенность какого-либо компонента внутри высказывания: *Ведь он пытался что-нибудь сделать* (а не сидел неподвижно!). Таким образом, частица как бы перекрывает средства расчлененности, не отменяя их и не мешая их функциональной нагрузке. В этом аспекте можно вновь обратиться к анализирувавшемуся в главе I положению о том, что более древние языки и более древние периоды современных языков были богаче частицами (см. частицу *ni-* и ее обилие в хеттских текстах, *va* в древнееврейских текстах и т.д.). Как указывалось выше, передача глобальности события характерна именно для совершенного вида с первичной оппозицией аориста, противопоставленного презенсу (Thelin, 1978). Тогда древность всех отмеченных средств передачи глобальности (включая древность порядка VS и V-иниц.), рассмотренная в связи с обилием частиц в древних текстах, заставляет предположить возможность сохранения за частицами свойства скреплять, делимитировать высказывание, очерчивая и тем самым делая цельной передаваемую ситуацию. Средства глобализации ситуации могут быть в одном языке не столь очевидными и дескриптивно периферийными по сравнению с эквивалентными средствами другого языка. Так, например, функцию, аналогичную с функцией конструкции *there is*, подробно описанной О.Н. Селиверстовой (Селиверстова, 1982), выполняет, по нашему мнению, русская частица *там*: *А почему он не пришел? — У него жена там заболела; Он не придет, он там что-то писать собирается; Она там наметила новый сборник собрать* и т.д. Во всех этих случаях *там* произносится безударно и даже скороговорочно, в противном случае *там* будет воспринято как локализатор места.

Глобализирующая частица может выполнять эту функцию и не только по отношению к тому высказыванию, в которое входит. Она может объединять с ним и предшествующее высказывание. Именно такую функцию выполняет, по нашему мнению, частица *это*: *Я услышал шум. Это подъехала машина*. Ср.: *Я услышал шум. Он испугал меня*.

В интересных и подробных работах Е.В. Падучевой, посвященных *это*, можно выявить, полностью соглашаясь с ее основными утверждениями, дополнительные данные, свидетельствующие с отнесенности *это* с общей ситуацией. Об этом говорит, во-первых, тот факт, что antecedent обычно располагается к концу высказывания: *И под решетку Патриаршей аллеи выбросило на бульжный откос круглый темный предмет... Это была отрезанная голова Берлиоза; Промысловой стороной управляет Ингрид. Это женщина лет пятидесяти* и т.д. И даже некоторые примеры с инициальным antecedentом явно инверсивны: *Кота надо высесть. Это не кот, а бандит; Про женщину я узнал, что это была домработница Груня*.

Интересным типологическим замечанием может быть указание на различие в этом плане русского и болгарского языков. По исследованию Бл. Блажева, и русское *это* и болгарское *това* имеют событийное значение. Однако собственно местоименная анафора в русском языке несобытийна: *это* ≠ *он* (*она*), в болгарском же языке событийное значение приобретает и местоимение-реприза *го*: *Обещах да изпратя на брат си учебника и непременно ще направя това (го)* (Блажев, 1980).

Таким образом, близость antecedента, характерная для *это*, и дальность, отмечаемая для *он* (Падучева, 1982а), объясняются тем, что по правилам русского порядка слов, описывающего ситуацию глобально и нейтрально, неопределенное новое имя, "вводимое в рассмотрение", располагается к концу. Поэтому мы считаем, что есть как бы примысливаемое местоимение: *Промысловой стороной управляет (некто) Ингрид. Это...; это* объясняет и вторую особенность таких высказываний. Они, как отмечает Е.В. Падучева, легко соотносятся с неопределенными antecedентами. *Вдруг он услышал, что кто-то крадется. Это был вор* — и со словами обобщающего типа: *Женщина, мужчина, человек, дерево, предмет* и т.д. К этому же относится и невозможность иметь в этих случаях antecedентом неререферентные именные группы. *Нам нужны какие-нибудь проводники. *Это жители соседних селений.* Добавим, что к этому же относится и неупотребление *это* в конструкциях с негацией: *Чукчи не любят путешествовать*; Они (*это) домоседы (Падучева, 1981, с. 83). А именно: *это*, очевидно, относится к ситуации, действительно вводящей предмет в рассмотрение, но в качестве глобальной, удовлетворяющей требованиям некоторой сиюминутности, некоторой демонстрации происходящего перед глазами, напоминающей Praesens scaelicum, в каком бы реальном времени она ни была. Поэтому бинаминативное предложение с *это* может дополнять концепт, соотносимый с antecedентом, но не может относиться ни к ситуации нереальной, ни к имманентным свойствам antecedента, включая и "самомнение" antecedента; не случайно в этих случаях приводятся в высказываниях с antecedентом глаголы-сказуемые *кажется, думает* с дуративным значением (Падучева, 1981, с. 82), ни к ситуации, сознательно расчлененной. При этом расчлененность может возникать и справа, и в высказывании, содержащем *это*: *Моя подруга — неугомонная натура. Она любит путешествовать. (*Это).* Существенной поддержкой предлагаемого утверждения является конструктивное замечание Т.П. Вязовик о заменяемости *это* на *вот что*, уже явно не относящемуся к конкретному antecedенту:

	И это	}	беспокоило всю семью (Вязовик, 1980, с. 82).
	Это		

Отец долго не приезжал из города. Вот что

Итак, ситуация с *это*, по данным Е.В. Падучевой, пересмотренным с интересующей нас точки зрения, выглядит так: 1) глобальная — + TOT; 2) представляемая перед глазами в некий отрезок времени — + LIMIT, т.е. не дуративная; 3) реальная — + EXIST. Antecedent в таких ситуациях обычно располагается в конце, а конечная позиция в русском языке и терпит неопределенность, и создает ее³.

Замечания о субстратной семантике позиции в русском языке не должны, однако, быть абсолютизированы. Отнюдь не каждое имя в начальной позиции будет определенным; в русском языке к этой позиции тяготеют

³ Процесс формирования функциональной семантики этой позиции, по-видимому, относительно недавний, но отчетливо ощущаемый; так, примеры с *некто* в конце, характерные для XVIII — XIX вв., сейчас уже воспринимаются как архаические.

и имена родовые в генерализованных высказываниях, т.е. нереперентные именные группы – *Собака ориентируется на человека, кошка – на себя*. Отличить статус именных групп в этом случае помогает внутренняя структура высказывания (см. об этом подробно: Weiss, 1983). Таким образом, группа с *это* поясняет antecedent с условием учета всего сказанного выше.

Эта потребность глобальной ситуации как бы непосредственно представлять перед внешним или внутренним взором воспринимающего связана, как указывалось нами выше, с презенсом, аористом и перфектом. В этом свете также оказываются проявленными многие примеры структуры SV в сложном предложении, приводимые К. Бонно и И. Фужерон (Bonnot, Fougeron, 1983). Все их примеры имеют разные значения, если их рассматривать с точки зрения обычного подхода к семантике сложного предложения: поясняющее, причинное, уступительное, следственное, скобочно-пояснительное. Во всех случаях представлено либо настоящее, либо результативно-перфективное прошедшее время: *Не забудь зонт: дождь пошел; Я довольна квартирой: кухня светлая; Извините, я бегу: телефон звонит; Я думаю, у него температура – глаза блестят; Уже к Крыму подъезжаем – снег лежит; Ничего вроде не видно – кровь течет; В магазин собиралась – мама позвонила: посылка пришла; Мне так спать хочется – глаза слипаются* и т.д. По нашему мнению, единственное их исключение – скобочного характера пояснение с имперфективным значением: *Я вспомнила один случай – отец рассказывал – родители живут – так там...* (с. 18) – тоже объясняется потребностью глобальной ситуации в сиюминутной голографической обзорности, и здесь инверсия с ударным как бы перечерчивает имперфективность: ср. у них же: *Я вспомнила один случай, который рассказывал отец: ехал он...; Я была в деревне, где живут родители, так там...* (с. 18).

Конструктивность включения понятия глобальности–неглобальности ситуации в грамматику частиц можно продемонстрировать еще на одном фрагменте. Уже многократно говорилось о частице *и*, занимающей функционально большое место в общем комплексе русских частиц. Диапазон ее значений велик. Это: 1) 'тоже', 'также'; 2) 'именно'; 3) 'в том числе'; 4) 'даже'. Например: (1) *К нам пришли наши знакомые Петровы. Пришли и их дети;* (2) *Вы бы пошли в клуб. Там мы сначала и были;* (3) *Не обрадовал меня и берег, который открылся перед нами вчера;* (4) *Вы знаете этого человека? Нисколько, и не слыхала* (о функции союза *и* сейчас не говорится).

Русское *и* обладает способностью активно вступать в соединение с другими частицами, образуя комплексы, которые одни авторы считают соединением частиц, а другие – единой сложной частицей. Но *и* может быть расположено как справа, так и слева от другой частицы – *так и, вот и, даже и, и то, и тот* и т.д. (см.: Знаменская, 1965, 1967, 1970 и др.). Хотя априори очевидно, что *и* начальное ближе к союзу, но оказывается, что мена местами *и + X → X + и* в некоторых случаях изменяет смысл несущественно → *Приехал из города, весь растратился. И еще вазу купил* (Еще *и* вазу купил); *Только и разговору, что о нарядах. И только разговору, что о нарядах; Он делал все плохо. И вот результат* (Вот *и* результат); *Даже и на время нелегко расставаться с мечтой* (И даже на время нелегко расставаться с мечтой) и т.д. В других случаях мена позиции *и* ведет к принципиальному изменению смысла: *И только Петрову здесь не разобраться* (Петров некомпетентен) – *Только и Петрову здесь не разобраться* (Петров компетентен). Наконец, мена порядка в комплексе "частица + *и*" иногда влияет не на общую грамматическую правильность высказывания, а только на его смысл: *Уже и вчера она была совершенно здорова – И уже вчера она была совер-*

шенно здорова. В других же случаях грамматическая правильность также нарушается: *Вот и они* → *И вот они* . . . (предложение не закончено).

Последним существенным фактором является возможность—невозможность синтагматического отделения комплекса с *и* без нарушения общего смысла. Ср.: *И даже/хаживал один на комара* — *Даже и/хаживал один на комара*. Но: *И даже/она оставалась в городе* (а не уехала на море) — *И даже она оставалась в городе* (а другие — подавно). Или: *И еще /пришлите мне сто рублей* (в добавление к уже сказанному) и *И еще пришлите мне сто рублей* (сто рублей уже присылали).

Можно поставить себе задачу определить, в каких случаях возможно/невозможно отделение комплекса "частица + *и*" без нарушения общего смысла высказывания, когда можно менять местами частицу и *и* внутри этого комплекса, также не изменяя смысла, когда сохраняется при этой мене грамматическая правильность высказывания. Результат можно сформулировать следующим образом.

1) Мена линейного порядка при отсутствии синтагматического членения трансформирует смысл высказывания в зависимости от семантики той частицы, которая комбинируется с *и*. Закономерность здесь следующая: чем ближе семантика этой частицы к *и*, тем меньше опасность искажения смысла. В частности, *еще* близко к значению *и* 'тоже', *даже* — к значению 'даже'. Поэтому *Еще и Петрову в этом не разобраться* близко к *И еще Петрову в этом не разобраться*; *И даже Петрову в этом не разобраться* — *Даже и Петрову в этом не разобраться*. Но только никак не совпадает ни с одним из значений *и*. Поэтому *И только Петрову в этом не разобраться* принципиально отлично от *Только и Петрову в этом не разобраться*.

2) Наиболее существенным для возникновения другого смысла высказывания оказывается то линейное расположение его компонентов, когда при ликвидации синтагматического отделения комплекса с частицами за этим инициальным комплексом непосредственно следует имя, особенно в функции подлежащего, но также и в функции дополнения: *И даже / она оставалась в городе* — *И даже она оставалась в городе*; *И вот / ему ничего не досталось* — *И вот ему ничего не досталось*.

3) При мене линейного порядка комплекса грамматически неправильными оказываются безсказуемые высказывания с деиктическими частицами *вот* и *вон*. *И* в данном случае выполняет роль связки, одновременно близкой к детерминирующему определенному артиклю: *Вот и деревня*; *Вон и лесорубы* и т.д. При отрыве частицы *и* от детерминируемого имени она лишается обоих указанных свойств и переходит в ранг союзов, само же высказывание тогда остается без сказуемого.

4) Однако самое существенное то, что одновременная возможность и синтагматического отделения инициального комплекса "частица + *и*", и мена порядка обеих входящих в него частиц осуществляется тем несомненнее, чем ближе передаваемая ситуация к глобальной. Особенно это отчетливо при отсутствии активного субъекта; в этом случае инициальный комплекс четко относится ко всему высказыванию и соответственно легко отделяется: *Даже и на время нелегко расставаться с мечтой* — *И даже / на время нелегко расставаться с мечтой*; *Еще и людей не стыдиться* — *И еще / людей не стыдиться*; *Уже и прочесть это невозможно* — *И уже прочесть это невозможно* и т.д.

Центром высказывания обычно является предикат. Поэтому помещение *и* перед предикатом оказывается следующим шагом по близости к тому случаю, когда комплекс частиц относится ко всему высказыванию. Тогда, если предположим, эту отнесенность нужно сохранить, а синтагматическое

отделение начального комплекса ликвидировать, нужно осуществить две трансформации: 1) если представлен $u + X$, то осуществить мену $\rightarrow X + u$; 2) u отделить от начала и отнести непосредственно к глаголу-сказуемому: *И ведь она не думала об этом* $\rightarrow$ *Ведь она и не думала об этом*; *И вот / мать нашла выход* $\rightarrow$ *Вот мать и нашла выход* и т.д.

§ 4. ЧАСТИЦЫ И ИЗОЛИРОВАННАЯ СИТУАЦИЯ

I

Выше был предложен тезис о том, что высказывание с частицами никогда не может описать ситуацию как таковую без передачи коннотативных связей, см.: *С дуба упал желудь*. Но все эти коннотативные сопровождения могут, как будет показано в следующей главе, соотноситься либо с ментально-пресуппозитивными факторами, либо с фактами текста, либо с другими событиями. Таким образом, если обратиться к интересобъектным связям, то легко обнаружить, что некоторые высказывания отражают ситуации, сами по себе автономные, хотя и снабженные дополнительной семантикой, другие связаны непосредственно с ситуацией (ситуациями) либо последующей, либо предшествующей. Например, связаны: */Он все-таки отпустил дочерей домой/*. *Сам же бросился отыскивать машину*; */Все тихо/*. *Только чайки носятся по побережью*; */Я все могу есть/*. *А вот рыбу не переносу* и т.д. Изолированы ситуации, передаваемые высказываниями вроде: *Вот и мы*; *Он любил только свою старшую сестру*; *К нам идет какой-то человек*; *Пожалуйста, купите мне каких-нибудь капель* и т.д. Изолированность события в нашем понимании вовсе не означает его полную коммуникативную и контекстную изоляцию.

Высказывания с частицами *кое-, -то, -либо, -нибудь, не-* и им подобные чаще бывают изолированными. Но и они не передают ситуацию "в чистом виде". Эту особенность высказываний с неопределенными местоимениями наиболее ясно сформулировала, по нашему мнению, А. Вежбицка (Wierzbicka, 1969). Говоря о существовании тех или иных явлений, А. Вежбицка показывает связь квантора существования и модальности. "Существование" и синонимичные им высказывания с неопределенными дескрипциями: *Niektóre róże są czarne; Istnieją (bywają) czarne róże; Róże mogą być czarne* (s. 146) соотносятся, по ее концепции, с ментальными предикатами. "Ментальные предикаты можно приписывать человеку, но нельзя их приписывать вещам" (s. 146). Таким образом, и высказывания с частицами неопределенности передают скрытую дополнительную семантику. Но их специфика по сравнению с высказываниями вроде *Вот и добился хорошей должности!* или *Где только Петров ни бывал!* состоит в том, что в отражаемой ситуации есть как бы дыра, непроясненный кусок: *К нам идет кто-то* – значит *К нам идет X*. И сама ситуация может быть неясной: *Пришел бы кто-нибудь!* (здесь-различие актуальной ситуации – возможной ситуации – Van Dijk, 1977). Таким образом, солидаризируясь с А. Вежбицкой, мы считаем, что высказывания с неопределенными местоимениями не есть отражения кусочка действительности – это "метапредложения" (Wierzbicka, 1969, с. 145).

Сходный подход представлен и в работе М.А. Шелякина (Шелякин, 1978), где упор делается не только на лексическую семантику неопределенных местоимений, но и на контекстуальную, корреспондирующую неизвестности (или несущественности) компонента события. Идея введения коммуникативной нагрузки, некоторого ракурса, связанного

с введением неопределенного артикля, когда описываемый предмет предстает в особом заданном свете, описывалась для французского языка В.Е. Щетинкиным (Щетинкин, 1973).

Смысл описания тех ситуаций, которые характеризуются высказываниями с неопределенными местоимениями, отдельно от других высказываний с частицами будет оправдан в трех случаях.

1) Ситуации, описываемые высказываниями с неопределенными местоимениями (неопределенными частицами), отличаются по разным языковым и смысловым свойствам от ситуаций, которые описываются другими частицами.

2) В пределах описываемых ситуаций будет показано, что одни местоимения будут допустимы в одних ситуациях и недопустимы в других, т.е. что различие ситуаций определяет дистрибуцию местоимений.

3) Можно будет показать, что различие ситуаций определяет и различие семантики неопределенных местоимений, т.е. что их синонимия — смысловая дифференцированность — будет меняться в зависимости от перехода в другой класс ситуаций.

Прежде чем перейти к доказательству этих положений, необходимо очертить в целом круг функционирования неопределенных местоимений в русском языке, поскольку именно в русском языке система неопределенных местоимений оказалась чуть ли не самой богатой и все время обновляющейся (Мигирин, 1949), сложной не только для неславянских артиклевых языков, но и для славянских артиклевых (Birkenmaier, 1979) и даже для славянских неартиклевых (Дончева, 1970). В настоящее время библиография работ по этой тематике все растет⁴, категориальная сторона неопределенных дескрипций вообще оказалась более сложной и интересной, чем у определенных; "Гораздо более сложной оказалась логическая интерпретация неопределенных дескрипций" (Арутюнова, 1976, с. 196).

Многочисленно предпринимавшиеся в последнее время попытки описывать неопределенные местоимения систематизируются в целом в виде нескольких направлений:

1) описание проводится пословно, т.е. отдельно анализируются *нечто*, *кто-то*, *кто-нибудь*, *кое-кто* и т.д. с их функциями и семантикой;

2) описание есть попарное противопоставление, например, *кто-то* противопоставляется *кто-нибудь*, *кто-нибудь* — *кто-либо* и т.д.;

3) описание представляет собой противопоставление групп местоимений: группа *кое-* целиком противопоставляется группе *-нибудь* и т.д.

В том, что касается содержательной стороны классификации, наблюдаются три отчетливые тенденции.

1. Представить систему неопределенных местоимений как цепочку объектов $X_1 + X_2 + X_3 + \dots + X_n$, где члены цепочки располагаются по степени возрастания или убывания некоторого определенного качества (более известный — малоизвестный — неизвестный; менее неопределенный — ... — максимально неопределенный и т.п.) (Пете, 1957).

2. Соотнести совокупность неопределенных местоимений с неким многомерным пространством выбранных признаков.

3. Приписать местоимению (или форманту-частице) общее инвариантное значение, например: 'неизвестность' — при *-то*, 'несущественность, безразличность выбора' — при *-нибудь*, 'неполнота охвата' — при *кое-*, *некоторый*.

⁴ Впервые подробно эту группу слов описал И.И. Давыдов, сам же термин "неопределенность" встречается только у Н.И. Греча (об истории изучения неопределенных местоимений в России см.: Маловицкий, 1971).

При этом многие исследователи, стремясь учесть объективные данные всех контекстов с неопределенными местоимениями, отмечают и такие показатели, как градуальность отношений между содержательной стороной употребления этих местоимений, отсутствие четких границ между ними; разнообразные по силе контекстно-языковые ограничения, налагающиеся на реализацию отдельного слова; различие точек зрения говорящего и слушающего, т.е. прагматический момент в восприятии и порождении местоимений.

Все это вместе взятое, как представляется, лежит в природе самих неопределенных местоимений, рассмотренных как отдельный большой класс (ниже будут рассматриваться лексемы *один, некий, некто, некоторый, кто-то, кто-нибудь, кто-либо, кто бы то ни было* и их корреляты; возможно, попарное или пословное их рассмотрение дало бы несколько иную картину). Существенно новым, с точки зрения интересующей нас классификации ситуаций, является деление Е.В. Падучевой именных неопределенных групп на три класса — предикатные, экзистенциальные и референтные (Падучева, 1982). Местоимения на *-нибудь*, не относящиеся к реальной ситуации, не включаются ею в сферу неопределенности — определенности, что абсолютно логично, если рассматривать референтность — нереферентность термов в рамках исключительно именных групп, а не ситуации в целом.

Говоря о русских неопределенных местоимениях, можно говорить о совокупности следующих парадоксов.

1) Неопределенные местоимения имеют свои собственные инвариантные значения, поэтому их мена меняет смысл высказывания: *К нам кое-кто придет / К нам кто-нибудь придет / К нам кто-то придет*. На базе этого инвариантного значения Ж. Вейранк описывает русские неопределенные местоимения как систему из двух признаков: 1) реальный — виртуальный и 2) единичный — неединичный.

	Единичный	Неединичный
Реальный	<i>кто-то некто</i>	<i>кое-кто</i>
Виртуальный	<i>кто-нибудь кто</i>	<i>кто-либо</i>

В старой древнерусской системе противопоставлялись только *некто* и *кто* (Veugens, 1964). Б. Биркенмайер также сохраняет признак "неединичный", противопоставляя его в свою очередь известности — неизвестности для говорящего. По этой системе различается ряд *кое-* и ряд *один*:

<i>кое-кто</i>	<i>один человек</i>
<i>кое-что</i>	<i>одно дело, одна вещь</i>
<i>кое-какой</i>	<i>один</i> (Birkenmaier, 1979, s. 51).

Однако существуют высказывания, где их замена допустима и смысл при этом принципиально не меняется: *Далеко-далеко, где-то на большой дороге, светился красный огонек — тоже, вероятно, кто-нибудь (кто-то) варил кашу⁵; Лихорадящим больным есть не хочется, но чего-то хочется. Так и мне хочется чего-то (чего-нибудь) кисленького; Аграфена Петровна доказала ему, что не было никакого резона до зимы что-либо (что-нибудь) изменять в устройстве жизни* и т.д.

2) Тип грамматико-категориальной реализации сказуемого определяет выбор местоимений, накладывая запрет на одни и диктуя другие: *Вчера к нам в дверь позвонили. Я открыл дверь и увидел, что кто-то*

⁵ Значительная часть приводимых здесь и далее примеров взята из Словарной карты и Словарного сектора ЛО ИЯ АН СССР.

(*кто-нибудь) стоит на пороге. Здесь совершенный вид глагола в прошедшем времени исключает употребление формы *-нибудь*.

Однако *-нибудь* возможно и при этой форме: *К нам позвонили. Кто-нибудь ошибся дверью*. Правда, в этих случаях, как это впервые описала С.Ф. Молчанова (Молчанова, 1964; см. также: Кобозева, 1981), возникает значение предположительности, но важен сам факт, что при той же форме сказуемого запрет снимается.

3) Синтаксическая позиция сочетания имени с неопределенным местоимением как будто бы кажется несущественной, см.: *Какая-то женщина вошла в комнату* и *В комнату вошла какая-то женщина*; *От одной знакомой я услышал эту забавную историю* и *Эту забавную историю я услышал от одной знакомой*.

Но см. следующие трансформации: *Одна женщина рассказала мне некую интересную историю* — *Одна женщина рассказала мне интересную историю* (неопределенность имени остается и при элиминировании местоимения). Ср.: *Женщина рассказала мне некую интересную историю* (имя делается определенным). Поэтому становится очевидным "субстрат" позиции, как-то влияющий на суть местоименного функционирования.

4) На сочетаемость неопределенного местоимения с именем как будто бы не влияет число имени: *Ко мне вчера пришел какой-то человек* и *Ко мне вчера пришли какие-то люди*. Или: *Если придет какой-нибудь сосед, скажите ему* и *Если придут какие-нибудь соседи, скажите им*.

Однако реальные показатели числа примеров в Картотеке ИЯ АН СССР при тотальном расписывании многих тысяч страниц текстов одних и тех же авторов говорят о том, что число примеров с именем в единственном числе во много раз больше числа примеров с именем во множественном числе.

5) Функциональное пространство неопределенных местоимений обычно описывается единообразно, с допущением их равномерной по контекстам дистрибуции. Но это не так: контексты с *кое-* невелики, с *-либо* минимальны (о *-либо* мы будем говорить далее), на *-то* контексты практически неограничены, что даже дало возможность говорить об "экспансии" *-то* (Фурсенко, 1963). Так, Ж. Вейранк описывает количественную дистрибуцию неопределенных местоимений в текстах А.С. Пушкина: *7 -либо*, *332 -нибудь*, *351 -то* и *73 кое-* (Veugens, 1964).

6) Неопределенные местоимения неадъективного типа, т.е. *кто-то* (*что-то*), *некто* (*нечто*), *кое-кто* (*кое-что*), *кто-нибудь* (*что-нибудь*) могут как бы в равной степени сопровождаться или не сопровождаться атрибутивными распространителями: *Я увидел, что кто-то стоит на берегу* — *Я увидел, что кто-то в белом стоит на берегу*. Тем не менее степень их контекстной прогнозируемой расширительности различна. Ограничиваясь пока пределами одного высказывания, можем говорить о том, что *некто* почти обязательно требует атрибутирования, особенно в более поздних руссках текстах: *Вдруг с живописцем поравнялся некто в плаще с узким свертком и спросил; Город сквернейший, — сказал некто, похожий на Джона Фальстафа ...* Поэтому через *некто* часто вводится протагонист небольшого эпизода. *Кто-то* требует атрибутирования в меньшей степени, но если бывает распространенным, то во многих случаях коррелирует со сказуемым (оно выражается чаще всего имперфектной формой *verba sentiendi*), и весь смысл высказывания окрашивается модальной рамкой нереальности: *Мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу; Мне все представлялось, будто за снегом кто-то страшный прячется*, и т.п. Если выйти за рамки одного высказывания, то различие смысловой ориентации неопределенных местоимений в горизонте

контекстного ожидания сказывается в еще большей степени. Так, *один* выполняет интродуктивную функцию, предворяя обычно довольно длительный по протяженности текст, *-нибудь* в модальном значении обязательно требует контекстного или конситуативного введения: *Звонок. Кто-нибудь ошибся дверью; Дует. Кто-нибудь открыл форточку*, тогда как немодальное употребление *-нибудь* маркирования вводящим контекстом не требует: *Дайте какую-нибудь ручку, пожалуйста; Если придет кто-нибудь из соседей, передайте ему этот сверток*, и т.д.

7) Неопределенные местоимения адъективного типа могут сочетаться как с именами конкретными, так и с именами отвлеченными, абстрактными.

Но при этом оказывается, что в сочетании с именем абстрактным неопределенное местоимение может иметь другое значение, сравнительно с сочетанием с именами счетными: *На всех был отпечаток некоторого удовольствия, вызванного сознанием совершения великого общественного дела и Единственное, что было красиво, это — гиганты сибирские кедры. Некоторые из деревьев были в два обхвата. Или: На третий день Пьера водили с другими в какой-то дом, где сидели французский генерал с белыми усами, два полковника и другие французы и Я ушел из подвала с какой-то необоримой, насмерть уничтожающей тоской в серде.*

Однако и в рамках конкретных имен мы можем выделить *Nomina unia* (включая *Nomina propria*) и имена нереферентные, обозначающие представителя класса. См.: *Какой-то Петя сделал мне предложение* (выражается оценка, отношение) и *Какой-то мальчик сделал мне замечание* (отмечается факт). При этом существенно — для имен собственных, идет ли речь о реальных, но обычных людях, о реальных, но выдающихся людях или об ирреальных персонажах (литературных или вымышленных). Ср.: *Это какой-нибудь Петя Сидоров* (не исключено, что и он сам) и *Это какая-нибудь Настасья Филипповна или Это какой-нибудь Эйнштейн*. В последнем случае манифестируется значение 'такие, как', 'подобные'. Эта разница в активных коннотациях, связанных с именем собственным и именем счетным, легко демонстрируется, например, на предикативной конструкции. Если взять рамку-вопрос *А кто его жена?* и подставлять, меняя детерминативы, слова *студентка* и *Петрова*, то это различие выявится отчетливо:

А кто его жена?

	<i>Студентка</i>	<i>Петрова</i>
отсутствие детерминатива	+	+
	(знач. неопр-ти)	(знач. опр-ти)
<i>Одна</i>	+	—
<i>Некто</i>	—	+
		('вы ее не знаете')
<i>Некая</i>	+	+
	('небезызвестная, но Вы не знаете')	('небезызвестная, не мешало бы знать')
<i>Какая-то</i>	+	+
	('неизвестная никому')	
<i>Какая-нибудь</i>	+	+
	(значение вероятности)	(такая как Петрова, возможно, сама Петрова, русская).

Определенная иерархия выявляется и в рамках конкретных счетных имен. Например: *Я вчера прочла один интересный рассказ*, но **Я вчера съела один помидор* (в последнем случае это, скорее, числительное). Точно так же в ситуации, если кто-нибудь проскользнет вдоль дачного забора, на вопрос *Кто там?* вероятно получить ответ *Одна девочка*, но просто *Кошка*, а не *Одна кошка*. См. замечание Д. Маркович и Д. Пайяра о высказывании *На дереве сидит птица*, где нельзя ввести *одна*. В этой работе интересны упоминания о специфике лексем, соотносящихся с *один*: *прохожий, сосед, друг* и т.д., поскольку этой классификации до сих пор уделялось мало внимания (Markowicz, Paillard, 1980).

Об индивидуализации объекта со "слабонеопределенными" местоимениями пишет Е.В. Падучева в связи с ее общей классификацией именных групп в высказывании (Падучева, 1984). Интересно здесь различение употреблений в "дискурсе" и "истории", разрабатываемое французской лингвистикой. Как замечает Кр. Бонно, в "дискурсе" *один* и *какой-то* могут смешиваться; в "истории" в рассказе *один* требует нарративного пространства и не может заменяться на *какой-то* (Bonnot-Saoulski, 1983).

Здесь, казалось бы, проявляет себя еще раз предложенная А. Тимберлейком (Timberlake, 1977) иерархия объектов, выведенная им для проявления преференции аккузатива или генитива при негации у глаголов с таким управлением в русском языке: Одуш. чел. > Одуш. жив. > > Опред. > Неопр. Но эта иерархия не совсем здесь оказывается подходящей, поскольку можно ожидать и *Я вчера видела одну вывеску*, но не *Я вчера купила одну простыню* (в последнем случае это числительное). Более того, прагматические ограничения оказываются при этом столь тонкими, что ответ *Я вчера встретил здесь человека или одного человека* будет различаться в зависимости от вопроса: *Да обитаем ли этот остров вообще?* или: *Да живут ли люди в этой деревне?* В первом случае скорее будет ответ *Встретил человека*, во втором возможно *Встретил одного человека*.

Сказанное выше подводит к идее определения сущности функционирования неопределенных местоимений в русском языке. И здесь на обсуждение предлагается некий тезис. Этот тезис связан с распространенным мнением о том, что русские неопределенные местоимения, и в первую очередь слово *один*, являются неким, хотя бы и приблизительным, эквивалентом западноевропейского артикля (неопределенного). Между тем можно обратить внимание на особое функциональное поведение местоименных неопределенных слов, вводящих имя, в русском языке. Дело в том, что в очень многих ситуациях, когда был бы употреблен в артиклевом языке неопределенный артикль, в русском языке вряд ли можно употребить такие слова, как *один, некий, некто*. Например, уже говорилось о том, что если, услышав шум, кто-нибудь спросит: *Что это? Кто там?*, то скорее получит ответ: *Кошка* или *Ворона*, но вряд ли *Одна кошка* или *Некая ворона*. Между тем если речь будет идти о каком-нибудь цирковом выступлении животных, на вопрос: *И кто же был лучше всех?* — вполне можно ожидать ответа: *Одна кошка*. Точно так же подобное употребление *один* можно услышать в нарративных ситуациях вроде: *Тут я видела одну кошку, так вы не представляете себе, какой длины у нее была шерсть*. И в то же время невозможно подставить неопределенное местоимение в генерализованное высказывание — дефиницию *Агава — это растение (одна агав, какая-то агав и т.д.)*. Известно, что местоимение *какой-нибудь*, передающее, как принято считать, свободу выбора, выбора "любого" предмета, предполагает его некую отличность

от других: так, если на столе лежит коробка абсолютно одинаковых карандашей, то никто не скажет: *Дайте мне какой-нибудь карандаш* (а ведь именно тут, казалось бы, и осуществляется полная безразличность выбора), а скажет *Дайте мне карандаш* (Шелякин, 1978). *Какой-нибудь* означает 'все равно, какой', т.е. большой, маленький, красный, синий и т.д. Это значит, что в понятие свободы выбора включено понятие в ы б о р а, т.е. потенциальной разности и особенности объектов⁶. Точно так же бы то ни было уже подразумевает наличие совокупности вообще гетерогенных объектов: *Слепо преданный слуга, который не поколеблется исполнить какое бы то ни было приказание своего господина* (это сильнее, чем *какое-нибудь* или *какое-либо*).

Тем самым, как мы утверждаем, неопределенное местоимение выделяет объект из числа ему подобных, утверждая его особенность. Т.е. речь идет об индивидуализации (об этой индивидуализации, но не столь резко противопоставляя русские неопределенные местоимения западноевропейскому артиклю, пишет в связи с русским *один* В. Биркенмайер — Birkenmaier, 1979). Очень отчетливо эту функцию западноевропейского неопределенного артикля передает Хоукинс (Hawkins, 1978): неопределенный артикль эксклюзивен, он выводит определяемый объект к некоторому подмножеству потенциальных референтов, релевантных для описываемой ситуации. Неопределенные референты многозначны, а определенные нет (Hawkins, 1978, p. 202). В связи с этим необходимо, сопоставляя с усредненным европейским артиклем, обратить внимание на четыре вида неопределенного артикля *a (an)*, выделяемых в современной англистике (см.: Burton-Roberts, 1976). Это обобщающий: *A whale is a mammal*; специфический: *A whale struck the ship*; атрибутивный (копулятивный): *John is a scientist*; неспецифический: *Mary wants to marry a millionaire* (какого-нибудь. — Т.Н.).

Кэшер и Гэббэй соотносят подобное употребление с развиваемой сейчас семантикой возможных миров, с которыми связывается именно такой неспецифический неопределенный артикль (Kasher, Gabbay, 1976). Как видно из приводимых нами русских примеров, русский язык обладает средствами различения специфической и неспецифической неопределенности (условно — *то-группа/ — нибудь-группа*); по указанным нами причинам в обобщающем и копулятивном значении неопределенные местоимения не должны иметь места. Напротив, для английского и немецкого языков употребление артикля в обобщающей функции стало в последние годы объектом усиленного изучения (Harweg, 1969; Иртеньева, 1976).

Р. Харвег считает, что определенный артикль передает тип объекта, а неопределенный — класс (*Der Bergmann hat ein schweres Leben/Ein Bergmann hat ein schweres Leben*), но это различие по-разному выявляется в семантике текста. Н.Р. Иртеньева видит специфику неопределенного артикля в пресуппозитивном свойстве неизвестности признаков объекта, в необходимости их раскрыть и в их известности обеим коммуникативным сторонам, последнее — в случае родового определенного артикля. Для арабского языка обнаруживается "специфическая семантическая сфера (обобщение. — Т.Н.), в которой определенное имя и неопределенное имя являются абсолютно синонимичными" (Габучан, 1972, с. 51). В этом коренится кардинальное отличие неопределенного местоимения от неопределенного артикля, который, напротив, вводит объект в класс ему подобных (см. анализ неопределенного артикля при генерализации у О. Дюкро, 1982). В русском языке функции неопределенного артикля,

⁶ А не только расчлененности (единичности), как пишет Рыбак (Rybak, 1965).

т.е. инклюзивные по отношению к классу, передает существительное без детерминанта: *У нее родилась девочка; Там сидит ворона* и т.д. Именно этой особенностью неопределенных местоимений — их установкой на утверждение индивидуальности объекта — и объясняется неупотребление неопределенных местоимений в конструкциях типа *Агава — это растение*, поскольку здесь утверждается, что всякая агава есть растение, и весь смысл высказывания состоит в снятии особи, в ее перечеркивании.

Однако не все может быть потенциально особенным в равной степени. Поэтому книга, рассказ, фильм, повесть потенциально индивидуальнее яблок, карандашей и т.п. Отсюда большая вероятность *Вчера я слышала некую историю*, но не *Вчера я купила себе некий карандаш*. В этом отношении в классификацию А. Тимберлейка включаются и объекты-названия, обозначающие такие ментальные эксплицируемые вещи, как книги, истории, рассказы, случаи и т.д. Они могут быть первичным звеном разворачиваемой далее нарративной цепи. Именно эта интродуктивность свойственна конструкциям с *один, некий, некоторый* и *какой-то*. (Эту функцию "введения в бытие" у подобных слов см.: Арутюнова, 1976, с. 359).

Исходя из вышесказанного, может быть предложен на обсуждение вопрос о том, почему в одном высказывании маловероятны сочетания двух таких местоимений: *Один кит столкнулся с одним кораблем; Некий человек увидел некую обезьяну и говорит* и т.д.⁷ В принципе объяснение может быть двояким.

А. Известно, что порядок слов в русском языке таков, что неопределенный объект располагается в конце высказывания, максимальной же точкой определенности является левофиксированная позиция, где чаще всего помещается анафорический субъект. Поэтому введение неопределенного местоимения в крайнюю левую позицию аннулирует позиционную определенность субъекта. Однако это объяснение не обеспечивает различия в интерпретации высказываний: *Вчера я купил себе пальто (*одно)* и *Вчера я слышал интересную историю (=одно)*.

Б. Второе возможное объяснение связано с феноменом так называемой эмпатии (Kuno, 1976; Linde, 1979), т.е. наличием в высказывании некоторого фокуса говорения, исходной точки зрения. Очевидно, этот фокус может быть только *один*. Поэтому *Однажды один человек увидел кита* — это история про человека и его контакт с китом, а *Однажды корабль столкнулся с одним китом* — очевидно, это продолжение рассказа об упомянутом корабле и начало истории с введенным новым активным актантом (см. у Т. Цивьян о роли неопределенного артикля в сказках: Категория определенности, 1979).

Говоря о том, что русские неопределенные местоимения противоположны по функции неопределенному артиклю, мы имеем в виду некий абстрагированный эталон неопределенного артикля, но не неопределенные артикли артиклевых языков во всем многообразии их функций, которые, конечно, шире и разнообразнее того значения, которое имеет русская неопределенная дескрипция с именем без местоименного сопровождения (*Его отец — врач; Там сидит ворона; Я купил ручку* и т.д.). Поэтому многие высказывания с игрой артиклей очень трудно перевести на русский — *Lamartine n'est pas un poète, mais le poète; It is not a precious stone, it is the precious stone*. В Биркенмайер обращает внимание на отличие русского *один* от немецкого неопределенного артикля по всем признакам,

⁷ См. также в английском языке: **A tiger eats an antelope; *A tiger climbs a tree* (Burton-Roberts, 1976, p. 434).

выделяемым для *ein*. Русское *один* он соотносит с английским *certain*, по Эсперсену. Интересно далее его утверждение о некоторой упрощенности системы немецкой неопределенности по сравнению с русской (Birkenpaier, 1976), вообще многими исследователями признаваемой за сложнейшую.

Согласно утверждаемым выше тезисам, неопределенные местоимения, во-первых, индивидуализируют объект, во-вторых, оказавшись не на своем месте, модифицируют значение предсказуемым образом. Обратимся теперь к высказываниям класса: *Звонят. Кто-нибудь ошибся дверью*. Почему же в этом случае возникает значение модального плана? Этр употребление уже связано не с семантикой именного словосочетания, а с совокупностью категориально-грамматических показателей высказывания в целом, а именно с тем, что при наличии сказуемого в форме совершенного вида глагола по правилам русского словоупотребления должна быть форма с *-то*, а не форма с *-нибудь*: *Вчера я отворил двери и увидел, что кто-то стоит на пороге (кто-нибудь)*. См. также пример, приводимый Кобозевой (1981): *На двор въехал экипаж, и кто-то спрашивал Обломова. — Кто-нибудь из прошлых годов знакомых вспомнил мои именины, — сказал Обломов*.

Таким образом, выявляется некий пласт иерархии дистрибуции неопределенных местоимений в русском языке: они распределяются по контекстуально-грамматическим типам высказываний. В рамках каждой из этих групп можно говорить о связанности категорий, о соотношенности грамматических показателей друг с другом, что в первую очередь относится к корреляции показателей имени и глагола-сказуемого. Связанность грамматических показателей высказывания в целом во многом объясняется, на наш взгляд, общей установкой в всего высказывания на передачу некоторого фрагмента действительности и отношения к нему⁸. В этом мы опять подходим к понятию *с и т у а ц и*, через которое можно попытаться также описать функции и семантику русских неопределенных местоимений. Иначе говоря, их смысловая заданность определяется в данном тексте через совокупность двух феноменов: типа дескрипции имени и типа категориального набора высказывания как целого (именно последний соотносится с ситуацией).

Всего нами выделяется два больших класса ситуаций: I — определенные, II — неопределенные. Они различаются наличием—отсутствием параметра существования — EXIST⁹. Например, определенные высказывания: *Вчера к нам пришел какой-то старик; В очаге всегда видишь какие-нибудь картины; Он отверг какие бы то ни было попытки ему помочь* и т.д. Ситуации неопределенные — лишённые параметра EXIST, т.е. еще не воплощенные: *Нужно послать кого-нибудь за доктором; К нам приходил кто-нибудь?; Сыграйте что-нибудь печальное; Если придет кто-нибудь из соседей, передайте эту записку* и т.д.

В пределах первого класса целесообразно различать ситуации, соответствующие эталону, норме, и не соответствующие, хотя столь же реально воплощенные. Этот параметр различения условно называем NORM. Тогда например, ситуация *К нам пришла какая-то девочка описывается как (+EXIST, +NORM)*, а *Какой-то хлеб несвежий сегодня* — как *(+EXIST, -NORM)*.

⁸ Подробнее о грамматико-категориальной связанности высказываний с неопределенными местоимениями см. в главе IV.

⁹ Этот параметр существования использует О. Даль, занимаясь данной темой, различая типы употреблений русских *-то* местоимений и *-нибудь* местоимений (Dahl, 1970).

Внутри высказываний, описывающих ситуации определенные и нормативные, выделяется максимально определенное событие — однократное, как бы снимок мгновенного события, слепок с действительности. По этому признаку тогда различаются высказывания типа *Некий человек получил в наследство большую сумму денег* (+EXIST, +NORM, +UN) и *Он часто приносил домой какую-нибудь новость* (EXIST, +NORM, -UN), где UN означает однократность.

Определенные ситуации

Нормативные ситуации

Однократные ситуации

В определенных высказываниях такого типа неопределенные местоимения несут три функциональные возможности:

1) Называние и квалификация представителя (представителей) класса объектов.

2) Называние и квалификация перечислимого конкретного объекта.

3) Квалификация абстрактного явления.

Каждый тип представлен некоторым числом подклассов, смысл которых и иллокутивная сила различаются: от безразличия до стремления внушить представление об объекте или о классе; от неизвестности к известности, вплоть до желания скрыть все известное (как будет видно ниже, кажущаяся лексемная пестрота каждого подкласса оказывается мнимой, поскольку выбор лексем подчиняется общему принципу грамматики текста—принципу шкалы или поля (меньше—больше), поэтому можно говорить лишь о преимущественном, а не об абсолютном предпочтении местоимений каждого типа). В пределах этого типа высказываний Е.В. Падучева разделяет собственно неопределенные местоимения (на -то) и слабонеопределенные (*кое, не, один, некоторые*) и показывает различие контекстных дистрибуций у этих групп (Падучева, 1982, с. 32). Ю.И. Левин различает полунеопределенные (*кое, один*), фиксированно-неопределенные (-то), нефиксированно-неопределенные (*-нибудь и -либо*) (Левин, 1973).

Представитель класса объектов

Единичный представитель класса объектов (известного). Подкласс представлен местоимениями *один, некий, некто, некоторый, какой-то*.

Громкое bravo раздалось из одной прибрежной беседки — и оттуда выскочило несколько краснорожих немцев; Вчера пришел ко мне некий незнакомец, московский доктор и сидел, сидел; Мне представлен в женихи ее некто молодой человек больших достоинств¹⁰; Был некто превеликого остроумия человек; Накануне с вечера я отдал Нилу Алексеевичу два письма: первое — к некоторому должностному лицу, а другое — к одному почтенному ремесленнику; Парадная дверь вдруг отворилась, и из нее вышла какая-то старушка.

Существенным представляется факт возможности элиминирования всех местоимений с полным сохранением смысла, что мы понимаем как: 1) сох-

¹⁰ М.А. Шелякин говорит о современном употреблении *некто* — в функции интродуктивного неопределенного артикля, вводящего объект впервые без его характеристики по известности—неизвестности (Шелякин, 1978, с. 20). Примерно так же характеризовал О. Есперсен английское *certain* — как текстуально интродуктивный сигнал. По нашему мнению, *некто* в этой функции все же архаизм.

ранение грамматической правильности высказывания, 2) сохранение правильности передачи события, 3) сохранение свойства неопределенности у существительного при местоимении¹¹.

Данный подкласс можно характеризовать как наиболее близкий к артиклеобразному (с учетом сказанного выше), причем — с передачей сильного значения специфической неопределенности.

Интересно, что единичный представитель не совсем известного класса представлен только лексемами *какой-то* и *некий*:

Он чувствовал, что он для них род какого-то редкого зверя, творенья особенного, чужого; И тотчас шепнул псу некое магическое слово, после которого тот сразу приобрел как бы картонную наружность.

В этих примерах элиминирование местоимения с сохранением смысла уже невозможно — грамматическая и событийная правильность сохраняются, но неопределенность имени становится неясной — переводчик на артиклевый язык по всей вероятности, затруднился бы, какой артикль, определенный или неопределенный, выбрать. Контекст для решения этой проблемы оказывается необходимым.

Единичный неизвестный представитель неизвестного класса. Представлен лексемами *некто* и *кто-то*.

Ему мерещится, что его манит некто, а придет на место то, аи пусто; В лесу стало страшно: там вдруг кто-то заскрипит, точно одно из чудовищ переходит с своего места на другое; Мне показалось, что кто-то в белом сидел на берегу.

Класс неточно атрибутируемый. Представлен местоимением *какой-то*: *Кирилл — высокий, костлявый и весь какой-то развинченный мужик; Он сладко жмурил какие-то желтые глаза и скороговоркой бормотал.*

Во всех приведенных примерах местоимение не имеет точного соотношения: происходит как бы разложение словосочетания *какой-то* + (A + X), и становится неясным, к чему непосредственно относится *какой-то* — к A или X.

См. также словосочетания типа: *О некоем кавалере Дорсаи рассказывали, что он в одну неделю имел три поединка; Некий богач Ковалевский решил на свой риск и страх построить для города водопровод; Ее имя вряд ли Вам известно — это некая профессор Мушкина* (все примеры из текстов середины XX в.). Здесь трудно решить: *О некоем/кавалере Дорсаи или //О некоем кавалере |Дорсаи|.*

Неперечислимый конкретный объект

Выше описывалась семантика словосочетаний с неопределенным местоимением как функция от названия объекта — представителя класса, состоящего из множества подобных объектов (*встретил одного помещика, увидел какой-то сарай, некий человек оказал мне и т.д.*); в высказывание посредством тех же неопределенных местоимений может быть введен объект

¹¹ Однако В. Биркенмайер, занимаясь словом *один*, обращает внимание на возможную смену типа неопределенности при элиминировании *один*: 1) от специфической неопределенности к неспецифической: *Я ищу одну студентку, которая знает испанский язык — Я ищу студентку, которая знает испанский язык* (возможно, любую); 2) от специфической неопределенности к генерализации — *История одной любви — история любви; размышления над одной смертью — размышления над смертью* (Birkenmaier, 1976, 1979). См. тонкое замечание В. Биркенмайера о разнице выражений *профессорская дочь* и *дочь профессора*. В первом случае (это типизация) социум неясен и теретически неограничен; во втором — социум ограничен, и именно здесь возможна замена на *дочь одного профессора*.

особого рода — конкретный и реальный, но обладающий сущностью, находящейся на грани перечислимости и непечислимости. Эта идентификационная неясность — релевантная характеристика высказываний подобного типа. Словосочетания с компонентом *кто* не могут формировать высказывания с непечислимым объектом — это сфера сочетаний с компонентом *что*. Таким образом, сфера функциональных возможностей *кто*-лексем оказывается гораздо более узкой (см. также *что* — абстрактного явления). Более того, *кто*-лексема может обозначать и одушевленное лицо: *На телеге я увидел что-то грязное, завернутое в тряпки. Это оказался спавший ребенок лет двух-трех, но не наоборот.*

Для функциональных характеристик непечислимого объекта оказываются существенными два его признака — свойство и количественная характеристика, причем оба признака выражаются одновременно.

Здесь может быть представлен объект безразличного свойства (местоимение) и неясного количества (представлен *кое-что*):

Я сообщил ему по секрету, что у меня есть не одна гражданская книжка, и прочитал ему кое-что наизусть из "Песни про купца Калашникова".

Объект неизвестного свойства. Представлен местоимением *что-то*: *В овраге что-то зашумело: должно быть, ком земли оторвался; Лошади пили из ручья. Что-то пронеслось в воде под их копытами блестящей струей.*

Объект раскрытого однозначного свойства. Представлен местоимениями *нечто*, *кое-что*, *что-то*: *Не разговоры в парламентах руководят делами людей, а нечто независимое от всего этого и нигде не сосредоточенное; Много в этих случаях было преувеличенного, но Матвей узнал кое-что достоверное, и это достоверное было не менее тревожно; Он не мог не сознаться, что в его душевном состоянии было что-то возмутительное для чистого чувства.*

Объект неясного количества. Представлен местоимениями *что-то* и *кое-что*: *Я с наслаждением Вам их покажу. Главные мои собрания на корабле, но кое-что я захватил с собой; В угле нам отказали; завод что-то получит, а городу — ни грамма.*

Особое место в системе высказываний с непечислимым объектом занимают высказывания с неатрибуированным *нечто*. Последняя характеристика значима, поскольку в отличие от местоимений на *-то* и *кое-* местоимения с частицей *не-* всегда имеют тенденцию распространяться определением. Причины этого, как представляется, коренятся в некоторой особенности семантики этих слов: они уходят корнями в древние и/или сакральные тексты, несомненно, НЪКЪТО и означало *некий человек* в смысле *один, какой-то*. Теперь же эта группа слов имеет налет одновременно и известного, и неизвестного, и неназываемого, и налет цитатности. Поэтому усиленная атрибуция как бы снижает этот налет. Неатрибуированное же *нечто* в отличие от *некто*, *некий*, *некоторый* имеет в своей семантике и особый компонент — непостижимость, невыразимость (что-то аналогичное немецкому *Etwas* в философских текстах). Ср.: *Я вижу что-то, Я вижу кое-что, Я вижу нечто*. Особое стилистическое окружение последнего местоимения несомненно. Небезынтересно сообщить, что в нашем материале оказалось немало текстов — попыток трактовки такого *нечто* (ничего подобного не удалось обнаружить для остальных местоимений). Поэтому можно, заключая этот раздел, ввести понятие "непечислимого непостижимого объекта", уже находящегося на грани конкретности и абстрактности. См.: *Песня навсегда остается в памяти, если не словами своими, то своим колоритом, тем "нечто", для выражения которого нет слова на языке человеческом. Во всяком таком стихотворении есть нечто, которое составляет тайну его эстетической жизни. Вот этого-то нечто и не находим мы в стихотворениях г. Бенедиктова...*

Целое романа — его колорит, его индивидуальная особенность, его нечто, для выражения которого нет слова — еще понятнее вам, нежели каждое слово в особенности (В.Г. Белинский);

Мозг его вырабатывал нечто, но это нечто не имело отношения ни к прошедшему, ни к настоящему, ни к будущему (М.Е. Салтыков-Щедрин); Трудно выразить в словах то особенное светлое нечто, что рождается в душе нашей, когда мы вспоминаем теплоту родимого семейного гнезда (К.Д. Ушинский); Он пел разлуку, и печаль, и нечто, и туману даль, и романтические розы (А.С. Пушкин); Даргомыжский вносил и внес в искусство то нечто, которого до него никто не подозревал (М.П. Мусоргский); В самом понятии нечто или что-нибудь содержится отрицание его общности и требование определенного, особенного содержания, которое в самом этом понятии еще не дается (В.С. Соловьев); Так случилось с Репеем только во сне: не человек, не живой, не видимый, которого в жизни не боишься, а жуткая тень — нечто (Ф.П. Гладков); Человек должен вмещать в себе, по возможности, все, плюс — еще нечто (М. Горький).

Абстрактное явление и его квалификация

Третий функциональный класс словосочетаний с неопределенными местоимениями — наиболее отвлеченный по своей семантике.

Для сочетаний с абстрактными именами релевантными оказываются два свойства — отношение к каноническому воплощению называемого явления и степень полноты реализации этого явления. При этом возникают подклассы.

“Особый” подвид называемого явления. Формируется местоимениями какой-то и некий: *Собачий лай, мешаясь с куриным кудахтаньем, дает какую-то дикую музыку; Ему казалось, что в нем зарождается некое новое настроение, но он не мог понять, что именно ново.*

Во всех случаях местоимение можно элиминировать, но смысл при этом несколько изменится; называемый вид явления становится четким и как бы общеизвестным (*собачий лай, мешаясь с куриным кудахтаньем, дает дикую музыку*). Поэтому местоимение создает образ нетривиальности переживаемого состояния, делает его единственным в своем роде, тем самым — и единичным и в то же время как бы и не существующим.

Некоторое подобие называемого явления. Формируется местоимениями нечто, некий, некоторый: *Печорин все это видал, и нечто похожее на раскаяние загоралось в груди его: На всех был отпечаток некоторого удовольствия, вызванного сознанием совершения великого общественного дела.*

Явление реализуется как необычный для ситуации факт. В этом подклассе высказываний возникающее абстрактное явление соотносится с общепринятой его трактовкой, но его реализация неясным для говорящего образом связана с событием. Представлен (в современном языке) местоимением какой-то:

Я ушел из подвала с какой-то необоримой, насмерть уничтожающей тоской в сердце; Все турецкое население опьянело от удовольствия, от музыки и от какого-то раздражающего впечатления свадьбы падишаха; Ты сама однажды в каком-то исступлении сказала мне, что хочешь быть сестрою милосердия; Она как будто с намерением его не замечала, какая-то холодная важная восторженность нашла на нее; Он встал, что-то хотел сказать и вышел к товарищу в каком-то раздумье; М.М. выпил чашку, отказался от второй и ушел опять за ворота в каком-то беспокойстве.

Множественные ситуации

Ситуация регулярности (итератива) — это высказывания определенные с внесением трансформатора — повторяемости.

Человеческие чувства, которые и без того не были в нем глубоки, мелели ежеминутно, и каждый день что-нибудь утрачивалось в этой изношенной развалине → Человеческие чувства обмелели, и что-то утратилось в этой изношенной развалине.

Являясь неожиданно, он всегда озадачивал учеников чем-нибудь чрезвычайным → Явившись неожиданно, он озадачивал учеников чем-то чрезвычайным.

И если произносил какое-либо суждение или замечание, то оно было и дельно, и веско, и очень кратко → Он произнес какое-то суждение или замечание, оно было и дельно, и веско, и очень кратко.

... Матушка все дела запустила. Примется за счеты — ничего не понимает; задумает кому-нибудь из бурмистров приказ написать — ничего порядком сообразить не может → Матушка все дела запустила. Принялась за счеты — ничего не поняла, задумала кому-то из бурмистров приказ написать — ничего порядком сообразить не смогла.

На основании приведенных примеров как будто бы легко сделать вывод, что ситуация регулярности есть повторение некоторой определенной ситуации N раз.

Однако такое заключение слишком поверхностно из-за двух осложняющих прагматико-лингвистических обстоятельств.

Во-первых, в определенных высказываниях периферийного типа действие более адекватно сообщению о нем; даже говоря в прошедшем времени, рассказчик как бы соединяет эти два момента (*я увидел, как кто-то прокрался в дом к Лиговским*). Этот в известной степени дейктический, смысловой компонент отсутствует в семантике регулярности: итератив есть рассказ, определенное высказывание есть сообщение. Грань между рассказом и сообщением — в наличии некоторого компонента нарративности, отделяющего текст от истории¹². Поэтому само повторение ситуации уже не простое повторение, а добавление какого-то характеризующего элемента — некоторой оценки: *Изредка кто-нибудь вдруг поднимет голову и, почавкав зубами или проворчав что-то под нос себе, опять заснет.*

Во-вторых, усложняющим фактором является двойственное значение имперфективности, длящегося действия: оно может соответствовать и сиюминутности, и итеративу: *Она читает какую-то интересную книгу; Когда я вошел, она читала какую-то интересную книгу; Как ни посмотришь на нее, она читает какую-нибудь интересную книгу; Когда я приходил к ним, она часто читала какую-нибудь книгу.* Именно на базе этой многоаспектности создается семантическая ловушка: *Сколько я ни приходил к ним, она была всегда занята вышиванием* (каким-нибудь или каким-то?). Оказывается, что возможны оба решения: но в первом случае речь идет о разных объектах, во втором — об одном и том же.

Поэтому возникают возможности нейтрализации *-то* и *-нибудь* в итеративных контекстах. Эти возможности связаны, как показывает О.Н. Селиверстова, с тем, что у слов типа *все* и типа *нибудь* не включено в семантику обязательное указание на существование участвующего в событии объекта. "Если денотатом предложения является многократное собы-

¹² См. подробное толкование этих двух понятий в их различии: Шмидт, 1978.

тие, то слова *-нибудь* показывают, что участвующий в событии элемент меняется" (Селиверстова, 1964). Точнее говоря, *-нибудь* всегда означает разное в повторяющихся ситуациях, *-то* может означать и тождественное, и меняющееся:

Семка всегда о ком-то заботился: то выхаживал больного котенка, то выпрашивал у ребят выдеранного из гнезда воробья, то пытался ожить в банке с водой пойманную рыбу; Она едва ли вслушивалась в то, что говорил муж. А он всегда говорил о чем-то, останавливаясь, чтобы перевести дыхание; Изба потрескивала от мороза, а иногда в стенах слышались удары: словно кто-то постукивал по ним колом.

В приведенных примерах *-то* можно заменить на *-нибудь*. Возможно и обратное: *Иногда в общей массе железного лома попадались какие-нибудь редкостные вещи, например, замок с фокусом; Каждый день со мной случается какое-нибудь несчастье.*

Итак, *-то* и *-нибудь* в этой семантической зоне сближены почти до нейтрализации.

Сближение есть и у *-нибудь* с *кое-*: *По средам у нее собирается кое-кто из старых знакомых; В будни мы всегда одни, если вам не скучно, а в воскресенье у нас всегда кое-кто есть — не соскучитесь.*

Группы *не-* и *-нибудь*, напротив, расходятся полностью: *Я часто встречал ее в этом ресторане с каким-нибудь поклонником — Я часто встречал ее в этом ресторане с неким поклонником.*

Ситуации определенные длящиеся

Ситуации экзистенциальные: *Наверное, у него есть какие-нибудь новые, опровергающие сведения; А позвольте спросить: разве есть что-нибудь не прекрасное в природе?* Столь часто подчеркиваемая для экзистенциальных структур связь с локативностью и посессивностью (Kimball, 1973) отчетливо проступала и в большинстве примеров, имеющих в нашем материале. Сложным для квалификации является определение места примеров типа *У него есть какие-то новые сведения и В природе есть что-то прекрасное.* Таким образом, в экзистенциальную длящуюся ситуацию в основном входит *-то* группа, в приведенных выше примерах *-нибудь* определяется модификаторами *наверное* и *Позвольте вас спросить*.

Ситуации с глаголами эмоционального состояния: *хотеть, ждать, бояться, любить: Ему хотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя, до равнодушия к личному счастью; Я боялся встреч с ним: я ждал, что он обязательно выкинет что-нибудь неожиданное, несуразное, дикое; Все недовольны настоящим и, забыв прошедшее, ждут чего-то в будущем.*

В свете указанных выше различий русских неопределенных местоимений и английского неопределенного артикля интересно замечание Дж. Херингера о многозначности ситуации, создаваемой сочетанием с неопределенным объектом и глаголом *to want*: *John wants to marry a witch* (Heringer, 1969). Здесь возникает референтная затемненность (*Opaque contests*), которая снимается конструкцией *John married a witch* (Heringer, 1969, p. 91). В русском языке различие разрешается употреблением *-то* или *-нибудь* группы. Но в первом случае ситуация уже не будет длящейся, а получает значение презенса.

Ситуации с глаголами активной проекции эмоционального состояния: *искать, стремиться и т.п.: Я вечно что-нибудь ищущу!; Плохо верили обломовцы и душевным тревогам; не принимали за жизнь круговорота вечных стремлений куда-то к чему-то.*

Генерализованные ситуации

Среди генерализованных высказываний легко выделяются высказывания с полугенерализацией и полностью обобщенные.

Полугенерализованные высказывания являются как бы переходом от обобщения к реальной описываемой действительности. Обобщение в скрытом виде содержится в высказывании: *Как все женщины, которым не удалось полюбить, она хотела чего-то, сама не зная, чего именно* → *Женщины, которым не удалось полюбить, хотя чего-то неизвестного; Пристяжные мотали головами, то опуская их к земле, то поднимая, как какие-нибудь отчаянные кутилы* → *Отчаянные кутилы, подвыпивши, не управляют своими движениями; Кавалеров, как и везде, где не квартирует какой-нибудь уланской бригады, было менее, нежели дам.* → *Если в городе квартирует уланская бригада, мужчин на балу бывает достаточно.*

Как видно, генерализация, заложенная в сравнительных оборотах или придаточных, строится на пресуппозитивном фоне общих знаний.

Собственно генерализованные высказывания:

В очаге всегда видишь какие-нибудь картины Верно?; Человеку свойственно до последней минуты надеяться на что-то, ждать какого-то чуда. Соотношение *-то* и *-нибудь* в генерализованной ситуации не объясняется простой заменяемостью или стилистическими факторами. О. Даль приводит два примера: *Все люди читают что-то* и *Все люди читают что-нибудь* (Dahl, 1970, p. 35). Он считает, что в первом случае все читают что-то одно, а во втором — разное. На самом деле, в пределах различаемых нами ситуаций эти два предложения могут соответствовать нескольким ситуациям. А именно:

1) Они могут употребляться именно так как пишет О. Даль: *Иду по улице, вижу газетный стенд. Смотрю — все люди читают что-то (что-нибудь).* Но *что-нибудь* возможно, если люди читают разное. Ситуация здесь определенная.

2) Они могут употребляться как синонимы в ситуации, близкой к действительной: *Еду вчера в метро — смотрю: все люди читают что-нибудь (что-то).*

3) В генерализованной же ситуации будет скорее выбрано *-нибудь*: *Все люди читают что-нибудь.* Возможность *-то*, по нашему мнению, определяется особой семантикой *Verba sentiendi*, как в последнем примере.

Ненормативные ситуации

Принято считать, что неопределенное местоимение связано в высказывании в функциональном отношении со всеми теми нагрузками, которые на себя принимает имя; иначе говоря, замещая имя или входя в состав именного словосочетания, неопределенное местоимение как бы заполняет некие функциональные точки имени внутри высказывания.

Между тем можно попытаться очертить границы тех ситуаций, когда неопределенное местоимение относится ко всему высказыванию в целом, а не к некоторой точке внутри его смыслового состава. Ситуации, когда дейктические, выражающие определенность частицы (*вот, вон, это, се*), относятся к целому высказыванию, очевидны: *Вот север, тучи нагоняя, дохнул, завыл . . .* Одной из универсалий диахронической типологии можно считать положение о том, что показатели неопределенности в целом развиваются позже, чем показатели определенности, и если в языке есть только один артикль, то это артикль определенный. Это относится и к актуализации комплексного целого — высказывания. И все же показатели неопределенности при целом

высказывании обычно не выявлялись, хотя бы из-за большей категориально-грамматической яркости состава высказываний с неопределенным местоимением.

Однако мы предлагаем на обсуждение ряд структур, где неопределенные местоимения относятся, по нашему мнению, к высказыванию в целом: *Что-то сон одолевает; Давай сядем на лавочку, что-то я устала; Мать скажет: что-то у тебя глаза несвежи сегодня; Я что-то вышел из колеи умственной работы; Второй раз что-то не приходит, — задумчиво сказала она* и т.д.

Какой-то хлеб сегодня несвежий!; Какой-то Петя неразговорчивый стал. Здесь *какой-то*, внешне согласующееся с именем, входит в ситуацию в целом. Это выражается и интонационно, в этих примерах невозможно вычленивать конструкции *какой-то хлеб* (ср.: *Там лежит какой-то хлеб*) и *какой-то Петя* (ср.: *Какой-то Петя ухаживает за его дочь*).

Во всех этих примерах с *что-то* и *какой-то* передается по сути одно значение: несоответствия, отклонения от некоторой нормы, от позитивного сценария событий: *Что-то сон одолевает* не произносится людьми, лежащими спать в позднюю ночную пору. То же можно сказать и о высказываниях группы *Какой-то хлеб несвежий!* Поэтому возможно в дискуссионном порядке предложить в качестве переходной примыкающую сюда группу высказываний, в которых неопределенное местоимение сочетается с именем — названием чувства: *С какой-то грустью смотрел я на веселящуюся молодежь (? С какой-то грустью смотрел я на умирающего больного)*, с тем же общим значением несоответствия ситуации. Таким образом, для ненормативных ситуаций можно выделить два подкласса.

Ненормативные глобальные

См. выше: *Что-то я устала; Что-то сон одолевает.*

Такого рода высказывание описывает ситуацию, генезис которой неясен и сама она еще как бы не определилась точно. Чаще всего это касается человека, его душевного и физического состояния.

Ненормативные ситуации, передаваемые высказываниями с локализованным центром

Например: *Какой-то хлеб несвежий сегодня!; Какой-то ты нелюбезный стал!* и т.д.

Представляется, что оба этих класса различаются не только своей формой, но и семантикой отношения: в первом случае говорящий не сомневается в реальности описываемой глобальной ситуации, но не понимает ее причин и как бы извиняется за ситуацию. Во втором подклассе говорящий и не совсем точно уверен не только в причинах, но и в факте сообщаемой ситуации и внутренне ждет подтверждения ее, отрицания или даже — ликвидации.

Эти ситуации уже близки к неопределенным.

Неопределенные ситуации

Условные

Например: *Прежде бы он только плечами пожал, если бы кто-нибудь сказал ему, что он может соскучиться под одним кровом с Базаровым; К ней прямо в дверь — а если кто-нибудь уж у нее — прощу в окно прыгнуть.*

Удостоверительные

Например: *У тебя кто-то был?; Научил тебя, что ли, кто-то? Легко ли дело — казенные деньги проиграть!*

Выяснения:

Например: *Был у вас кто-нибудь? — спрашивает матушка у Авдотьюшки; Дедушка начал по голове гладить и спрашивать: училась ли я чему-нибудь и что я знаю.*

Ситуация выбора

Сочетание "ситуация выбора" заставляет предполагать, что речь идет уже не о высказываниях, отражающих тип события, а о словосочетании с неопределенным местоимением. Однако и семантике выбора соответствует особое ситуативное описание, подразумевается здесь ситуация несложившаяся и неопределившаяся, когда еще возможно путем выбора ее изменить и направить.

Ср.: *Он что-то спел.* Акт пения состоялся, но в полном его восприятии имеются белые пятна неизвестности: что спел? Иногда само событие ставится под сомнение и требует подтверждения: *Он что-то спел? (Не так ли?).* Но возможно и создание ситуации: *Спойте что-нибудь!*

Таким образом, выбор отражает неопределенность ситуации, поставленной под сомнение целиком.

На это можно возразить, что неопределенность выбора имела место и в ситуациях, передаваемых высказываниями других типов: регулярно-итеративными, континуальными и генерализованными. Однако все эти ситуации фактивны: они отражают либо реальные события в текстовой их проекции (*Проедет почта или кто-нибудь из служащих, и опять надолго замолкнет путь*), либо описанные реальные состояния и свойства конкретных лиц (*Мне страсть любо дарить что-нибудь*), либо базирующиеся на многовековом человеческом опыте генерализации и квази-генерализации (*В очаге всегда видишь какие-нибудь картины*). Точно так же не является ситуацией выбора реальность, отражаемая в интересном примере, приводимом Е.В. Падучевой, — *Дай мне одну книгу* (Падучева, 1982, с. 32), это определенная ситуация. Мы хотим подчеркнуть, таким образом, что ситуация выбора не корреспондирует однозначно форме императива.

Но проблема выбора может стать центральной. Тогда можно говорить о требованиях, предъявляемых при выборе. В соответствии с заданием выбора ниже выявляются подклассы ситуаций с неопределенными местоимениями со следующей семантикой:

- 1) выбирается нечто достаточно безразличное,
- 2) выбирается что-то одно из возможного набора,
- 3) достаточно хотя бы минимума,

4) выбирается объект с заданной характеристикой,

5) выбирается объект с характеристикой: 'не X',

6) намеченный выбор заранее обречен.

Для каждого из этих подклассов ситуаций можно указать специфические особенности реализации высказываний с этой семантикой.

В первом подклассе представлены местоимения с *-нибудь*, и грамматические формы сказуемого могут быть разнообразными: *Все лучше перед кем-нибудь словами облегчить мне грудь; Что это у вас, матушка, воздух-то какой. Покурили бы чем-нибудь; Завтра день рождения Ларисы. Хотелось бы что-нибудь подарить.*

Во втором подклассе обычно представлено местоимение какой-нибудь +X (где X входит в перечисляемый набор): *Нет ли книги какой-нибудь насчет порядков жизни? Поучения, как жить.*

В третьем подклассе существенным прагматическим фоном является смысл минимальности. Поэтому это значение часто снабжено дополнительными лексическими характеристиками: частицами *хоть* и *да*: *Вы никогда не были в Москве? — сказал ей Константин, чтобы сказать что-нибудь (сказать хоть что-нибудь/чтобы что-нибудь да сказать).* В этом же значении можно уже говорить как бы о фразеологизмах — *делать что-нибудь, дать что-нибудь* (т.е. минимум).

В четвертом подклассе заданной характеристикой является прилагательное (или другая атрибутивная форма) при местоимении, суживающая его и придающая ему другие родовидовые характеристики. Форма этой атрибутивной характеристики может быть различной грамматически: *Самгин с минуту стоял молча, собираясь сказать что-нибудь оригинальное, но не успел; Ты вот что, много мне на ночь не давай, дай чего-нибудь полегче; Отдай ее, мой милый, кому-нибудь из модных рифмачей; Напишите мне что-нибудь про Льва Толстого; Когда поручик Вулич подошел к столу, то все замолчали, ожидая от него какой-нибудь оригинальной выходки.*

Подкласс пятый: не выбран X. Для этого подкласса существенна представленная в явном виде оппозиция: выбору не подлежит лицо, непосредственно вводимое в текст, чаще всего это "Я" — говорящий. Поэтому остальной социум обычно бывает представлен понятием "другой" — *Нельзя ли пожалеть о ком-нибудь другом?*

Подкласс шестой: выбор обречен заранее. Этот класс представлен местоимениями *-либо* и *-нибудь*. На сходстве и различии этих групп мы уже останавливались, отмечая две точки зрения: по первой из них *-либо* есть книжный вариант *-нибудь*, по другой *-либо* и *-нибудь* функционально-семантически различаются. Материал свидетельствует в пользу третьей концепции, согласно которой: 1) функционально-смысловой диапазон *-либо* и *-нибудь* местоимений различается количественно (так, диапазон *-нибудь* намного шире, чем *-либо*); 2) несмотря на это, они могут пересекаться, т.е. представлена ситуация, когда семантика одной группы как бы вкладывается в другую; 3) таким образом, существуют: контекстная зона, где *-либо* и *-нибудь* взаимозаменяемы; зона, где допустимо только *-либо* местоимение; и зона, где допустимо только *-нибудь* местоимение.

На своеобразие функционирования *-либо* впервые обратил внимание Ж. Вейранк, обследовавший контексты — примеры в Толковых словарях на слова с *-либо*. Он связал употребление этих местоимений с негацией, как явной, так и имплицитной (Veugens, 1964). Позднее эту мысль повторила Д.И. Фурсенко (Фурсенко, 1963).

Действительно, в примерах заранее обреченного (или осужденного) выбора много примеров с явной негацией: *Отвечать что-либо не было времени; в том же окне Флипов увидел голову своего преследователя;*

Аграфена Петровна доказала ему, что не было никакого резона до зимы что-либо изменять в устройстве жизни; Может быть, она хотела позабавить себя и мужа комизмом несовместимости этой обстановки с каким-либо излишеством; В городе не было ни немцев, ни каких-либо властей; Я более всего отговаривался неведением, сомнением и старался, чтобы мои слова не утвердили в нем какой-либо надежды.

Во всех этих примерах в принципе допустимо и введение *-нибудь*, что доказывается реальными текстами, где есть *-нибудь* с негацией: *Нельзя было упрекнуть ее в каком-нибудь смешном или соблазнительном приключении; Не могло у него сложиться мысли, чтобы кто-нибудь мог не знать его превосходительства.*

Обреченный выбор связывается и со скрытой негацией: *Первый раз Клим Самгин видел этого человека без башлыка и был удивлен тем, что Яков оказался лишены каких-либо особых примет; Исполком предписывает вам немедленно прекратить в Юксинской тайге какие-либо прииска-тельные работы; Идти? Я заметил, что едвал и будет какой-либо толк от его свидания.*

Таким образом, *-либо* отрицает любой выбор, отрицает и выбранный компонент. В этой функции *-либо* приближается к *никакой*, не употребляющемуся в русском языке в высказываниях декларативного характера. Поэтому *какой-либо* по дистрибуции и по функции близко к европейскому отрицательному артиклю типа *kein*. Однако *kein* может употребляться и в определенных высказываниях.

Более точно говоря, необходимо сказать о значении "всякий", характеризующем *-либо-местоимения*, в отличие от значения "любой", характеризующего *-нибудь*. И в применении к *-нибудь* речь может идти об однородных, но неодинаковых предметах. Но все же "любой" предполагает заданность класса объектов: *любая* (но песня), *любой* (но гость) и т.д. "Всякий" уже предполагает разнородность классов: *Она отвергала какие-либо попытки ей помочь* (т.е. еду, деньги, служебную протекцию и т.д.). О неограниченности выбора при *-либо* как особом подчеркнутом свойстве его семантики см. у И. Червенковой (Червенкова, 1961).

В этой тотальности *-либо* лексемы оказываются близкими уже не к *-нибудь*, а другой группе, употребляющейся с утверждением *бы то ни было*, с семантикой выбора: "всякий выбор будет приветствоваться", т.е. как бы обратной высказываниям с *-либо*: *Привозите деньги. Нет, так достаньте, займите за какие бы то ни было проценты; Он признавался, что после всего, после каких бы то ни было событий, нерадостных в его жизни, радость — это секс с партнерами в винт.*

Эта общность семантики глобальной тотальности, "всякости" создает зону возможного смешения *-либо* и *какой бы то ни было* (аналогично смешению *-то* и *-нибудь* в высказываниях с семантикой регулярной ситуации). Становится допустимым употребление *бы то ни было* в негативных конструкциях: *Слепо преданный слуга, который не поколеблется исполнить какое бы то ни было (но не какое-нибудь) приказание своего господина; Мне чужды какие бы то ни было агрессивные замыслы; Она устремила взгляд, не веря, чтобы какие бы то ни было обстоятельства могли его заставить разлучиться с нею.*

И наоборот: *-либо* включается в утвердительные конструкции: *Они стали бежать быстрее, чем бегало до них какое-либо (какое бы то ни было) другое животное.* Последний тип примеров — сравнительные также включаются Ж. Вейранком в контекст с отрицанием, поскольку и в подобных сравнительных конструкциях имплицирована антитеза (Veugens, 1964, p. 223).

Как уже говорилось, в этих высказываниях глагольные категории сказуемого часто приближаются к формам определенных высказываний: это прошедшее совершенного вида, однократное или несовершенное прошедшее. Таким образом, абсолютная неопределенность, т.е. неразрешаемая ситуация, не знающая выбора, становится близкой к определенной, что и отражается на ее общей структуре.

Диктотомодальные ситуации

Надо срочно что-нибудь бросить на помощь команде Ершова; Надо во что бы то ни стало собрать какую-нибудь депутацию.

В этом случае диктотомодальное значение соответствует ситуации, еще не состоявшейся, но и в принципе нереальной, т.е. могущей не состояться. Но и тут, как и в случае обреченного выбора, парадоксальным образом намечается близость к определенности: именно в этих конструкциях все чаще начинает употребляться *-то*: *Но нужно что-то делать! Кого-то позвать, куда-то съездить* и т.д. вместо литературного нормативного *-нибудь* (см. интересный пример у Р. Ружицки: *Кто-то должен купить ему что-нибудь* — Růžicka, 1973, S. 733). Таким образом, вся зона употребления неопределенных местоимений представляет собой как бы дугу, где центром является максимальная и подлинная неопределенность: *-нибудь* ситуации, переходящие, с одной стороны, в обреченность, явную несостоятельность, с другой — в реальную определенность.

Продемонстрируем в табличной форме все описанные ситуации с их характеристиками и употребляемыми местоимениями:

	нормативные	единократные	<i>один, некий, некто, нечто, некоторый, -то, кое-</i>
определенные		итеративные	<i>-нибудь, кое-, -то</i>
		длительные	<i>-то, -нибудь</i>
		генерализованные	<i>-то, -нибудь</i>
	ненормативные	явные глобальные	<i>что-то</i>
неопределенные		с лок. центром	<i>-то</i>
		условные	<i>-нибудь</i>
		удостоверительные	<i>-то</i>
		выбора подкл. 1–5	<i>-нибудь</i>
		подкл. 6	<i>-нибудь, -либо, бы то ни было</i>
		дикто-модальные	<i>-нибудь, -то</i>

Необходимо сделать несколько замечаний по поводу приведенного списка.

1) Он представляет собой шкалу: от максимальной достоверности события к минимальной. Поэтому и в рамках класса неопределенных ситуаций это движение соблюдается. Если вопрос *Кто-то был у нас?* предполагает ситуацию состоявшейся, то диктотомодальная ситуация как бы заранее предполагает известным тот факт, что некоторое положение дел еще не начинало складываться.

2) Особая сложность связана с нерешенным здесь полностью вопросом о негированной ситуации. Двигаясь по шкале неопределенности местоимений: от *-то* к *-нибудь, -либо* и *бы то ни было*, мы попадаем как бы снова

к полюсу полной определенности, всего и всяческого отрицания. Тем самым кольцо замыкается и ситуацию с *бы то ни было* и некоторые высказывания с *-либо* мы относим к определенным ситуациям как их негированный вариант. Проблематичной при этом остается не языковая, а лингвистическая сложность: считать ли группы негированных высказываний передающими особую, "минусовую" ситуацию, которую необходимо отмечать в классификации отдельно, или при каждой ситуации описывать ее негированный вариант.

II

В высказываниях с неопределенными частицами речь шла об изолированном событии, или о возможности описания события изолированно. Обращаясь к остальным из анализировавшимся нами частиц, подчеркнем, что сама коммуникативная функция частиц — быть коннекторами — говорит о том, что высказывания с включенными в них частицами принципиально не могут передавать изолированное событие "без комментариев". Если по отношению к таким частицам, как *-то* (*Он-то придет!*), *же*, *даже* и др. эту концепцию, как представляется, можно принять без обсуждений, то более проблематичным остается вопрос о возможности — невозможности прямого введения ситуации изолированной и/или глобальной в коммуникативную среду.

Представляется, что для частиц необходимо различать степени дейктических возможностей.

Непосредственное введение ситуации как таковой в коммуникативную среду, без текстовых переключек и конситуационных аллюзий, и было бы тем, что можно назвать дейктической актуализацией ситуации. Частицами-претендентами на роль дейктических актуализаторов могут, очевидно, выступать три частицы: *вот*, *вон*, *это*. В каждой из них прослеживается рефлекс указательного местоимения — *тв*, *онз* (см. более раннее *се* — *Се ветри, Стрибожи внуци, веють съ моря стрелами на храбрыя плъкы Игоревы: се* связано с указательным местоимением *сь*, о его судьбе подробно см.: Элсберг, 1967). Анализ дейктических значений этих частиц и выявление иерархии их коммуникативных значений в рамках этой содержательной категории позволит сделать выводы о типах дейктического введения ситуации в целом.

Оказывается, что принципиально существенным является наличие в данном высказывании глагольного сказуемого или его отсутствие; при отсутствии глагольного сказуемого ситуация, как будет видно далее, предстает более глобализованной.

1. Разберем примеры с акциональным глагольным сказуемым в презентной форме.

Вон тучи собираются.

Вот тучи собираются. Домой пора.

Это тучи собираются.

По нашему мнению, наибольшая непосредственность дейксиса выражена в примере с *вон*. В *вот* присутствует не только дейктический, но и анафорико-катафорический компонент: *Что же Вы домой спешите? — Вот тучи собираются* или — *Видимо, пора уходить. Вот тучи собираются* и т.д. (см. аналогичное замечание у Т.П. Вязовик о совмещении нескольких функций у конструкций с *вот*, а не только о наличии чистой указательности (Вязовик, 1981, с. 6–7). *Вот*-конструкции, оказываются обычно, по мнению Т.П. Вязовик, "гибкими и полифункциональными". Об

анафорической отнесенности *это* с предшествующей ситуацией, обычно глобальной, уже говорилось. Напомним, доказательством этого служили четыре аргумента: 1) конечность позиции антецедента для *это* — если он есть, т.е. построение предложения по законам словопорядка в описательной глобальной ситуации с новым компонентом в конце; 2) возможность введения референтного неопределенного показателя даже при имени собственном — *Сегодня нам лекцию читал [некто] Сергеев. Это ...*; 3) несочетаемость реальной *это*-конструкции с нереферентностью предшествующего имени — *Мне нужны какие-нибудь туфли**. *Это хорошие туфли*; т.е. предшествующая ситуация должна быть реальной¹³; 4) она не должна иметь негированный антецедент — т.е. быть +TOT; +LIMIT +EXIST. Таким образом, у *это* анафорический момент бесспорен: *Что это? — Это туши собираются. Домой пора.*

Намечается для ситуации презенса иерархия: *вон* → *вот* → *это*.

Несомненно, что *это* в разбираемых ниже конструкциях изофункционально *вот* и *вон*. Статус частиц для последних в современной русистике не отрицается. Поэтому нет оснований для *это* в подобных высказываниях утверждать статус местоимения. Все три частицы могут быть ударными и безударными, поэтому критерий ударности/безударности не оказывается здесь рабочим; справедливо, однако, и положение о комплексной функциональной семантике лексемы, поэтому диапазон функций *это* неизмеримо больше, чем, например, у *вон*.

В применении к пласту прошлого о дейксисе в максимальной степени, очевидно, можно говорить о сочетаниях частиц с Praesens historicum. Обычно при этом появляется дополнительное значение, которое можно назвать "дейксисом издалека".

1) Считаем его значением № 1: *Вот вижу Ваше лицо, улыбающиеся глаза, как я рассказываю Вам много, много; На пир любви душой стремлюсь я. Вот вижу вас, вот милых обнимаю; Разговор с Легостаевым надолго запомнился мне. Вот сидит передо мной — решительное и спокойное лицо, коротко стриженная голова; Вот раздается "ау!" вдалеке, вот над колосьями в синем венке черная быстро мелькнула головка. Здесь, в этих примерах, возможна замена *вот* на *вон*.*

Это в дейксисе издалека обязательно требует анафорического пространства, необходимого и для обобщенных высказываний (*Что у нас ладу нет в семье, / это /я чувствую, и тяжело мне/; /Должно быть, везде и на всех поприщах идейные люди нервны и отличаются повышенной чувствительностью/.* *Это /так нужно/.* См.: *Вы думаете — это бредит малярия? Это было, было в Одессе.* Пространство текста заполнено: *Вы думаете.* В том случае, если *это* пространство заполнено и для *вот*-конструкций, *вот* можно заменить на *это*: *Из каждого дома, из-за опущенных занавесей раздавалась музыка. Вот разучивают сонату, вот знакомый-знакомый вальс, а вот в тусклом и красноватом от заката окне мезонина поет скрипка.*

Таким образом для значения №1 *вон*=*вот* без условий интродуктивного фрагмента, *вот*=*это* с интродуктивным фрагментом.

2) Второе значение — начало некоторого эпизода, нарративной ситуации, текстовая интродуктивность. *Вот раз уговаривает меня Печорин ехать с ним на кабана; Вот едет могучий Олег со двора; Боярыня Мамелфа сегодня вот мне говорит про Глеба.* В данных примерах *вот* невозможно заменить на *вон*: возникает значение непосредственного дейксиса — *Вон мчится тройка почтовая; Вон едет могучий Олег со двора*, что подтверждает гипотезу о первичности именно *вон* в функции непосредственно дейкти-

¹³ Понятие реальности исключает и самооценку лица.

ческой актуализации ситуации. Это в подобном значении как бы ищет выхода из требований интродуктивного текстового прикрытия. Этим минимальным выходом может быть инициальное введение *verba sentiendi* — *И я увидел: это идет ко мне знакомый*, а чаще всего — сдвиг это не в начальную позицию, как бы псевдоприкрытие — *Иду это я по улице, как шархнет мимо рысак...*; *Она это руку подставляет, а слезы кап-кап...* (по наблюдению Н.Ю. Шведовой, это в подобной позиции часто приносится как *эт-та*; Шведова, 1960).

Для значения 2 возможны *вот* и *это*.

3) Значение 3 — значение результативности, законченности фрагмента, переход к новому, т.е. значение рубежа, вообще характерное для *Praesens historicum*: *Вот кибитка подъезжает; Люди долго и упорно идут по горам. Вот они достигли перевала*. Здесь невозможна замена на *это*, т.к. *это* поясняет, но не результирует, невозможна замена на *вон* — возникает значение "дейксиса издалека".

Таким образом 3-е значение *Praesens historicum* с указательной частицей допускает только *вот*.

При переходе к прошедшему времени в актуализируемом высказывании с частицей дейктичность ослабляется и для *вон*. Чистая иллюстративность, наглядность, свойственная *вон*, переходит в наглядность примера, поскольку всякий пример по сути иллюстративен: *Чувствуем по-другому. Я вон мужа в четырнадцатом году провожала. Слезами изошлась; Наши из молодых да ранних были — мой вон техникой увлекался* (это значение примера есть и в настоящем времени: *Знаете, я не умею сердиться. Ничего не выходит. Вон с рабочими начну кричать, даже ногами потопаю, а выходит смешно* и т.д.). С иллюстративной показательностью примера связаны содержательно два контактных смысловых явления — итеративности: *Разглядишь какую-нибудь птицу в синем прозрачном воздухе и долго следишь за ее полетом, вон она всполоснулась над водой, вон исчезла в синеве, вон опять показала чуть мелькающей точкой* (в этом случае дейктичность издалека также присутствует и *вот* может заменить *вон*) и обобщения: *А старуха грызла меня: книжник! Книжники вон распутству учат* (замена на *вот* меняет нагрузку примера, делает более конкретным, но без значения непосредственного дейксиса).

Таким образом, создается впечатление, что в высказываниях с активным сказуемым сама дальность дейктического значения, характерная для *п-овых* форм, как бы сберегает дейктическое значение *вон*, тогда как более "ближние" *т-овые* формы (*это* и *вот*) более активно подвергаются текстовым коннотациям. В ситуации "дейксиса издалека" в прошлом *вон* сближается с *вот* (см. об этом: Маслова, 1977). Однако в русском языке, как представляется, их объединение не заходит настолько далеко, чтобы можно было говорить об объединенной единице, какова, например, артефактивная английская единица 'dthat' (Kaplan, 1979).

2. В актуализируемых ситуациях второй группы, воплощаемых высказываниями с *вон*, *вот*, *это* без глагольного сказуемого, мы имеем все три частицы (о предикативном характере русского *вот* см.: Блажев, 1980).

Вот }
Вон } *стерляди кусочек.*
Это }

Существенным для всех трех частиц является при этом акцентированность/неакцентированность частицы. При ее акцентировании вводится категория предупоминания — *Вот стерляди кусочек; Вон стерляди кусочек. Это стерляди кусочек*, и тем самым проблема непосредствен-

ного дейксиса снимается. При неакцентированной частице и неакцентированном имени, т.е. при обычной нейтральной интонации, дейктическое значение присутствует: Однако оказывается, что существенным является сдвиг в иерархии: с одной стороны, на первый план выходит *это*, затем *вот*, затем *вон*, с другой стороны, небезразличной оказывается категориально-лексическая принадлежность имен, связанных с частицей. Для *это* существенна степень индивидуализации имени. Максимально индивидуализированы местоимения и имена собственные: *Это я, Это он, Это Петр* есть целостные высказывания и целостные ситуации, имплицитующие бытийную связку *есть*. Наиболее распространена конструкция *Это я*. И здесь, несколько отвлекаясь в сторону, правомерно сказать об отличии именно русского этикетного поведения в инициальной телефонной фразе, отделяющей русский этикет не только от славянского, но и шире — европейского употребления, когда говорят *здесь*: *Здесь Милка; Здесь Эльжбета; Здесь Кристиан Саппок* и т.д. По этому поводу предлагается тезис о том, что русское *здесь* не предполагает включенность говорящего в локализацию, т.е. это поле "чужого", а не "своего": *Здесь построили школу; Здесь растут грибы; Здесь хорошо* — все это имеет место помимо говорящего (*Я здесь живу; Я купил здесь книгу*, по нашему мнению, свидетельствует о локализованности, а не об активной ангажированности). Поэтому интродуктивное *Здесь Ирена* воспринимается как сообщение о третьем лице.

Итак, *Это я, Это Сережа* — самодостаточные ситуации. Но *Это кошка, Это птица* уже имплицитуют некоторое предварительно воспринятое действие: *Это птица [кричит], Это кошка [шуршала]* и т.д., т.е. содержат элемент пояснения. Элемент и дейксиса, и пояснения отчетлив при соединении с именами неодушевленными, хотя здесь действие не примысливается: *Это брюква, Это валерьянка, Это мое новое платье* и т.д. См. очень тонкий пример И.С. Тургенева, вообще часто использующего как бы игру с кодом: *А вот это моя контора, — сказал мне вдруг г-н Полутыкин* (т.е. "внезапное" употребление *это* с неодушевленным именем, нетипично для ситуации *In medias res*).

Вот в подобных ситуациях действует по противоположной схеме. *Вот я, Вот Х, Вот Петр* (еще раз с акцентными ограничениями) высказывания неполные, нереализующиеся, возможно *Вот и я, Вот и Петр*, но это не столько дейксис, сколько сильный результатив, ожидаемое событие. Особенно крайним является максимально индивидуализированное *Вот я*, поэтому интересна разговорная некодифицированная форма *Я вот он*, на возможной двоякой трактовке которой мы остановимся ниже. Зато *Вот брюква, Вот мельница, Вот ручка* представляют собой полноценные дейктические ситуации. Они заменимы на *Вон*. Ср.: *Я недавно приехал в Коринф. Вот ступени, а вот колонада (вот → вон); Миша приказал долго жить, — отвечал Кирилла Петрович, — умер славную смертью от руки неприятеля. Вон его победитель, — при этих словах он указал на Дефоржа (вон → вот)*.

Таким образом, *вон* и *вот* ближе к нарицательному имени, неиндивидуализированному, а *это*, напротив, к индивидуализированному. Категории ближе—дальше как относительные необходимо выявить, поскольку всякое текстовое употребление не абсолютно и организовано по принципу поля. Кроме того, все время нужно помнить о дейктическом значении, обсуждаемом в данном разделе.

3. Третьей возможной сферой употребления частиц является значение связочное, как бы ушедшее от дейксиса и переходящее во вневременное существование. И здесь еще раз выявляется доминантность дейктической семьи именно у *вон*, оно связывается с ситуацией непосредственно: *Госу-*

дарство – это я; Ученость – вот чума, но не: *Ученость вон чума; *Государство вон я. Это объясняется и тем, что *вон* не нуждается в ситуационном и текстовом предварении и потому не привлекается для связочной функции. *Это* и *Вот*, таким образом, являются связками (идея о глагольно-связочной функции французских *Voici, voilà* указывалась Гено (Genaust, 1975)¹⁴.

Однако контексты *это* и *вот* не совпадают. В связочной функции еще отчетливее проступает ось максимально-минимальной индивидуализации. Она значима для *вот*, но не для *это*. Ср.: *Любовь – это сон упоительный* и *Любовь – вот сон упоительный*. Но невозможно: **Убийца вот Петров*. Но: *Петров – вот убийца* (ср.: *Убийца – это Петров* и *Петров – это убийца*), поскольку *вот* сопоставляет конкретное или видовое понятие с более обобщенным, родовым (*Убийцы – вот зло*), т.е. как бы поднимает на ступень по абстракции. *Это* более толерантно, оно требует другого – текстово-ситуационного введения.

Возвращаясь снова к конструкции *Я вот он; Мы вот они*, можно предложить два толкования; 1) *Я |Вот он|*, где *я* приравнивается к ситуации *Вот он*, действительской, глобальной, и 2) *Я – вот – он 'я есть он'*, поскольку *он* обобщеннее *я*, а *вот* требует обобщения. Оба объяснения не исключают друг друга: см. тенденции у *вот* при дейксисе безглагольной ситуации и реализации их в функции связки.

Сведение всего сказанного о трех действительских частицах можно представить в следующей табличной форме:

Тип высказывания		Допустимость частиц			Иерархия их веса
Высказывания с глагольным сказуемым	Непосредственное настоящее	<i>Вот</i>	<i>Вон</i>	<i>Это</i>	
	Настоящее в прошедшем	+	+	+	<i>Вон</i> → <i>Вот</i> → <i>Это</i>
		+	+	+	<i>Вот</i> → <i>Вон</i> → <i>Это</i> 1) <i>Вот</i> = <i>Вон</i> ; <i>Вот</i> = <i>Это</i> 2) <i>Вот</i> = <i>Это</i> 3) <i>Вот</i>
Высказывание без сказуемого		+	+	+	<i>Это</i> → <i>Вот</i> → <i>Вон</i>
Функция связки		+	-	+	<i>Это</i> → <i>Вот</i>

III

Следующим этапом будет обращение к функциям анализировавшихся частиц, выступающим при связи частиц с внутренним устройством ситуации, – членов изолированной, но не глобализованной ситуации.

При расчлененности ситуации характеризуются следующие основные ее компоненты: а) действие и б) осуществители действия. Под последними понимается как субъект, так и объект действия.

¹⁴ В. Биркенмайер считает связкой с обязательно определенным значением как бы определенный артикль-связку – не разбираемую здесь частицу *и* – *Вот и завтрак; Вот и карета* и т.д., поэтому допустимо *Вот и я*, (Birkenmaier, 1979). Как указывалось выше в связи с работами Бл. Блажева, правильнее говорить здесь не об определенности имени, а о его предупомнутости.

Анализирувавшиеся частицы характеризуют действие по следующим характеристикам:

I. Характеристика процесса протекания действия.

II. Характеристика действия со стороны.

III. Характеристика повторного действия.

I. Обратимся к первой характеристике. Как и всякий процесс, действие в изолированном высказывании а) начинается, б) протекает, в) завершается.

а) Начало действия характеризуется как нейтральный по оценке факт: *Еще аллея не сумрачен приток; Я слов твоих еще не понимаю, но мне уж страшно; Тот самый образ, к которому старая девица в последний раз приложила уже хладящими губами.*

Основные средства выражения: частицы *еще (не)* и *уже*, являющиеся антонимами, чего нельзя сказать об *еще* и *уже*.

б) Действие может протекать: непрерывно—ограниченно по проявлению — "уступами" — усиливаясь — интенсивно — слишком быстро — угасая.

Действие протекает непрерывно — *Только и говорится о том, как корабль стукнулся о камень; Петруша только и слышал такие рассказы.*

Действие протекает ограничено по проявлению: *А баба только кланялась и кланялась; Он только читал книги и не видел весеннего цветения жизни; Он только в театр ходил.*

Действие протекает при этом при определенных обстоятельствах, увеличивающих сферу действия: *Мне пришлось задержаться в лесу еще и по другой причине*; а также при особого типа обстоятельствах, включающих в основное действие хронотоп, т.е. совершение действия до его выраженности вербально. Например: *Еще в саду он услышал шум — еще в саду предполагает начало впечатления до его фактического подтверждения.* В подобных высказываниях опущено описание времени дополнительного процесса, действия, сопутствующего основному: *Еще поднимаясь по лестнице — еще в то время, когда он поднимался по лестнице; Моряки, радостно кричавшие еще издали — включено время, которое требовалось для того, чтобы к ним подойти. Точно так же Уже в вагоне, т.е. обозначается время между пребыванием в вагоне, входом в него и точкой времени X, когда процесс воплощается. Это время X может предшествовать хронотопическому обстоятельству: *Только в вагоне он понял, какую ошибку он совершил.* Как будет показано в главе IV, существенную роль в реализации хронотопического значения играет вид глагола. Ср.: *Только в вагоне он почувствовал себя хорошо* (включается время до вагона) и *Только в вагоне он чувствовал себя хорошо* — ограниченный локализатор. Поэтому хронотопическое обстоятельство показывает как бы удлиненность протекания действия.*

Действие протекает ограничено по распространенности своей сферы: *Отражает он только зелень берегов, клочок неба да маленькие облака; Он если дает кому руку, то высовывает только два пальца.*

Действие протекает при дейксированном локализаторе: *А под утро с моря, из-за той вон далекой прямой черты вырвалась буря; Река вон туда бежит, а мы вон туда станем грести; Вон там раньше стоял "Медный всадник".*

Действие протекает при подтвержденном локализаторе: *В бане спят, там и живут; У Тейтеля я и познакомился с Николаем Георгиевичем; Забралась на сеновал и там дала волю слезам. На сеновале и нашла ее мать.*

Действие протекает при несоответствующих ему обстоятельствах: *Ее белокурые волосы рассыпались по оголенным плечам, и даже при свете черной юбки она была удивительно красива; Даже без бинокля были*

видны груды рыб на палубе; Улыбка была так мало свойственна ему, что я почувствовала ее даже в темноте.

Действие протекает как бы "уступами", последний из которых характеризуется как крайность: *Виньетку бы не худо, даже можно, даже нужно, даже, ради Христа, сделайте; Я шел легко, даже весело; Было очень тепло, даже жарко; Он умел просто и даже весело рассказывать о множестве людей и событий.*

Действие может протекать, усиливаясь: *Еще нуще старуха бранится; Еще страшней на западе гремит;*

Действие протекает интенсивно: *Вон как тополь шумит сквозной, Окаймленный голубизной; Даже ребятишки присмирели; Вон как гудит на западе; Солнце так и било с синего, потемневшего неба; Сердце у него так и рвалось.*

Действие протекает слишком быстро: *Она очень скоро перестала картавить и уже на четвертом году говорила совершенно чисто; В девять часов вечера на улицах уже не было ни души; Через несколько минут он уже спал. Примечательно, что при подобном представлении ситуации уже может быть без ущерба для смысла транспонировано в локализатор и наоборот ср.: И на четвертом году уже говорила совершенно чисто; Уже в девять часов вечера на улицах не было ни души; Уже через несколько минут он спал.*

в) Действие может завершаться по-разному. В своем завершении действие не доходит до минимума: *Никто не смел даже вздохнуть, не то, что сказать хоть слово; Он участвовал в войнах с Наполеоном, но ни разу не был не только ранен, но даже поцарапан саблею; Ковалев прошел, и не взглянув на старика.*

Действие доходит только до минимума: *На небе не осталось ничего, только две белые полосы; Мы все интересуемся пока одной войной и дуем только о ней; Никому княгиня не жаловилась, с одной подушкой горевала.*

Действие доходит до крайнего из цепи возможных объектов: *Меня не обрадовал и берег, который мы увидели в понедельник; В деревне, впрочем, и он годится, хоть рассмешишь иногда; Мы чтили и экономику любимого профессора.*

Действие доходит до запретного по распространению объекта: *Ненавидел он даже Алешу, вспоминая давнишний с ним разговор; Петя Савкин был из породы людей, которые презирают покой даже во сне.*

II. Со стороны действия, не расчлененное по этапам своего свершения, может рассматриваться как а) ддящееся; б) законченное, сведенное к результату.

Ддящееся действие может характеризоваться именно как таковое, т.е. продолжающееся: *Еще волнуются туманы, еще объята мглою река; Простите вы все, которых любит мое сердце, и которые любите еще меня; Киевляне все еще с гордостью именовали себя старшими и благороднейшими сынами России.*

Действие характеризуется, как не ддящееся более: *Каждое утро она просыпалась в самом дурном настроении и с мыслью, что она Рябовского уже не любит; Нынче на брак, — подхватил Владимир Андреич, — не так уже смотрят, как прежде.*

Противопоставление ддящегося и не ддящегося действия представлено антонимами: *еще и уже не* (см. выше об еще не и уже при характеристике начала действия).

Действие длится слишком долго: *Аксютка вот уже целую неделю подготавливает товарищей; Уже неделю Тарас Бульба жил с сыновьями своими*

б) Действие представлено как результат: *Он уже получил желанную степень магистра.*

III. Действие как повторяющийся акт.

С этой точки зрения может подчеркиваться, что действие не повторяется: *Со времени окончания университетского курса, раз поселившись в Петербурге, он уже не покидал его; Это была высокая, чистая душа, и ума такого я уже не встречал потом.* Примечательно, что в этом значении действия возможно вместо *уже не* поставить его антоним *еще*: *Раз, поселившись в Петербурге, он еще покидал его; Ум такой я еще встречал потом.*

Действие повторяется: *Еще и еще просмоленные стрелы, объятые пламенем, вонзались в дубовый город; Как вспоминаю о вас, так еще радуюсь Вашему примирению с Репиным; Дождь уже несколько раз примерялся идти и хлынул сейчас серыми потоками.*

Покажем в табличной форме тип воплощения действия и выражающие его частицы:

Характеристика			Частицы
Процесс протекания действия	Активный процесс	начало идет непрерывно	<i>еще не, уже только и только</i>
		идет ограниченно по проявлению при определенных обстоятельствах:	
		увеличивающих сферу хронологических	<i>еще и еще, уже, только</i>
		ограничивающих сферу фиксированном локализаторе	<i>вон + Мест.</i>
		подтвержденном локализаторе	<i>и</i>
		при несоответствующих обстоятельствах	<i>даже</i>
		"уступами"	<i>даже</i>
		усиливаясь интенсивно	<i>еще + X</i>
		слишком быстро	<i>так и, вон как уже</i>
	Завершается	не доходит до	<i>и, даже</i>
		доходит до	<i>только, один</i>
		доходит до крайнего объекта	<i>и, даже</i>
		доходит до запретного объекта	<i>даже</i>
Характеристика со стороны	длительность	длящееся	<i>еще</i>
		не длящееся	<i>уже</i>
		длящееся слишком долго	<i>вот уже, уже</i>
		действие результативно	<i>уже</i>
Характеристика повторяющегося действия	повторяемость	не повторяющееся	<i>уже не</i>
		повторяется	<i>уже, еще</i>

Таким образом, расчленив в соответствии с денотативными потребностями семантику действия в рамках изолированной ситуации, обнаруживаем разную по степени функционального диапазона нагрузку частиц. Всего в приведенной таблице зафиксировано 23 смысловых позиции. Из них *еще*

употребляется в 6 (включая еще не и еще и); уже — в 8 (включая уже не); только — в 5 (включая только и); и — в 3 (включая так и); один — в одной; вон — в 2 (включая вон как), вот (уже) — в одной; даже — в 5.

* * *

Функции частиц, непосредственно связанные с описанием целой ситуации и действия — ядра ситуации, состояли, более точно говоря, в ограничении действия, в накладывании на него дополнительной семантики подразумеваемого отношения.

Точно так же, как и к основному действию, частицы могут относиться к основным актантам события. При этом актанты могут при помощи частиц указываться, отождествляться и квалифицироваться.

I. Указание на актант.

Актант может указываться в непосредственной ситуации настоящего: *Вот вам письмо, — сказала Елена. — Наконец-то!; Вам велели передать из конторы, вот! И он протянул маленький конверт; Вон ту книжку передайте, пожалуйста; Вот тот офицер, как я рассказывал Вашему превосходительству, отличился еще утром; Вот эту самую вещьцу нашли. И он показал Мишке колечко.*

Во всех приведенных примерах дейктические *вот* и *вон* могут быть элиминированы или заменены жестом.

II. Актант может отождествляться

Актант отождествляется как таковой, идентифицируется: *Кругом все та же наивно улыбающаяся природа, тот же лес, та же задумчивая Волга, обвевал его тот же воздух; В отряде остались те же собаки: Леший и Альта; Поверх рубашки и панталон была надета та же шинель, которую он покрывался.*

Актант может отождествляться по функции: *Вон выдвигное зеркальце, оно же пудреница, оно же кошелек; Сад был порядочный, он же и огород; За этим следует анфилада, состоящая из трех комнат: залы (она же и столовая), гостиной и диванной.*

Могут отождествляться качества актантов: *Порода проглядывала в передних сухих ногах, в такой же сухой и нервной голове; Люди древности располагали примитивными средствами сообщения и такими же познаниями в географии; Парень в синей пестрядинной рубахе, в таких же штанах.*

Таким образом, разница между *тот же* и *такой же* очевидна: *тот же* предполагает идентичность актанта А самому себе, *такой же* предполагает наличие одного и того же качества у разных актантов. Однако антецедентом *такой же* может быть и глобальная характеристика и более узкая (примитивные средства сообщения и такие же познания). Возможна даже и лексико-семантическая реприза качества (в *передних сухих ногах, в такой же сухой и нервной голове*). При общей, тотальной характеристике объекта возможна нейтрализация *тот же* и *такой же*: *Он был все такой же /тот же?/, как и прошлым летом. Поэтому такой же часто подкрепляется атрибутом: Вышла женщина, немного похожая на Федора Лукича: такая же грузная; Ничего в нем не изменилось. Лицо осталось таким же круглым.*

Существенна при этом принадлежность/непринадлежность актанта к группе объектов так называемой неотчуждаемой принадлежности: *... тот же ласковый взгляд, те же черты доброго, открытого лица — такой же ласковый взгляд, такие же черты доброго, открытого лица. Но: Та же*

шапка была на его голове, те же толстые суконные брюки, та же шерстяная фуфайка — *Такая же шапка ... такие же толстые суконные брюки, такая же шерстяная фуфайка.

Актант может отождествляться как неожиданный, не соответствующий нормативному ожиданию: *Даже ослы поют канцоны; Даже Кирина мама пришла на доклад.*

III. Актант квалифицируется

а) по количеству, б) по отношению к другим актантам, в) по качеству.

а. В пределах количественной характеристики различаются количество стабильное и количество меняющееся.

1) В пределах стабильного количества можно говорить об ограниченном и усиленном количестве.

Ограниченным является часть заданного максимального множества: *Все соседи на нашей лестнице радовались за Полину, и только жена капитана не разговаривала с ней; В настоящем труде они не найдут сплошного изложения всех событий, а только ряд эпизодов.*

Это может быть малое число актантов: *Настоящее море тумана, облаков, за которыми не видно ничего, только горы вырисовываются, да и то только очень высокие; Во двор господского дома пускались только избранные депутаты.*

Число актантов может быть задано единственным: *У нас только сад, сад — и больше ничего; Всю нежность он хотел отдать только ей, только Сузи; Все наши уже были во Владычине. Один папа, как всегда, оставался в Туле; Бедный помешанный человек считал во всем мире только один талант, только одного артиста, и этот артист, конечно, был он сам.*

Актант может квалифицироваться усиленным количеством: *Аукенберг даже привскочил от удивления — Вон ты какой образованный!; Давай разберем почту — вон какая уйма писем пришла.*

2) Количественно меняющаяся характеристика актантов возможна при следующих условиях: к однородному добавляется однородное/происходит добавление неоднородного.

Добавление однородного ($X + X$): *Дайте еще котлеточку, я голодная; Хребет, Черные горы, еще какой-то хребет и, наконец, снежные горы; На том берегу агентурная разведка обнаружила еще одну роту и две батареи.*

Добавление неоднородного ($X + Y$): *Как будто дом и неплох: комнаты большие да еще кухня; Какую-то бумагу прятал, значит, он и телеграмму мог спрятать; Там поселились и мы; У мысли тоже есть свои инвалиды, надобно, чтоб и у них был свой приют; Прежде всего поэтом делает человека талант, но к этому также необходим еще и характер.*

Яркой особенностью этой группы высказываний является смысловоразличающая роль акцентного выделения: *еще X* — означает $X + X$, *еще X* означает $X + Y$. Таким образом, *еще* под ударением связывает однородное: *Хотел еще котлету; еще* без ударения связывает неоднородное: *Хотел еще котлету* (помимо супа и пр.).

Рамки контекста не всегда предоставляют возможность точного решения: — *Много ли осталось, Трофим?*

— *Да еще с версту будет (еще с версту или еще с версту?).*

Вдруг еще что-нибудь подпишешь не по правилу (вдруг еще/или вдруг еще-что-нибудь и т.д.).

б) Актант квалифицируется по отношению к другим актантам: а именно — актант включается в ряд X_{n-1} : *Потребовали от нее, чтоб она была.*

как и все, то есть, как очень немногие; Как и Суворов, он был непобедим; В механике и я чего-нибудь да стою;

Актант X противопоставляется актанту У — Гладжиева я не знаю, а вот майора Степанова помню; Никто мне не верил, а вот Лев Николаевич сразу поверил.

а) Особое место занимают высказывания, описывающие те ситуации, когда актант переходит в другое качество. Оно может достигаться увеличением имеющегося: *Грудь его впала, а талия сделалась еще благороднее, еще стройнее.*

Или переходом в противоположное качество: *Я бросилась к нему и увидела ребенка уже без признаков жизни; Михайлыч был человек уже немолодой, высокий; В своей песне она, полумертвая, уже погибшая, без слов, но жалобно, искренне убеждала кого-то.*

Представим в табличной форме употребление частиц при характеристике актантов в изолированных ситуациях:

		Ситуация		Частицы
указание на актант			по функции	<i>вот, вон</i> <i>же (он)</i>
отождествление актанта			по качеству	<i>же (такой)</i>
			как таковой	<i>же (тот)</i>
			как неожиданный	<i>даже</i>
квалификация актанта	количественно	стабильное количество	ограниченное	<i>только, один</i>
			усиленное	<i>вон (какой)</i>
	качественно	увеличение	X + X	<i>еще</i>
			X + У	<i>еще, и, еще и</i>
		переход в противоположное		<i>еще</i> <i>уже</i>

Отмечается 10 смысловых ситуаций. Из них *же* употребляется в трех (включая *он же, тот же, такой же*); *еще* — в трех (включая *еще и*); *вон* — в двух (включая *вон какой*); *вот, уже* — в одной, *только и, один* — в одной (одной и той же); *и* — в одной.

§ 4. ЧАСТИЦЫ И СВЯЗАННЫЕ СИТУАЦИИ

Высказывания с частицами могут быть рассмотрены как содержащие коннектор, указывающий на связь данной ситуации с более широким социальным окружением. Эта связь может в большей или меньшей степени конкретна. Степень конкретности и тесноты связи данной ситуации может, таким образом, определяться по принципу шкалы, предлагаемой ниже: от меньшей конкретности к большей. Та ступень, при которой данное событие (ситуация) соотносится неким точно интерпретируемым способом с ситуацией, непосредственно контактирующей, предполагается в данной работе максимально близкой к союзу. Поэтому отношение частица — союз также предполагается как шкалообразное.

Итак, в излагаемой ниже последовательности ситуации, выражаемые высказыванием с частицами, могут следующим образом коррелировать с другими ситуациями:

1. Они вводятся в коммуникацию: а) как факт; б) как пример; в) как напоминание; г) как обещание.

II. Другое событие может:

- 1) комментировать: а) поясняться; б) ограничиваться; в) оцениваться,
- 2) подтверждаться/отрицаться;

III. Два события могут содержательно сближаться.

IV. Может выявляться содержательная связь двух ситуаций:

- 1) временное протекание;
- 2) противопоставление;
- 3) отношение причинности;
- 4) отношение результата.

I. Введение в коммуникацию

а) Введение факта

Новая ситуация обычно не связана непосредственно с предыдущей репликой, с изложением развертывающихся событий. Это именно новая ситуация. Поскольку она вводится как факт, естественно, что семантика подобной вводимой ситуации связана с общеизвестным: это может быть общность знаний, объединяющих собеседников, это может быть и общеизвестная генерализованная истина. Вводится подобная ситуация через частицы *ведь, вот, же*: *И не советую жениться, когда влюбишься. Ведь любовь пройдет – это уж пошлая истина; Или, может быть, Вы меня, как женщину, не считаете достойною Вашего доверия? Ведь Вы нас всех презираете; Вот захотел и по тучам лечу ж! Всюду теперь! можно ведь мне!; Училище неприятно подействовало на него. Но, думал он, живут же люди и здесь.* В этих примерах нет непосредственной линейной тема-рематической цепочки. Однако вводимые частицей ситуации не дейктические, они связаны с другими, но не через ближний, а через дальний коммуникативный контекст, т.е. через текст.

б) Введение в коммуникацию ситуации, являющейся примером. Вводится через посредство частиц *вон* и *вот* (*вот раз*): *Теперь чувства совсем другие. Нам вон и в голову такие поздние браки не приходили; Танцы молодежь любит. Мой вон до ночи пропадает; Вот раз решили мы обязательно в столичный театр попасть; Вот раз уговаривает меня Печорин ехать с ним на кабана* и т.д. Высказыванию-примеру с *вон* обычно предшествует некоторое обобщенное (или обобщаемое) описание действительности: *Теперь чувства совсем другие; Танцы молодежь любит.* В высказываниях с *вон* (*вот раз*) подобная интродукция не обязательна. Различие их в установке на анафорику (пример с *вон*) и катафорику, интродуктивность (примеры с *вот, вот раз*).

в) Ситуация вводится в коммуникацию как напоминание, средство напоминания – частица *еще*: *Марья Павловна, Вас ли это я видел в саду ночью? Еще Вы декламировали "Анчар" Пушкина"; Ну, как же не была Настасья Фадеевна в Петровке? Еще тогда все пироги с грибами пекли: она любит.*

г) Ситуация может быть обещанием: *Вот что я думаю, Аринка-то нас еще вывезет!; Ты веришь этому? Да, он еще сложит свою песню.* Во всех примерах этой группы обращает на себя внимание разрыв вводимой ситуации и окружающей действительности во времени протекания. Время не только не совпадает, оно как бы находится в разных уровнях.

II. Оценка ситуации

1) Ситуация, передаваемая через высказывание с частицей, может быть комментарием к другой ситуации. Этот комментарий бывает пояснением: *Как не погибнуть, если мачту сорвет? Ведь это все равно, что отрезать вожжи у горячей лошади; Они, верно, думают, что я нарочно подслушивать остался. Ведь я просто не расслышал, что собрание закрытое; Слушай, революция будет? — Да она же началась, ты что, газет не читаешь?; Он сделал предложение? Ведь он же тебя любит; На горизонте показался дым. Это приближалась флотилия Макарова; Вдруг ее милое лицо помрачнело. Это была реакция на слова Николая.*

Комментарий выступает ограничением предшествующей ситуации: *Нового ничего нет. Только разве Егор Андрианов женился да, говорят, князя забаллотировали; Красным заревом вспыхнул запад, и всюду потянулись розовые полосы. Только к берегу еще резче отделилась вода; Последними лучами золотило даль. Только там, за рекой, застыли на горизонте синие тучи.* Это ограничение, суживающее предшествующую ситуацию, как бы представляет воспринимающему некий ее корректив. Вводится частицей *только*.

Предшествующая ситуация может оцениваться: *Ба, друг старый! Мы давно знакомы! Вот судьба; Только хнычет. Вот пострел навязался; Ирина к нам заехала. Вот еще новость; А то за Курском пойдут степи, такие степные места. Вот еще удовольствие человеку, вот удивление.*

2) Комментарий, содержащийся в высказывании с частицей, соотносит предшествующее событие с верностью—неверностью действительности. Поэтому предшествующая ситуация может подтверждаться: *Заметов передумал за ночь. Я и предчувствовал, что передумает; Лиза успела уже привыкнуть к нему, да она и вообще никого не дичилась; Если ты в родню, так ты литератор. Пиши же мне о новостях нашей словесности; Он недурно произносит по-французски, — заметила дочь. — Кто же нынче не говорит по-французски?; Дайте же мне есть.*

Употребление частицы *и* в этой функции сходно с функционированием частицы при подтверждении локализатора (см. выше: *В бане спят, там и живут = В бане спят и там же живут*). Таким образом, текстовый antecedent *и* может быть очень протяженным, а *и* и *же* могут выступать как функциональные синонимы.

В этом смысле частицей более широкого диапазона выступает *же*. Она не может быть признана здесь ни противопоставительной, ни отождествительной, а приобретает особое значение, условно передаваемое как: "Учитывая все вышесказанное" (это значение имеет греческое $\delta\eta'$)¹⁵. Таким образом, *же* при вопросе и вопросительных словах имеет смысл "все-таки, в связи с этим" — *Кто же к нам придет? Что же нам делать?* и т.п. При повелительном наклонении *же* может иметь этот же смысл:

*Ты все пела? Это дело:
Так поди же, попляши!*

так и указание на то, что это уже не первое приказание или не первая просьба: *Зина опять подошла к двери и энергично произнесла: Тема, да вставай же!*

В чисто текстовом воплощении такое *же* может быть катафорическим, а

¹⁵ См. определение $\delta\eta'$: "обозначает то, что очевидно, наглядно, находится перед глазами в данный момент" (Denniston, 1954, p. 203); эта частица "выражает post hoc и propter hoc и что-то промежуточное, привязанное ко всему целому" (Там же, p. 238).

не анафорическим элементом. См. выше: *Извольте же идти: разбудите, боюсь; Дайте же мне сесть. Расселись тут с картами.*

Предшествующая ситуация может не соответствовать настоящей: *Ирина любезно упрекала его в забывчивости: "А еще старый друг", – прибавила она; До чего же вы пугливы! А еще девушек беретесь провожать; Необразованная женщина – никакого поведения. А еще родная сестра называется.*

Значение еще здесь близко к ведь в значении указания на факт.

III. Сближение ситуаций

Выше излагалось соотношение ситуации, вводимой через высказывание с частицей, и окружающей действительности, не всегда сводимой к одной, четко очерченной ситуации. Но такое сужение может иметь место. Тогда сопоставляются два фрагмента действительности, воплощенные в высказывания, и смысловые отношения уже возникают между этими двумя единицами. Первым этапом этого отношения можно назвать сближение ситуаций. При этом объединяющим компонентом у двух ситуаций типично оказывается некоторое общее звено, по большей части это темпоральный или локальный компонент: *Вдалеке на колокольне пробило три часа. Сейчас же запели вторые петухи; В то время, когда он весь был раскрыт передо мною, я не умела читать. Теперь же, когда, мне думается, я умею, книга закрыта навеки.*

IV. Содержательная связь двух ситуаций

Сближение двух событий, осуществляемое при помощи частиц, получает, как было сказано выше, определяемую содержательную интерпретацию. Такие случаи, если обращаться обязательно к грамматической таксономии, сближают данное употребление частиц с союзами.

Ситуации сопоставляются по их временному протеканию. Здесь описание одной ситуации конкретизируется через описание времени другого события: *Еще не успели подставить лесенку, как я выпрыгнул; Солнце только еще всходило, весна только еще начиналась: мы подъезжали к Москве; И то, что она, только успев переодеться в светлое тонкое платье, вспомнила о нем, обрадовало Костю; Уже солнце начало прятаться за снеговой хребет, когда я въехал в Койшаурскую долину; Пока никто еще не хвалил и не бранил писателя, барон Брамбеус хвалил или бранил его наудачу.*

То, что в приведенных примерах частицы не являются союзами в строгом смысле слова, подтверждается двумя обстоятельствами.

1) Во всех примерах частицы могут быть опущены и содержательная интерпретация этих сложных предложений остается неизменной: *Не успели – как; Солнце всходило, весна начиналась: мы. . . ; И то, что. . . , обрадовало; Солнце начало. . . когда; Пока никто не хвалил, барон Брамбеус.*

2) Опущение частиц не влияет на сочиненность или подчиненность данного предложения. Тогда можно поставить естественный вопрос: а связаны ли частицы с временным значением, не принимаем ли мы значение союза или лексико-грамматический состав обоих высказываний за собственное значение частицы? Эта идея опровергается непосредственной смысловой соотносительностью предикатных центров обеих сопоставляемых ситуаций: *Еще не успели – выпрыгнул; только еще начиналась – мы подъезжали; только успев переодеться – вспомнила; уже начало – въехал; еще никто не хвалил – хвалил, т.е. очевидно, в какой степени семантический охват*

сферы действия частицы распространяется на оба действия, передаваемые глагольными предикатами обеих ситуаций.

2) Ситуации противопоставляются друг другу: *Хочется знать, как Вы поживаете, от Вас же, между тем, ни единого письма; Отпустил сестер по утру в Каменку, сам же поехал в Сунки; Ты бы тоже не против, дядя Петро. Да вот лысина не позволяет; И трава похуже здешняя, и вода не так светла, только в сердце радость вешняя даже больше, чем была; Ты больно скор, тут надобно решенье. — Да ведь горит у нас; Еще в полях белеет снег, а воды уж весной шумят; Рабочий народ уж поднимается после долгой зимней ночи и идет на работы. А у господ еще вечер; Журча, еще бежит за мельницу ручей, но пруд уже застыл; Было уже поздно, чтобы ехать куда-нибудь, но было еще рано, чтобы ложиться спать; В сентябрьские дни небо еще сине и безоблачно, а в лесу уже попахивает прелью загнивающей опавшей листвы.*

Может создаться впечатление, судя по ряду примеров, что семантика противопоставления обеспечивается не общей структурой высказывания, включая частицу, а представленными в ней противительными союзами — *а, но, да*. Между тем нетрудно убедиться, что "горизонт ожидания" создается именно частицей. См.: частицы в: *Еще светло — перед окном в разрывы облак солнца блещет* или *Еще аллея не сумрачен приют, Между ветвей небесный свод синее*, несомненно, готовят читателя к элементу противопоставления, которое и следует в тексте ("*...А уж от неба до земли...*"; "*А я иду — душистый холод веет*"). При опущении частицы ожидание противопоставления исчезает: *Светло — перед окном в разрывы облак солнце блещет; Аллея не сумрачен приют, между ветвей небесный свод синее*.

3) Ситуации связываются посредством частиц отношениями причинности: *Зачем я ему служу? Ведь и отец мой ему служил, и дедушка служил его батюшке; Не подходите ко мне: ведь моя болезнь заразительна; Ну, пой еще, еще сильнее терзайся приступом тоски. Давно же меж тобой и ею легли разлучные пески.*

4) Наиболее разветвленным по своей семантике и по диапазону представленных в этой смысловой группе частиц оказывается значение результата. Представляется, что это объясняется рядом действующих параллельно прагматико-лингвистических обстоятельств.

1. Результативность как таковая в первую очередь связана с человеческой деятельностью, она присутствует, в явном или имплицитном виде, в глагольных категориях любого языка, в первую очередь различающих результат, законченность и становление, процесс. В свою очередь, часто выражаемое частицей (точнее, высказыванием с частицей) стремление представить ситуацию как бы на суд воспринимающего соотносимо с желанием представить ситуацию в виде мгновенного слепка, связанного, таким образом, со значением перфектности, статальности, результативности. В этом отношении очень показательны русские примеры с начальным фразовым акцентом, приводимые Кр. Бонно и И. Фужерон, в них присутствуют семы статальности, результативности и перфектности: *Не забудь зонт: дождь пошел; Я довольна квартирой: кухня светлая; Знаю, что делал: щёки в чернилах; Уже к Крыму подъезжаем — снег лежит; В магазин собиралась: мама позвонила: посылка пришла* и т.д. (Bonnot, Fougeron, 1983). Таким образом, значение результативности коррелирует с указанным выше стремлением глобализовать ситуацию, что часто достигается введением в нее определенного типа частиц.

2. Вторым существенным фактором можно считать отсутствие специальных грамматических показателей-союзов, выражающих чистую результа-

тивность. Союзы следственного характера (так что), как представляется, уже по семантике и не передают субъективно-оценочного момента, столь важного для результата, который и передают частицы.

Среди типов значения результативности естественно различать подвиды значения результата; это: 1) чистый результат, 2) результат абсолютный, тотальный, 3) результат-неожиданность, 4) результат-пояснение, 5) результат-крайность.

1. Чистый результат: *Немного царпнули, а он и размяк; Надоели они мне очень вчера. Я и убежал от них квартиру нанять; Люди поднимаются выше, выше. Вот они переваливают хребет; Люди приложили к губам ослепительные инструменты, и вот несогласные звуки покатались из труб.* Особое промежуточное место между дейксисом и собственно результатом занимают конструкции с *Вот и*: *Вот и Оля; Вот и Качалов лесок.* А.В. Знаменская так и называет это значение: *Вот и* "указательно-результативным" (Знаменская, 1967, с. 240).

2. Результат тотальный (абсолютный): *Мотают, пьянствуют. Только фамилию срамят; Пулемет сечет прямо по брустверу. Только пыль клубится; Что же спрашивает? Только мучит.*

3. Результат-неожиданность: *Вам, наверно, известно имя этой особы? – Нисколько, и не слыхивала; Уездный чиновник проедет мимо – я уже и задумывался; Я до них огромный интерес имела, пока не познакомилась. А как узнала побольше, даже жалко стало за свой интерес.*

4. Результат-пояснение: *Что же он делает? Черт его подери? Ведь нас голыми руками заберут в этой дыре; Что если бы с такою властью взялся он за дела, к несчастью? Ведь погубил бы целый край.*

5. Результат-крайность: *А в книге тебе их жалко до того, что даже сердце щемит; Гуляли они, очевидно, хорошо и весело, у одного из служащих на нашем пароходе был даже разбит один глаз; Она глядела на него глазами, полными такой откровенной любви. Он даже смутился.*

Таким образом, все виды отмеченных значений, передаваемых двумя сближаемыми ситуациями и реализующихся в высказываниях с частицами, можно так же, как и для изолированных ситуаций, представить в табличной форме:

Семантическая связь ситуации		Частицы
I. Введение ситуации в коммуникативный контекст	как факт	<i>вот, ведь, же</i>
	как пример	<i>вон, вот</i>
	как напоминание	<i>еще</i>
	как обещание	<i>еще</i>
II. Комментирование ситуации	пояснение	<i>ведь, же, это</i>
	ограничение	<i>только</i>
	оценка	<i>вот, вот (еще)</i>
III. Верификация действительности в предшествующей ситуации	подтверждение	<i>уже</i>
	несоответствие	<i>а, еще</i>
IV. Отношение двух ситуаций	сближение	<i>же</i>
	временное соотношение	<i>еще, только, только еще, уже</i>
	противопоставление	<i>еще – уже, же, да вот, только</i>
	причинность	<i>ведь</i>
	результат чистый	<i>и, вот, и вот</i>
	результат тотальный	<i>только, и, даже, уже и</i>
	результат пояснение	<i>ведь</i>
	результат крайность	<i>даже</i>

Всего, судя по этой таблице, выделяется 17 смысловых ситуаций. Сравним употребление частиц в изолированной ситуации и в сближаемых ситуациях:

	Ситуации:		
	Изолированные Актантные (10)	Действия (23)	
<i>же</i>	3	—	5
<i>еще</i>	3	6	7 (включая <i>вот еще</i> , <i>а еще</i>)
<i>вон</i>	2	2	1
<i>уже</i>	1	8	3 (включая <i>уже и</i>)
<i>только</i>	1	5	4 (включая <i>только</i> <i>еще</i>)
<i>и</i>	1	3	3
<i>один</i>	1	1	—
<i>даже</i>	1	5	2
<i>ведь</i>	—	—	4
<i>это</i>	—	—	1
<i>вот</i>	1	1	7 (включая <i>и вот</i> , <i>да вот</i>)

Три табличных представления, обобщенные вместе, дают основания для следующих выводов.

1. Для каждого способа представления действительности (квалификации актанта, квалификации действия, квалификации отношения событий) можно выделить наиболее предпочитаемые частицы, в той или иной степени тяготеющие к одному из этих способов. Это — для событийных отношений: *вот, еще, же (ведь)*; для актантной квалификации — *еще, же*; для квалификации действия — *еще, уже*.

2. Изолированные глобальные ситуации вводятся через *это, вон, вот*. Существенно, что *это* не употребляется в расчлененном изолированном высказывании (если не считать связочную функцию квалификацией актантов).

3. В изолированной ситуации, как расчлененной, так и глобальной, не бывает представлена частица *ведь*, в сопоставляемых не представлена частица *один*. Таким образом, *ведь* и *один* оказываются на периферии употребления, первая — максимально приближаясь к союзу, вторая — максимально приближаясь к артиклеобразному местоимению.

4. Для всех трех табличных представлений можно отметить ситуации, передаваемые набором частиц, и ситуации, передаваемые только одной частицей (соответственно с этим одни частицы оказываются многозначны, обслуживая несколько ситуаций, другие — однозначны). Для характеристики действия несколько частиц выражают хронологические отношения, интенсивность действия, его непрерывность; для актантной характеристики несколькими способами выражается увеличение количества, указание на актанта; для ситуативных отношений — группа частиц в наибольшей степени характерна для противопоставления и временных соотношений (последнее корреспондирует указанной выше интенсивности действия, его непрерывности).

5. Суммируя все приведенные показатели, выводим показатель ситуативно-семантических употреблений для каждой анализировавшейся частицы: *еще* — 16; *уже* — 12; *только* — 10; *вот* — 9; *даже* — 8; *же* — 8; *и* — 7; *вон* — 5; *ведь* — 4; *один* — 2.

Сказанное относится лишь к вхождению тех или иных частиц в категориальную сетку ситуационных представлений и не квалифицирует ни в коей степени частотность этих же частиц в реальных текстах. Эти данные требуют специального анализа: так, очевидно, что обещание встречается реже, чем пояснение. Но что чаще — тотальный результат или пример? пояснение или противопоставление? Ответы на подобные вопросы требуют двойного исследования: 1) исследования частотности тех или иных коммуникативных ситуаций в общем потоке человеческого общения, 2) исследования преимущественной частотности той или иной частицы — в тех случаях, когда одна и та же ситуация выражается несколькими частицами.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ЧАСТИЦЫ И "СКРЫТАЯ СЕМАНТИКА"

§ 1. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО СТАТУСА ЧАСТИЦ

Трудность определения таксономического статуса частиц, обсуждавшаяся в главе I, сводилась к проблеме поиска критериев, отличавших частицу от союза, наречия, местоимения. Но существует еще и другая проблема — определение функционального статуса частиц. Этот функциональный статус мог быть выражен каким-то одним понятием, достаточно адекватным их функциональной сущности. Исключим пока из рассмотрения частицы *-то, -либо, -нибудь, некое-, один*, связанные с неопределенностью имени. Обратимся к тем традиционным характеристикам, которые сопровождали и сопровождают частицы *даже, и, еще, уже, только, ведь* и им подобное.

За ними поочередно или одновременно (в разных традициях) закрепляются обозначения: эмфатические, усилительные, актуализирующие, "смягчающие", рематизаторы, акцентирующие.

Понятие эмфатический имеет традицию изучения языков древности, основным было деление частиц на эмфатические и коннективы, т.е. связующие, нечто вроде полусоюзов. См. у Деннистона: Like γέ, δὴ normally emphasizes the preceding word (Denniston, 1954). Эти частицы, как пишет Деннистон, передают интерес, удивление, симпатию, угрозы и т.д. Эволюция частиц есть эволюция понятия экспрессивности, коннективное значение выводится из эмфатического (р. 237). Также называет подобные частицы эмфатическими Бломквист (Blomkvist, 1969, 1979) и, по сути, все, имеющие дело с древними языками. Такое определение встречается и в применении к новым языкам: "Слово *ведь* выполняет свою основную функцию: эмоционально-экспрессивную, т.е. усиливает или оттеняет слово, перед которым (или после которого) находится, и вносит в смысл предложения экспрессивное значение" (Скорлуповская, 1964, с. 88). Однако действительно ли подобные частицы экспрессивны? См. примеры: *Оно несколько произвольно, но ведь я же на точных цифрах и не настаиваю; В первую же ночь мы наблюдали северное сияние; Он обломил сестер по утру в Каменки, сам же поехал в Сунки; Обаяние атмосферы, образа жизни и привычек простиралось и на*

Верхлево, ведь оно тоже было некогда Обломовкой; Однако это ведь миниатюрная живопись, и рисовать надобно на пергаменте. Экспрессивности подобных предложений весьма сомнительна. Представляется, что прочная связь могла возникнуть из презумпции существования неперменной корреляции следующих феноменов: 1) экспрессивности и разговорности; 2) разговорности и громкости, выразительности; 3) разговорности и обилия частиц, действительно многообразных в живой речи. Но разве частицы только "оживляют" речь, делают ее более выразительной? Тот же Деннистон раскрывает значение частиц: эмфатическое *оbbe* значит 'not even, not either' (p. 183); *mévtoi* — эмфатическое значение обозначает объективность, действительность — 'really, you know' (p. 399). Но так ли экспрессивны высказывания — *Это, действительно, произошло именно так; Я плохо понимаю астрономию, не знаю даже, что такое черная дыра.*

Многие примеры с частицами, приводимые Н.Ю. Шведовой (Шведова, 1960), действительно экспрессивны, вроде: *Ну, и что? И пошла, а тебе что? Ну люди! Да ложитесь вы!; Так и испугались тебя; Вот так лесок! и т.д.,* но только ли частицы делают их экспрессивными? Подобные высказывания по большей части клишированы, и весь их состав работает на выражение эмоций.

Не менее распространена в применении к частицам и другая квалификация — усилительные. См. об этом у А.М. Пешковского (Пешковский, 1923). См. также примеры В.В. Виноградова: *Ирландские крестьяне питаются исключительно картофелем; Все это он говорил единственно затем, чтобы затереть честолубие; И бедняк может быть счастлив; Пришли все, даже дряхлые старики и т.д.* (Виноградов, 1972, с. 522) — частицы "играют роль своеобразных качественных показателей смыслового веса слова или высказывания в целом" (там же). См. также: "Присущее частицам *даже* и *же* усилительное значение, в основе которого лежит стремление обратить особое внимание слушающего или читающего на ту или другую часть высказывания, не исключает у них наличия частных лексических значений" (Булатникова, 1973, с. 7); "Общим для временных конструкций с названными частицами является усиление, уточнение, ограничение временной характеристики" (Гойдина, 1979, с. 111). И так, что же именно усиливают частицы? Факт событийный или факт языковой? *И бедняк может быть счастливым.* Усиливается бедность? *Пришли все, даже дряхлые старики* — усиливается дряхлость? Тогда гораздо более усилительными являются наречия-интенсивы вроде *очень, невероятно* — *Я невероятно устал, Мы до смерти хотим есть; Он безумно в нее влюблен* и т.д. Конечно, более правильно предположить, что усиливаются сами слова — частицам свойственно "стремление усилить бесцветные слова" (Blomkvist, 1969). Но бесцветные ли слова "усиливают частицы" — *Даже Петр Иванович пришел к нам; И императору знакомы заботы?* Таким образом, можно согласиться с тем, что частицы как-то выделяют связанное с ними слово (а если они относятся ко всему предложению, то, очевидно, выделяют, "усиливают" все это предложение?). Но остается нерешенным самый важный вопрос: зачем они это делают; точнее — что благодаря этому происходит?¹

¹ В этом отношении параллельным к слову "усилительный" можно считать и его антоним "смягчающий", принятый в последние годы в германоязычной традиции — *Abtönend, Abtönungspartikeln*. Т.е. это частицы, как бы "смягчающие" категоричность высказывания — *wohl, aber, ja, doch, mal, eigentlich, nämlich* и др. (*Aspekte der Modalpartikeln*, 1977). Об этом термине можно сказать то же, что и об усилительности.

Следующее определение функции частиц – актуализация. ”При присоединении частицы к знаменательному слову частица конкретизирует его значение в данном контексте, сообщает ему большую определенность за счет собственного специфически выраженного лексического значения. При этом происходит выделение данного знаменательного слова из ряда других, т.е. его подчеркивание, актуализация” (Иванова, 1970, с. 5). Таким образом, получается, что в: *и бедняк* – конкретизируется и становится определенным слово *бедняк*, *даже дряхлые старики* – актуализируется дряхлость? Но ведь процесс актуализации выполняется набором актуализаторов – чем тогда отличаются: *К нам пришел мальчик* – *К нам пришел этот мальчик* – *К нам пришел даже мальчик*?

Получается, что нельзя уйти от выявления какой-то дополнительной функции частиц в высказывании. См.: ”Частицы придают высказыванию необходимые нюансы смысла” (Копыленко, 1978, с. 72).

Этой функцией можно считать функцию рематизации (см. Крейдлин, 1975; Bańkowski, 1977; Копыленко, 1981; Fraser, 1970). Этот вопрос обсуждался в нашей книге (Николаева, 1982). В добавление к сказанному там подробно можно сообщить лишь одно: подобные частицы можно считать рематизаторами лишь при условии, если это включить в их определение и не пытаться давать содержательной интерпретации ни функционированию частиц, ни самому понятию ремы. Так, именно эти частицы не могут соединяться с именем новым и неопределенным: **Even some one has already arrived; *I can't find George even anywhere; *We want to see even everybody* (Fraser, 1970), т.е. с тем, с чем обычно связывается идея ремы. Невозможно доказать, что отрезки *Даже Петр* (из *Даже Петр забыл нам позвонить*); *Только дети* (*На кинофильм пришли только дети, а взрослым он показался заранее неинтересным*); *Он же* (из *Он же просто разыгрывает тебя*) являются центром важности, что тоже обычно связывается с ремой. Кроме того, эти частицы явно связаны и с темой, и с ремой (*и* всегда соотносится с ремой, *-то* – с темой, Копыленко, 1981), ср. также о частице *же*: ”Она связана с подчеркиванием не столько новости темы при тождестве ремы (как *также, и*), сколько тождества темы при новой реме: *Он написал книгу. Он же и издал ее*” (Богуславский, 1969). Т.е. А. Богуславский и частицы *и, и также* считает тематическими. К этому вполне можно присоединиться: *И ^{тема} берег/^{рема}меня не обрадовал; Даже ^{тема} Петр/^{рема}мне не позвонил.* Ср.:
и ^{тема} берег/^{рема}меня не обрадовал; Даже ^{тема} Петр/^{рема}мне не позвонил. Ср.:

Мне не позвонил/даже Петр. Таким образом, тема = рематические отношения как бы параллельны содержательным категориям, передаваемым частицами. Кроме того, совсем неясным становится определение функционального места частиц, относящихся ко всему высказыванию в целом.

Следующая функциональная возможность квалификации роли частиц – это считать их акцентирующими (см.: Стародумова, 1974). Акцентирующими в ее работе считаются *только, лишь, именно, разве что, даже, хотя бы*. Однако, как будет показано в § 1 следующей главы, акцентирование связано с подобными частицами неоднозначным образом: ударение может падать на частицу и только на частицу, на знаменательное слово, его может не быть в высказывании с частицами и вообще не быть, и это высказывание произносится нейтрально; оно может быть факультативно поставленным как на частице, так и на знаменательном слове. Наконец, акцентирование есть некая внешняя форма того же усиления, эмфазы, подчеркивания, т.е. явления, внутренняя суть которого не проясняется.

Как представляется, с^{уть} эта и не могла быть выяснена до тех пор,

пока языкознание не выходило за пределы непосредственно данного состава высказывания. За этим положением стоят два явления: 1) высказывания рассматривались изолированно, вне связи с окружающим контекстом; 2) семантика высказывания описывалась только через его непосредственно представленные составляющие. Точно так же не могла охватить функциональную семантику частиц генеративная теория, во многом опирающаяся на безостаточное деление по непосредственно составляющим (О генеративной теории см.: Weydt, 1977).

О том, что помимо информации, непосредственно вытекающей из высказывания, частицы способны сообщить некоторой другой информации, пишут достаточно определенно и авторы квалифицирующих определений, приведенных выше. См. у Деннистона о том, что *кай* 'even' указывает на вторую мысль, либо выраженную в контексте, либо опирающуюся на наше сознание (Denniston, 1954, p. XL); у Н.Ю. Шведовой о том, что за *кто-кто, а он-то придет* стоит, что другой (другие) не придет (Шведова, 1960, с. 71); у Г.Е. Крейдлина о "скрытом ожидании", связанном с *даже* (Крейдлин, 1979, с. 15); у Е.А. Стародумовой о дополнительных информативных фразах: *Только он не вернулся – Все остальные – да; Даже он не вернулся – Тем более – другие; Именно он не вернулся – А не кто-то другой* (Стародумова, 1974, с. 4); у Е.В. Скорлуповской: "Конструкции *с ведь* могут быть построены так, что непосредственно противопоставляемые мысли остаются невысказанными, но для говорящего они совершенно ясны и понятны" (Скорлуповская, 1964, с. 89). Еще более определенно высказывается Е.Е. Михелевич: "Логико-смысловые частицы косвенно (через характеризуемый член предложения) относятся ко всему предложению, которое оказывается объединением двух высказываний: основного и дополнительного, или "скрытого". Чрезвычайно важно подчеркнуть, что языковое выражение ряда смежных соотнесенных понятий совершенно необязательно" (Михелевич, 1960, с. 11).

Таким образом, мы возвращаемся к миру "скрытой семантики", провозглашенному в § 1 предыдущей главы, и признаем за частицами в качестве одного из самых существенных признаков свойство передавать эту скрытую, но общепонятную для всех носителей языка (и труднодоступную для иностранцев) объективную семантику.

Итак, значение частиц зависит даже не от контекста, а "от того, что они сами вносят в контекст... Поэтому нужно выявить эту скрытую мотивацию ("Diese versteckte Motivation ans Licht zu bringen" – Iwasaki, 1977).

Пожалуй, лучшим определением коммуникативной функции частиц можно признать определение А. Вежбицкой (Wierzbicka, 1976, p. 327): "Они выражают отношение говорящего к слушающему, его установки, отношение к обсуждаемой ситуации, его внутренние предпосылки, его намерения, его эмоции. Если человек, учащий какой-либо язык, не сможет овладеть значениями его частиц, коммуникативная компетенция такого человека будет трагически неполной".

Но как же описывать эту скрытую семантику? И здесь изучение частиц получило мощную поддержку со стороны новой области семантики – теории пресуппозиций (см. об этом подробно: Арутюнова, 1973; Падучева, 1977). Пресуппозиция, понимаемая как объективная часть речевого поведения, позволила лингвистам открыто представлять в лингвистическом описании имплицированный смысл наравне с эксплицированным. Более того, семантика частиц как особая область (Partikelsemantik), объявляется возникшей именно в связи с появлением теории пресуппозиций (Altmann, 1976). Появляются работы, прямо ставящие задачей выявить типы пресуппозиций у разных частиц (Horn, 1969; Doherty, 1973; и др.), даже в

работах по теории пресуппозиции вообще примером становятся именно частицы. Оперативными единицами описания являются пресуппозиции и в ряде наших отечественных исследований о частицах. Например, Б.М. Лейкина именно по типам пресуппозиций определяет типы значений полисемантического служебного слова *и*; здесь интересным и новым приемом является определение общности пресуппозиции у данного слова то с одной, то с другой группой частиц: "Частица *и* может выступать и как синоним пресуппозиционных по своей семантике частиц *тоже, также и даже*, совпадая с ними порождаемыми ею пресуппозициями из включающего ее предложения" (Лейкина, 1979, с. 45). И.М. Копыленко, полемизируя с Е.В. Падучевой, приписывающей частицам пресуппозитивное значение, считает, что они только вызывают его, а пресуппозиция многообразна. И.М. Копыленко говорит о пресуппозитивной функции части: *вот, даже, же, и, именно, лишь, только, уже, хоть* (Копыленко, 1981, с. 19–20).

Таким образом, понятие пресуппозиции уже становится рабочим. Однако за прошедшие 15 лет теория пресуппозиций претерпела большие изменения, сдвиги и сильно разветвилась. Пресуппозиция стала действительно "многообразной". А между тем в обиходном, неспециальном лингвистическом употреблении пресуппозицией стали называть просто все подразумеваемое, подтекстовое. Поэтому для точного описания функционирования частиц в мире скрытой семантики целесообразно представить некоторое упорядоченное описание типов подразумеваемого в свете более недавних положений лингвистической теории, ориентируясь в этом описании на все, связанное со "скрытой семантикой" частиц.

§2. ИЕРАРХИЯ ТИПОВ "СКРЫТОЙ СЕМАНТИКИ"

Связывая мир "скрытой семантики" частиц с развивавшейся бурно теорией пресуппозиций, необходимо хотя бы в общих чертах обрисовать внутреннюю структуру пресуппозитивных отношений с тем, чтобы соотнести с ними группы анализировавшихся частиц. Между тем оказывается (и утверждается), что пресуппозиции в настоящее время есть не что иное, как "запутывающий конгломерат понятий" ("confusing variety of notions" — Katz, 1979, p. 93). Оказывается даже, что постараться упорядочить эти типы хотя бы для рабочего их соотнесения еще труднее: это не факты относительно стабильного языка, а метафакты бурно развивающейся лингвистической теории, которую сложно остановить, приняв нечто за окончательную истину. За последние 20 лет в этой области меняются не столько наблюдения, сколько их квалификации, однако неверно будет сказано, что это компрометирует теорию: она ищет термины для никогда ранее не вводившихся в лингвистический оборот явлений.

На самом раннем этапе теория пресуппозиций связана с семантикой (см.: Кифер, 1978; Арутюнова, 1973), понимаемой уже теперь скорее как область, имеющая дело с истинными, существующими ценностями. Предполагалось, что пресуппозиция есть то, что остается неизменным как при отрицании, так и переделывании в вопрос исходного предложения: *Директор поликлиники приехал? — Нет, директор не приехал.* Пресуппозиция здесь — существование едущего (на чем-то) в поликлинику директора, если бы его не было, весь разговор был бы вне истинности явлений действительности. Однако для абсолютной истинности необходимо признать, что существует поликлиника, существует ее директор и существует некий удобный для него транспорт. Выводить подобного рода пресуппозиции стало легко — теория пресуппозиции оказалась упрощен-

но сводимой к так называемым экзистенциальным пресуппозициям²: *Кеплер умер в нищете* ← Кеплер существовал; *Джон съел все мои яблоки* ← Существует Джон и он жив. Итак, на первом этапе можно говорить о пресуппозициях пропозиционального типа: *Джон жив* — и экзистенциального типа: *Джон существует*. Однако выведение только экзистенциальных пресуппозиций, по сути, обесценивает теорию; кроме того, оказывалось, что предложения могут иметь несколько неэкзистенциальных пресуппозиций, например: *Для ватуси Джон высокий* → а) Джон — ватуси; б) *Ватуси обычно невысокого роста*. В других случаях, например при отрицании того же предложения — *Джон невысокий для ватуси*, — вторая пресуппозиция исчезает: мы не узнаем, какого роста ватуси объективно.

Таким образом, выясняется, что высказывания не только строятся на каких-то исходных посылках (пресуппозициях), не отрицаемых и не подвергающихся сомнению, но и сами они нечто сообщают, причем достаточно объективно. Эти дополнительные сообщения получили название следствий (entailments). Например, из фразы *John was not able to leave* мы получаем знание о том, что *John did not leave*, но из высказывания *John was able to leave* мы не имеем следствия (возможно, он не осуществил своих возможностей); зато предложение *It is true that John prevented Mary from winning* имеет два следствия: *John prevented Mary from winning*; *Mary did not win* (Weischedel, 1979). Следствия отличаются от пресуппозиций неизбежностью последних, их независимостью от контекста и разделяемых взглядов. Например: *Was it you who ate the cookies?* Пресуппозиция: *Someone ate the cookies*; следствия могут быть сильными: *John managed to get the party* → *John got to the party*, и слабыми: *John left the party early* → *John left the party* (Bickerton, 1979); в ряде работ число следствий из одного высказывания все увеличивается: так, например, из фразы *You've eaten all my apples* выводится путем постепенной замены 10 следствий, из них последнее — *Something is happened* (Wilson, Sperber, 1979). Следствия, правда, не всегда абсолютно однозначно понимаемы, например: *Brigitte Bardot is only pretty* — означает: Она не красавица, только хорошенькая или: Она хорошенькая, но не умна (Horn, 1969). Однако, оба эти явления — пресуппозиции и следствия относятся к реальному миру, стоящему за высказыванием, они соотносятся с категорией истинности—лжи и проверки (Wilson, Sperber, 1979).

Бурное развитие прагматики повернуло в другую сторону и понятие пресуппозиций. Оказалось, что прагматика занимается значением высказываний в конкретных контекстах (Heinrichs, 1981, S. 4), говорящий убеждает, рассказывает, позволяет делать выводы, основывается на каких-то предпосылках. Иначе говоря, "прагматика есть изучение языка в его отношении к его носителям" (Stalnaker, 1972, p. 380). Имея определенное коммуникативное задание, говорящий не все свои предпосылки связывает только с истиной (Ibid, p. 381), он как бы убеждает в этой правде; но в эту правду может вторгаться и нечто от "возможных миров". Возникло новое понятие прагматических пресуппозиций: "Говорящий делает предпосылки, основываясь на прагматических пресуппозициях, которые как бы переносит на слушающего" (Hartmann, 1977, S. 114). Прагматические пресуппозиции предполагают некоторую общность мировоззрения и понимания — common ground, shared knowledge, common base (Auwera, 1979; Karttunen, Peters,

² Здесь и в дальнейшем сознательно не рассматриваются так называемые лексические пресуппозиции, как уже отдаленно связанные с функционированием частиц.

1979); таким образом, прагматические пресуппозиции это –

мнение говорящего

о

мнении слушающего

о

мнении говорящего

о

чем-то (Auwera, 1979, p. 255).

Эта совокупность общих презумпций социума привлекается, как оказывается, для объяснения древнегреческих частиц, например значение *каί* 'а' или *и* описывается через два эквивалента: *Die Sonne scheint, und es ist sehr windig; Die Sonne scheint, aber es ist sehr windig* – выбор союза (или значения) определяется этнографической природой говорящего и, соответственно, тем, что он понимает под хорошей погодой (Blomkvist, 1979, p. 20).

Но возьмем, например, такое высказывание: *Даже в свои десять лет Лена не может еще понять "Войну и мир"*. Отсюда следует:

1. Лена – девочка.
2. Лена любит читать.
3. Десять лет – это уже много для начитанной девочки.
4. "Война и мир" – произведение трудное и глубокое.
5. Десяти лет и при условии начитанности и подготовки, мало, чтобы понять "Войну и мир".

В этом наборе легко различать компоненты объективные и некоторые взгляды (трюизмы или мое собственное мнение?). Различие это стало проводиться в рамках двух терминов – семантические пресуппозиции и прагматические. Они соответствуют миру действительности (*Darstellungsebene*) и позиции говорящего, включению говорящего в мир сказанного (*Intentionsebene*) – (Albrecht, 1977, S. 21). Таким образом, во фразе *Peters Haus ist abgebrannt* есть семантическая пресуппозиция – *Peter ein Haus hat*; прагматическая пресуппозиция к *Bist du denn müde?* – мнение говорящего, что на самом деле уставать не от чего (Heinrichs, 1981, S. 121). Таким образом, семантические пресуппозиции уже объединяют и пропозициональные пресуппозиции, и экзистенциальные, и следствия, а прагматические целиком связаны с миром говорящего. Мир говорящего при этом связывается лишь с непосредственным диалогом и отношением к воспринимающему. Однако существует и мир текста, а не только ситуативный или прагматический контекст. Поэтому семантические пресуппозиции противопоставляются и контекстуальным (Katz, 1979).

Что же входит в мир говорящего? Это, во-первых, его отношение к общаемому, это опора на некоторые бесспорные истины или обобщения, на существующую норму, это его отношение к собственной речи – иллюкуция (см.: *Ich bin müde/traurig* – говорящий осуществляет поиск не состояния, а слова и сообщает это слушающему – Asbach-Schmitker, 1977, S. 43), это воздействие на слушающего (перлокуция). Все это последнее внушается, оно вводится в высказывание, имплицитруется, добавляется. Это дало повод Л. Картунену и Ст. Петерсу считать все бывшие пресуппозиции прагматического плана условными импликатурами (*conventional implicatures*), условными – поскольку они ограничены данным коммуникативным миром. Например, *Даже Джон любит Мэри* имеет две условных импликатуры: 1) *И другие люди любят Мэри*; 2) *Из всех людей Джон, пожалуй, наименее подходит к тому, чтобы любить Мэри* (Karttunen, Peters, 1979, p. 11).

Но и в мире прагматики есть бесспорные истины: *Даже в темноте он увидел иголку* ← Иголку в темноте разглядеть трудно – и относительные, внушаемые: *Петя любит даже Машу* (а в сущности, мы ничего не знаем о Маше, а внушается, что ее любить трудно). Эти два типа феноменов в рамках прагматических пресуппозиций получили название прагматических пресуппозиций (т.е. то, что бесспорно, необсуждаемо) и прагматических импликаций – не бесспорных, внушаемых (Auwera, 1979). Предлагается также у пропозиции различать семантические импликации (бывшие следствия) и семантические пресуппозиции (Ibid., p. 251).

Итак, обобщая данные теории, но не конкретные работы и конкретных исследователей, можно представить следующую схему развития теории пресуппозиций (по этапам):

I	II	III	IV
Пресуппозиции: пропозициональные экзистенциальные	} пресуппозиции следствия	семантические пресуппозиции	1. Семантические пресуппозиции 2. Семантические импликации ³ 1. Прагматические пресуппозиции 2. Прагматические импликации
		прагматические пресуппозиции	

Как уже говорилось, теория пресуппозиций оказалась как бы созданной для изучения частиц. Действительно, возьмем знаменитую фразу Галилея: *Errur si muove!* (*И все-таки она вертится!*). Мы узнаем из нее: *Нечто вертится* – пропозициональная пресуппозиция; *Существует нечто* – экзистенциальная пресуппозиция; *Об этом уже говорилось* – контекстная прагматическая пресуппозиция; *Собеседник не согласен с говорящим*; *Собеседник обращается к генерализации* – *Нечто не вертится* – семантическая импликация; *Говорящий убежден в том, что Нечто вертится* – прагматическая импликация.

Метод выявления пресуппозиций для описания семантики частиц демонстрируется в работе о семантике ограничительных частиц (Яцюк, 1976). Автор вводит новое в описание частиц, обычно описываемых пословно, показывает, что пресуппозиции могут не только дифференцировать значения частиц, но и объединить их:

<i>В комнате были исключительно дети</i> <i>В комнате были одни дети</i> <i>В комнате были только дети</i>	}	→	и взрослых в комнате не было.
--	---	---	-------------------------------------

Но объединение по одной пресуппозиции не означает объединения по другой: **На столе стоит исключительно чашка* – 'исключительно' не включает 'и ничего другого'. Таким образом, "набор конкретных пресуппозиций, носителем которых является определенная частица, позволяет очертить границы и установить более или менее точно лексическое значение этой частицы как единицы словарного уровня" (Яцюк, 1976, с. 103). Напротив, пресуппозиция (в противопоставлении утверждению, ассерции) дифференцирует значения *only* и *even* (Horn, 1969), *schon* – *noch* (Doherty, 1973).

Именно перечень эксплицитированных пресуппозиций, соответствующих

³ Так, для высказывания *Even Max tried on the pants* утверждаются две пресуппозиции: *Max tried on the pants* и *Other people tried on the pants*; *The speaker would not expect or would not expect Max to do so.*

русским вопросительным частицам *а, разве, неужели, что?, да, правда, че правда ли, не так ли, так, ведь, же, не...ли, что ли*, предлагается в заключительной части большой работы Р. Ратмайр о русских вопросительных частицах. Эти пресуппозиции представлены ею в явном виде – графически это курсив, после каждого типового русского примера и его перевода на немецкий язык (Rathmayr, 1983, p. 153).

Прежде чем предложить описание частиц в соответствии со сформулированной выше теорией, считаем целесообразным представить на суд читателей некий специальный ее вариант, разработанный, как кажется, в соответствии именно с семантикой частиц. Во-первых, как видно из вынужденно краткого обзора, понятие пресуппозиций стало и узким, и широким, и текучим. Поэтому каждый раз, обсуждая пресуппозиции той или иной частицы, необходимо оговаривать выбранность значения этого термина. Во-вторых, теория пресуппозиций все же предполагает словесное описание или описание слов очень близкой семантики. Между тем хотелось бы предложить некоторую общую схему анализа, включающую и те частицы, которые в предлагаемой работе специально не рассматривались.

Термин "скрытая семантика" представляется поэтому более общим, более точным и терминологически непритязательным. Однако это название удобно лишь как некое родовое понятие, объединяющее группу видовых. Видовые понятия в данной работе выделялись и группировались по ответу на вопрос: какого типа значения стоят за частицами? к какому отражению внешнего и внутреннего мира тяготеет каждая частица?

Таким образом, выявился набор из шести возможных смысловых признаков, связанных со "скрытой семантикой частиц".

1. Определение отношения говорящего к сообщаемому.
2. Сообщаемое и норма.
3. Сообщаемое и генерализация.
4. Внесение характеристик в основную ситуацию.
5. Выявление других объективных фактов.
6. Сообщение об отношении высказывания к контексту.

Этот перечень типов "скрытой семантики" включает в себя выражение личности говорящего, дополнительные сведения об излагаемом событии (подтекст события), отношение говорящего к той картине мира, которую он, как предполагается, разделяет со слушающим, сообщение об анафоричности или катафоричности данного высказывания в рамках более широкого контекста. Таким образом, он, кажется, более явно описывает внутренний мир частицы, чем безликий набор терминов; кроме того, его обобщенность тем самым и предполагает вариативность наполнения. Приведем примеры на каждый из намеченных типов.

1. Собственное отрицательное отношение демонстрируется при повторах с частицами: *Он все читает и читает; Жена, ну и жена* (Шведова, 1960, с. 325–326).

2. Отношение к норме: *Что-то есть хочется; Он заснул уже через несколько минут (слишком быстро); И вздохнуть не смел* (несовершение физического минимума).

3. Отношение к генерализованному опыту: *Молва о Дон Гуане и в мирный монастырь проникла даже* (в мирные монастыри не проникают сведения о светских распутниках).

4. Дополнительные характеристики участников ситуации: *Ненавидел он даже Алешу* (Алешу нельзя ненавидеть).

5. Дополнительные объективные факты – *Еще пуще старуха бранится* → *Бранилась и раньше, и довольно сильно*.

6. Потребность в контексте: *А вот майора Петрова не помню* – ранее

непрерывно должно было говориться о майоре Петрове; *Вот приходит раз ко мне* – будет контекстное продолжение.

Классификация частиц и подробное их описание через типы скрытой семантики составит содержание §3. Однако необходима экспликация основной посылки: частицы – коварная часть речи. За этими словами стоит бесспорность наблюдений, связанных не только с размытостью, дифференциальностью семантики частиц, но и с тем фактом, что введение частицы в структуру, работающую на некий вид скрытой семантики, создает как обратную связь: этот вид семантики прочитывается или воспринимается там, где его нет, и часто желательным для говорящего образом. В наибольшей степени это касается оси: субъективное отношение – норма – генерализация – квалификация. Связано это, бесспорно, с такой особой категорией как оценка аккумулирующей, по сути, всю эту ось. Как пишет Н.Д. Арутюнова, иерархия ценностей субъективна и ценностное сравнение учитывает субъективную модальность желания (Арутюнова, 1983, с. 331–333). Таким образом, как показывает Н.Д. Арутюнова, “быть лучше” вполне совместимо со свойством “быть плохим”. С эталоном, с нормой связано понятие “хороший” (с. 333). Однако область употребления частиц в большей степени, чем при употреблении оценочного компаратива, соотносится с желанием высказать свое собственное отношение, гримируясь под объективность, под норму, взгляд на которую разделяется и собеседником (воспринимающим). Если же последний, возможно, и стоит в других позициях, ему как бы дают понять, что спорить против трюка бесполезно: *Ведь любовь пройдет. Это же пошлая истина.* (*По-моему, любовь обычно проходит*). Таким образом, первая группа контаминации указанных типов скрытой семантики происходит по оси: оценка – факт. Обычно для каждой субъективной модальности существует своя объективная, под которую она гримируется. Например: *Уже очень темно. Нужно идти домой и Ей уже 21 год. Женихов в горю нет. Нужно кого-нибудь искать; Он разговаривает даже во сне и занимается наукой даже по вечерам; Ведь все истины относительны. Ведь он всегда был лгуноват; Он знал латыни еще ребенком и Она не могла читать еще до школы* и т.д. Все эти опорные и псевдоопорные пункты нормы, обобщения – есть прагматические импликации, конвенциональные импликации (или, в другой традиции, прагматические пресуппозиции) на базе которых строится общение. Как уже говорилось, они не обязательно истинностными. Но они стремятся быть таковыми. Однако и слушающие, узнаем из этих импликаций: о собеседнике – что он счастлив, позитивным и даже – что он хочет нам внушить; но узнаем также и о неких объективных нормах, позициях социума, возможно, нам неизвестных: *Это хорошее для елки яблоко. Его и золотить не надо.* Мы узнаем, что: 1) для елки золотили яблоки; 2) некоторые яблоки, признавая их “хорошими”, почему-то золотить было не нужно. Из-за желтого его цвета. Тогда, вероятно, 3) хорошее яблоко – это ярко-желтое; 4) упоминаемое в разговоре яблоко было ярко-желтым.

Вторая группа совпадений иная. Она связана с одновременным соотношением указанных выше видов скрытой семантики с указанием на контекстные дополнения – реализации указанных значений. В таких группах вызываний из всех прагматических пресуппозиций преобладают контекстные пресуппозиции (в американской лингвистической традиции, не исследованной, как правило, лингвистику текста и вообще текст как структурный тип, этим видам пресуппозиций практически не уделяется внимание). Например: *А еще другом называется?* – опора на генерализацию: друг не составляет поступка X, однако пояснение для X нужно искать в контексте

Он даже покраснел — имеется оценка по нормативной шкале поведения и в то же время сигнал поиска раскрывающего контекста. Как и в случае первого объединения, контекстная связанность высказывания не обусловлена только частями, ср.: *Только змеи сбрасывают кожу и Только старуха ответила на мой вопрос.*

Таким образом, представляемое ниже описание корреляции типов частиц и типов скрытой семантики сознательно учитывает мимикрическую диффузность семантики частиц, быть может, и являющуюся ответом на вопрос о том, почему, усложняясь, частицы все возникают в процессе языковой эволюции, хотя и грамматикализация (т.е. твердость и жесткость употребления) все время происходит. Язык, видимо, нуждается в некотором функциональном множестве, обеспечивающем ему коммуникативную гибкость.

§ 3. ТИПЫ "СКРЫТОЙ СЕМАНТИКИ" И ЧАСТИЦЫ В ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИИ

1. Выражение субъективного отношения

Все сказанное выше относилось как будто бы к частицам — отдельным словам, но не к частицам, формирующим неопределенные местоимения. Между тем частицы, их создающие, в той же степени подчинены законам передачи скрытой семантики. В предыдущей главе, рассматривавшей типы ситуаций, были рассмотрены русские неопределенные местоимения с выявлением следующей их функции: индивидуализация объекта, подчеркивания его особенности. Выполняется это таким образом, что частица налагается на потенциальную неопределенную дескрипцию, как бы подчеркивая значение включения объекта в класс ему подобных. Поэтому они и не употребляются там, где это включение задано: *Агава — это растение.* Но по поводу русских неопределенных местоимений можно утверждать не только тезис об установке их на индивидуализацию объекта, но и другой тезис, имеющий отношение к модальному компоненту, к субъективной оценке говорящего. Согласно этому тезису, русские неопределенные местоимения имеют два типа значений: 1) основное значение, которое можно считать объективным и оценочно-нейтральным и 2) значение (значения) как бы второго ранга, с несомненным субъективным оценочно-модальным оттенком. Например, *какой-то*: 1) 'неизвестный': *Парадная дверь вдруг открылась, и из нее вышла какая-то старушка*; 2) 'непрестижный': *Княгиня Ласова какая-то здесь есть*; 'не стоящий внимания', 'недостойный внимания': *Будучи родом из каких-то немков, она, впрочем, ни на каком языке, кроме русского, пикнуть не умела*; *Женщина, с детьми, в каком-то сарае, сосредоточенная и печальная*; 'минимальный' — *В какие-то полчаса он написал письмо самое обстоятельное.*

Какой-нибудь (кто-): 1) 'любой': *Приданое дадите хорошее, и образованную кто-нибудь возьмет*; 2) 'вероятный': *Гляжу, катят мне прямо во двор. Кого-нибудь бог несет*; 'непрестижный': *Я вам не какая-нибудь дура; Не для какой-нибудь Анюты из пушек делают салюты*; 'минимальный': *В каких-нибудь три года он нажил целое состояние.*

Некоторый: 1) 'неполный, не укладывающийся в эталон': *Студенческая форма на нем была в меру поношенной, что могло означать некоторое пренебрежение внешностью*; 2) 'небезызвестный': *Я надеюсь, что Вы, как честный человек, не позволите себе намекнуть даже единым словом на некоторый вексель, о котором была сегодня утром речь.*

Некоторые: 1) 'часть из X': *На улице показалось несколько прохожих. Некоторые везли вещи, толкая перед собой тележки*; 2) 'неназываемый':

Он даже не старается для оригинальности (по примеру некоторых лиц) писать теми же ямбами.

Кое-кто: 1) 'часть из': *Начало светать: в лагере кое-кто проснулся;* 2) 'неназываемый, небезызвестный': *Ты все еще надеешься, что кое-кто придет сегодня?*

В каких же ситуациях употребляются местоимения в первой и во второй группе значений?

Здесь предлагается на обсуждение следующий тезис: в тех случаях, когда неопределенное местоимение налагается на потенциальный неопределенный артикль, создавая дескрипцию индивидуализированного объекта (неопределенной оригинальности), употребляются типы значений группы 1. В тех же случаях, когда неопределенный артикль не может иметь места (дескрипция определенная) или имеется установка на включение объекта в класс (предикатная позиция, генерализация), при введении неопределенных местоимений возникают значения группы 2.

Обратимся к примерам с определенным именем.

Это может быть известный говорящему уникальный объект: *В чем ты пойдешь на банкет? – У меня есть для этого какое-то платье.* Здесь какое-то соответствует сознательно демонстрируемому говорящей пренебрежению к объекту речи.

Это могут быть имена собственные: *Это был человек замечательный по своим непрерывным и анекдотическим неудачам. Некто Филипп Александрович Барашков (некто здесь 'безвестный'). А знается с неким Тоцким, с Афанасием Ивановичем, с одним исключительным помещиком и раскапиталистом (некий – 'неизвестный' вам, но далеко не безызвестный'). Живет она где-то в какой-то Матросской улице (какой-то – непрестижной и жалкой).*

Это могут быть имена уникальные: *Какой-то владелец киношки "Одеон" делает мне замечания.*

Это могут быть числительные: *В каких-нибудь два часа он набросал весьма дельный проект.*

Неопределенные дескрипции со значением включения в класс при введении неопределенных местоимений также создают значение 2 ранга: *Ее муж – учитель и Ее муж – какой-то учитель; Мышь – млекопитающее и Какая-то мышь – млекопитающее!*

Итак, употребленные не на "своем месте", неопределенные местоимения модифицируют свое значение, создают значения 2 класса, коннотатив но-оценочно-модальные. В этом отношении их употребление сопоставимо с употреблением ИК не в основных, характерных для них типах высказывания, как это показывает Е.А. Брызгунова в АГ-80.

Как же передается дополнительный смысл в тех случаях, когда неопределенные местоимения находятся на своем месте, т.е. на месте потенциального неопределенного артикля? В этом случае дополнительное значение выражается суперсегментными средствами – *Дайте какой-нибудь еды (любой) и Дайте к а к о й - н и б у д ь е д ы* (хотя бы какой-нибудь, минимум, говорящий очень голоден)⁴. Вводятся так же и лексические средства, например добавление *да* или *хоть*: *У меня ум практический. – Ну, благодари творца, что хоть какой-нибудь есть; Такой ученик что-нибудь да выносил из уроков учителей.* Эта дистрибутивная заданность значений 1 (объективно-оценочных) и 2 класса (субъективно-оценочных)

⁴ Наиболее сложная семантика словосочетания создается при изменении суперсегментной схемы словосочетания с *один* (см. об этом: Николаева, 1982). Однако в указанной работе разбирается употребление *один* как лексемы вообще, не только в функции неопределенного местоимения.

обнаруживается с отчетливой определенностью при отрицании в высказываниях с неопределенными местоимениями. Если неопределенное местоимение употреблено в объективно-оценочном значении (класс 1), то при отрицании местоимение заменяется: *К нам кто-то придет* → *К нам не придет никто*; *Спойте, пожалуйста, какую-нибудь песню* → *Не пойте, пожалуйста, никаких новых песен*; *Он рассказывал какие-нибудь новые анекдоты* → *Он не рассказывал никаких новых анекдотов* и т.д. В том же случае, когда местоимения употребляются не на своем месте, т.е. по нашей концепции, в субъективном, коннотативно-модальном значении (класс 2), допустимо сохранение местоимения, отсутствие его трансформации, пометка отрицания обязательна только при глаголе: *Он вам не какой-нибудь студент*; *Не давайте мне какой-нибудь еды, а дайте хорошую*; *Если некий человек не придет, расстраиваться не буду*; *В каких-нибудь два часа статью не напишешь*; *Кое-кто не приходил?* и т.д. Таким образом, различие значений обоих классов, иначе выявление субъективно-оценочного плана, обнаруживается и при негации, отрицании высказывания, т.е. при выполнении некоей суперсинтаксической трансформации по отношению к высказыванию в целом.

Неосомненно, что момент выражения субъективного отношения во многом связан с субъектом, говорящим, "частицы нельзя описывать, если под семантикой понимать нечто, отличное от говорящего" (Heinrichs, 1981, S. 122). Говорящий выражает свое отношение к сообщаемому с древних периодов употребления частиц: см. несколько наивное утверждение Деннистона о том, что древнегреческая частица *'άρα* связывается с понятием нового, интересного; ее было очень много в текстах Гомера: Гомер был как ребенок, в эпоху детства истории все ему было ново и интересно (Denniston, 1954, p. 32). Субъективность частиц видна и из типологии переводов. Так, немецкое *wohl* в слабопартиклевом английском языке переводится особыми личными формами модальности глагола, подчеркивающими активность действующего лица: *Was kostet das wohl?* – *I wonder how much that costs. What do you think?*; *Ist Hans wohl schon zu Hause?* – *Would John be at home?* и т.п. (Asbach-Schnitker, 1977, S. 50). Однако в настоящем разделе говорится о выражении чистой субъективной оценки, не комбинирующейся с другими видами скрытой семантики, не склеивающейся с ними. Оказывается, что эта чистая субъективность выражается с помощью частиц очень мало, в гораздо большей степени ее выражают субъективно-оценочные модальные слова вроде *к сожалению*, *к счастью*, *жаль* и оценочные наречия *хорошо*, *плохо*, *грустно* и т.д. (см.: Арутюнова, 1983). Частицы в целом как бы менее открытвенны. Поэтому частицы не-формативы передают прямое отношение субъекта-говорящего к содержанию высказывания в ограниченном количестве. Более того, обращает на себя внимание тот интересный и не совсем ясно интерпретируемый факт, что в этих случаях сами высказывания с частицами имеют клишированную форму, во-первых, и богаты комплексами частиц, во-вторых, см.: *Вот и пойми ее!* *Вот тебе!* *Вот и доказал!* *Вот и не брехня!* *И штука же ты!* (см. подобные примеры у А.В. Знаменской, 1964, 1967). Лингвистически важные сведения предоставляет до конца не оцененный материал книги Н.Ю. Шведовой (Шведова, 1960). Важность этого материала – в его отборе. Он не был непосредственной записью разговорной живой речи в ее сплошном потоке, автор отбирала бесспорно разговорный материал из драматургических текстов. Этот бесспорный материал и представляет собой снабженные частицами клишированные по структуре предложения, в основном выражающие субъективную оценку: *Вот так десок!*; *Так и испугались!*; *Ну люди!*; *Нет и нет, женитесь и жени-*

тесь; Иду и иду!; Жулик же ты!; Вот они, работнички!; Туда же!; А хоти и стар!; Да уж!; Бывают же такие!; Сваха-то!; Книг-то!; Ох, и неласковая же ты!; А вот и пустяки! и т.д. В основном набор подобных частиц ограничен. Их комплексы группируются вокруг четырех частиц – *вот же, и, -то*; сами эти частицы группируются в комплексы между собой *Вот книг-то!; И глуп же он!; Вот и глуп!; Вот глуп-то!; Вот глуп же* и т.д. Они комбинируются с союзными частицами *а, ну, но, да* и со специфически заданными для каждого значения предикатными формами. Наиболее существенным признаком является их столь же клишированная интонация. Поэтому трудным представляется сейчас решение о генезисе этих конструкций прямой субъективной оценки (возможно, реликтовых).

2. Выражение частицами понятия нормы

Понятие нормы активно входит в лингвистическое изучение. Сравнительный анализ многих языковых категорий, и в первую очередь прилагательных в их квалификативном, текстологическом и аксиологическом употреблении (Арутюнова, 1983; Вольф, 1977; Николаева, 1983), показывает интересную особенность человеческого отношения к языку: активное стремление к позитивному сценарию событий выражается в тенденции обозначить языковыми средствами отклонение от нормы, некоторую аномальность и в то же время показать столь же активно свое понятие нормы, поэтому инициальным в коммуникации будут негативные члены антонимической пары (о нормативном не сообщают ни с того ни с сего), но обобщенное существительное образуется от позитивного члена – *ширина, долгота, но не ужина, коротчина*, так как он весомее и предпочтительнее.

Однако само понятие нормы не является категориально простым. Как представляется, в его состав входят три категориальных компонента:

- I. Объективная реальность (алетические факты);
- II. Прескрипционные установки (деонтологические факты);
- III. Оценочный момент (аксиологический компонент).

Например: *Еще не наступил вечер, но в воздухе уже почувствовалась сырость*. Это высказывание строится на двух исходных фактах: Вечер наступает; Вечерами сырость усиливается; *Измученный долгим переходом уже через минуту он крепко спал* – здесь опорой является нормативный факт: крепкий сон обычно так быстро не наступает. Эти факты неоспоримы, они относятся к алетическим феноменам (от греч. ἀλήθεια – 'истина').

Прескрипционные факты во многом строятся на алетических. Например: *Пока не можем идти, ведь он не чистил еще зубы*. За этим стоит прескрипция: зубы чистить необходимо, а за ней – алетический факт: если зубы не чистить, то они портятся. С большими зубами и общее здоровье ухудшается. Или: *Он уже час купается в таком холодном море*. Прескрипция: нельзя долго находиться в холодной воде, можно простудиться. В отличие от алетических феноменов, деонтологические, прескрипционные, могут быть на самом деле спорными: *По-моему, потолок уж потемнел – Да что вы, мы только два года назад делали ремонт* (Кто знает на самом деле, как часто нужно делать ремонт?); *Мы здесь много гуляем, даже иногда по два часа в день* (А это много или мало, "на самом деле"?). Таким образом, деонтология (от греч. δεῖ – 'должно') строится на норме, но сама эта норма может быть создана только ограниченным социумом, может быть непреднамеренно или преднамеренно искажена.

Третьим компонентом, входящим в общее понятие нормы, следуе

признать аксиологический (оценочный, от греч. *ἄξιος* — 'достойный') пласт. Факты в соответствии с выполняемой или невыполняемой нормой (и невыполняемой или выполняемой прескрипцией) могут оцениваться. Но эта оценка отличается от субъективной оценки, рассмотренной в п. 1. Это хорошо, а это плохо — вот мое к этому отношение. В данном случае оценка базируется на норме (или прикрывается ею): *Ведь уже неделю мы не можем дозвониться в телевизионное ателье* (Это — плохо! Слишком долго); *В свои тридцать семь лет она еще хочет нравиться* (подобное высказывание строится на "нормальном" факте, что в тридцать семь лет уже пытаться понравиться поздно, но так ли это?), наконец: *Мы ходим в театр только раз в неделю* (говорящий — явный театрал, но, может быть, эта норма индивидуальна?).

Итак, нормативный содержательный план, соответствующий одному из типов скрытой семантики, состоит из трех "этажей" ("этажей", поскольку один как бы выстраивается над другим, опираясь на него): объективной нормы, прескрипции и оценки.

Чему все это соответствует в теории пресуппозиций? Прагматическим пресуппозициям — в одной теории; прагматическим импликациям — в другой; конвенциональным импликатурам — в третьей, конверсационным (контекстуальным) импликациям — в четвертой.

В высказываниях с частицами, таким образом, выражается отношение к нормативной части человеческого существования. Каким, в свою очередь должно быть соотносение происходящего и денотата высказывания, т.е. события и нормы? В данной работе предлагается рассматривать три вида отношения ситуации к норме: 1) демонстрация неизбежности нормативно происходящих событий, опора на эту неизбежность: *Еще аллей не сумрачен приют...* (т.е. он будет сумрачным); 2) несоблюдение нормы, т.е. фиксирование крайности на нормативной оси: *Он шел, уже задыхаясь*; *Ну, хоть какой-нибудь еды дайте* (установка на минимум); *Он гостит у них уже третью неделю* (слишком долго, по моей оценке); 3) наконец, это несоответствие норме, ее опровержение: *Он даже не знает, сколько стоит килограмм сахара* (а это должны знать все, по моему мнению).

Таким образом, выделяются три субкатегории: 1) объективная норма, факт; 2) прескрипция; 3) оценка. По отношению к этим трем категориям возможно в принципе выявление: 1) неизбежности, 2) несоблюдения, 3) несоответствия. Таким образом, априори оказывается возможной девятичленная группировка высказываний с частицами. Естественное предположение об однозначной корреляции частиц с каждой из этих группировок должно быть предварительно отвергнуто: не следует считать, что, например, *только* имеет отношение к несоблюдению: *слишком мало!*, а *даже* — к несоответствию. Возьмем высказывание: *Он рассказывал живо, интересно, даже весело* — здесь нет несоответствия норме, а по высказыванию: *Всю свою нежность он хотел отдать только Сюзанне, ей одной* — вне контекста и знания ситуации мы не можем сказать, что это несоблюдение нормы, возможно — даже ее выполнение, в высказывании с частицей *только*: *Она носила только черные платья* выявляется несоответствие прескрипции: хорошо одеваться разнообразно по функции и колориту одежды, а не ограниченно.

1. Ал е т и ч е с к а я н е и з б е ж н о с т ь. Представлено высказываниями, демонстрирующими длящееся действие, которое с неизбежностью перейдет в свое противоположное качество: *Москвичи все еще продолжали считать, что они живут в столице* (они перестанут это считать); *Еще волнуются туманы, еще объята мглой река* (наступит день); *Я слов твоих еще не понимаю, но мне уж страшно* (слова будут поняты); *Пока никто*

еще не хвалил и не бранил писателя, барон Брамбеус хвалил или бранил его наудачу (писателя будут хвалить или будут ругать); Журча еще бежит за мельницу ручей, но пруд уже застыл. Итак, выражение скрытой семантики неизбежности в основном передается через *еще*. Интересно, что уже в данных примерах соотносится с *еще* по этому виду семантики сложным образом: *уже* представляет собой как бы образец неизбежной нормы (слова будут страшными, ручей застынет). Можно возразить, что в эту же группу нужно ввести и включающие норму высказывания с частицей *ведь*: *Что ты делаешь? Ведь загорится!* Однако в данном случае согласно проводимой концепции демонстрируется не скрытая имплицитная семантика, а явный физический факт, частица *ведь* работает здесь на контекстные отношения и на событийную семантику.

Алетической неизбежностью является в основном прекращение действия (ситуации): *В сентябрьские дни небо еще сине и безоблачно; Еще у ног Кавказа тишина; Воздух еще по-утреннему сыроват* – все это прекратится.

А л е т и ч е с к о е н е с о б л ю д е н и е. Несоблюдение нормы связано с двумя полюсами: 'недостаточно' и 'слишком', но – не вне крайних пределов нормы. Близкими к этим полюсам являются их соседи – 'менее, чем' и 'более, чем'.

Начиная с минимума, 'недостаточно'; выделяются высказывания с *только*: *На небе ничего не осталось, только две белые полосы; Отражается сейчас только зелень берегов, клочок неба*. Следующий этап связан с сильным продвижением по шкале крайности: *На юге летом тепло, даже жарко*; см. в работе Г.Е. Крейдлина (Крейдлин, 1979, с. 14) о том, что *даже* индуцирует на множестве подобных элементов нечто вроде градуированной шкалы. К этому значению *даже* примыкает и значение *и* 'почти крайний в цепи объектов' – здесь *и* находится как бы посередине между 'даже' и 'к тому же'. *От неаккуратного обращения с деревянным инструментом он не только нагревается, но и загорается*.

Крайняя степень, 'слишком', представлена частицами *уже*, *вот уже* в соответствующих высказываниях: *Уже через пять минут он заснул* (см. об *уже*: Гойдина, 1979); *У него уже 38,5°*.

Таким образом, под алетическим несоблюдением также подразумевается выражение этого свойства непрямыми средствами. Поэтому в высказываниях с *так и*, *вон как* и им подобных в рамках принятой концепции не выявляется скрытой семантики: *Вон как буйно цветут розы; Сердце у него так и билось*, хотя в них, возможно, и отражены крайние проявления нормы. Подобные высказывания приравниваются к высказываниям с интенсификацией: *Весна наступила слишком быстро; В этой области урожай собран недостаточной большой*.

А л е т и ч е с к о е н е с о о т в е т с т в и е. Оно выражается несоответствием ситуации норме и несоответствием норме её компонента, актанта.

Несоответствие ситуации выражается частицами *-то* и *даже*: *Он разговаривает даже во сне; Даже обезьяны притихли; Даже в темноте он сразу увидел ее новую брошку; Он не смог даже вздохнуть* и т.д. *Что-то голова болит; Что-то холодно сегодня; Что-то не видно сегодня уток* и т.д.

Однако все эти случаи несколько спорны. За ними стоят в скрытом виде модальные имплициторы: 'нельзя' и 'должно' – В темноте нельзя увидеть новую брошку; Голова не должна болеть; Слишком холодно быть не должно и т.д. Вместе с тем, именно этот множитель 'должно быть так' – 'не должно быть так' заставляет оставить эту группу в пределах алетической нормы, а не переводить ее в прескрипционную или оценочную, поскольку в последних говорится о том, как должно поступать,

а алетические феномены связаны с квалификацией явлений действительности, которые 'должны быть', т.е. с экзистенциальностью.

В пределах этой семантической подгруппы большее семантическое пространство занимает отношение к каноническому эталону у объекта (актанта). Создается впечатление, что язык больше внимания уделяет сигналам ненормативности предмета (лица), чем ненормативной ситуации: вероятно, потому что иллокуция и перлокуция могут строиться на сдвиге истинности, а индексация — нет. Именно это различие отношения к норме различает *некий* и *какой-то*: *На столе чего только не было — тут и жареный гусь, и пироги, и какой-то зубчатый пряник* (ср. *некий*). Особенно это значение ненормативного возникает при сочетании неопределенного местоимения и слов абстрактного значения: неопределенное местоимение конкретизирует абстракцию, создавая ее актуализированный подвид, и в то же время, именно благодаря этой актуализации, создает ощущение неадекватности: *Вся жизнь его — какой-то страшный сон; Он терзался какой-то страшной пустотой, никто к нему не приближался; Он выпил чашку, отказался от второй и ушел опять за ворота в каком-то беспокойстве.*

Особое место в этом выявлении неадекватности феномена занимает понятие "нечто", о котором говорилось выше. В указанные сочетания *какой-то* + абстрактное имя могут быть введены близкие, но не тождественные синонимы: *Нечто вроде и некоторые: На Сидоренко вино производило всегда нечто вроде меланхолии; Печорин все это видел, и нечто, похожее на раскаяние, загорелось в груди его; Все почувствовали некоторый трепет* и т.д.

2. **Прескрипционная неизбежность** — выражается конструкциями с *еще не*: *Он еще не усвоил правила хорошего тона; Агафья Тихоновна еще не выбрала себе жениха*; Эти высказывания строятся на презумпции совершения, будущности события, поскольку это необходимо (предписано нормой).

Прескрипционное несоблюдение. Выражается теми же средствами, что и алетическое несоблюдение. Например, параметр 'недостаточно': *Он чистил зубы только один раз в день; Он, если и подает кому-нибудь руку, то высовывает только два пальца; Он читает только по воскресеньям.* Продвижение на шкале крайности: *Он не просто любит цветы, он и ухаживает за ними; Он выслушал с удовольствием, даже смутился.*

Степень 'слишком': *Уже взрослым он выучился грамоте; Уже в два года он знал все буквы; Вот уже вторую неделю она гостит у подруги* и т.д.

Прескрипционное несоответствие выражается иными характеристиками, чем объективное несоответствие норме.

Прежде всего, это несоответствия ситуативные. Поэтому несоответствие индексации в чистом виде невозможно, не соответствующий предписанной норме феномен сопровождается атрибутивной характеристикой: *Какой-то хлеб несвежий!, Какое-то лето в этом году дождливое!, Какой-то ты нелюбезный сегодня!* и т.д. Отличие их от конструкций *Что-то* вводится в большей дозе прескриптивности, хотя эти различия очень тонки: *Что-то ты нелюбезный сегодня*, по нашему мнению, имеет значение отклонения от обычной нормы и отклонения не абсолютно очевидного. *Какой-то ты нелюбезный сегодня!* имеет значение предостерегающего предупреждения об отклонении от предписанной нормы.

Несоответствие прескрипции выражается и конструкциями с *даже и, и только, а еще (еще)*: *Ну, хорошо, и ходить в школу не будем?; Он усиленно благодарил. Даже привскочил от удовольствия;*

Он только читал книги; А баба только кланялась, кланялась и молчала; Забыл меня. А еще старый друг!

3. Точно так же, как выделяются пограничные зоны между объективной нормой и прескрипционной нормой, определяются промежуточные зоны между прескрипцией и оценкой. Безусловно, оценка присутствует во всех приведенных выше прескрипционных примерах. За ними стоит: 'И я думаю, как все', что часто означает желание имплицировать: 'Все думают, как я'.

Поэтическая неизбежность исключается. Напоминаем, что речь идет о скрытой семантике, которой нет, например, в высказывании: *Что же он делает? Ведь он нас разорит!*

Оценочное несоблюдение так же затруднительно выделить в виде отдельной группы, поскольку оценка включается в отношение к общей прескрипции.

Оценочное несоответствие строится, по нашему мнению, не на негативном фундаменте, а на альтернативном. А именно, имеет место смысловой компонент 'а могло быть иначе'. Этим чистая оценка отличается от прескрипции, включающей в себя оценку.

Например. *Спасибо, милые, вам, что вы еще любите меня* (А могли бы разлюбить!); *Только на родине он понял всю серьезность своего поступка* (А можно было понять раньше); *Он уже не покидал Петербурга* (А мог бы ездить!); *Еще не успели подставить лестницу, как я выпрыгнул* (А можно было подождать), и т.д. Неслучайно в приведенных примерах нет даже и в значении 'даже': они связаны с нормой и прескрипцией и их нарушением. Чистая оценка связана как бы с антинормой, но с нормой. Этим она отличается от субъективного отношения. *Какой-то неприятный этот Петя*, — говорит человек, соотнося свое отношение только с идиомиром.

В примерах оценки и антинормы проступает "возможный мир", но реальный, где в принципе в пределах нормы может случиться то, что не случилось. Таким образом, оценочное несоответствие есть как бы антипод объективной алетической неизбежности. В возможном оценочном мире существуют и негативные установки (см. у Н.Д. Арутюновой о совместности "быть лучше" с "быть плохим" — Арутюнова, 1983, с. 333).

3. Семантика генерализации

Выражение семантики генерализации кажется неотделимым от нормы и ее содержательной интерпретации. Однако генерализация и норма связаны между собой отношениями близкого категориального контакта, но не совпадения. Можно сказать, конечно: *Все женщины стремятся нравиться*. Это норма. И наоборот: *При всяком нарушении режима язва желудка всегда обостряется*. И однако, к норме и генерализации наблюдается разное поведенческое отношение, а исследование семантики частиц как раз и изучает типы отношения к сообщаемому, реализуемые в высказываниях с частицами. Норма как бы осознается чем-то отличным от человеческого кодекса поведения, она опирается на объективные законы природы и человека в рамках этой природы. Ее соблюдать нужно (отсюда семантика прескрипции), если она соблюдается, это хорошо (отсюда связь с оценкой)⁵. Однако позитивность соблюдения нормы, которая сама позитив-

⁵ Из сказанного можно заключить, что оценочное несоответствие всегда объективно. Это не так. Возможность антимира тоже может внушаться собеседнику: *Хорошо, что только принять отказался* (т.е.: А мог бы ударить?); *Важно, что еще свой письменный стол дали* (т.е.: А могли бы не дать) и т.д.

на и должна быть стабильна в позитивности, как наша жизнь (маркируются отклонения от позитива), тем самым вводит в коммуникативный оборот и другой плюс антиномии: норму соблюдать хорошо, но в принципе она может и не соблюдаться (хотя это и плохо). Поэтому высказывания с частицами напоминает о норме: *Журча еще бежит за мельницу ручей; Он спит даже при ходьбе; Что-то холодное лето нынче! Уже через пять минут мы успели позавтракать; Какой-то ты мрачный сегодня; Они моются только раз в месяц; С какой-то грустью смотрел я на веселую свадьбу; Они заплатили за ремонт только сто рублей; Такой красавицы я уже не видел никогда* и т.д.

Генерализациями в данной работе считаются обобщения человеческого опыта: *В сумерках все кошки серы, все женщины красивы; Краткость — сестра таланта; Злые языки страшнее пистолета; Самой нежной любви наступает конец* и т.д. Генерализации придуманы людьми, и человеческий социум это осознает. И тут намечается своеобразный парадокс по отношению к норме: норма существует независимо от человека и, однако, может абсолютизироваться и не абсолютизироваться, не соблюдаться, хотя она априори бесспорна. Генерализация же создается людьми, поэтому она по определению не бесспорна, однако она поддается как абсолютная. Поэтому в высказываниях с частицами генерализации привносятся, утверждается. Так же, разумеется, как и в случае нормы, генерализация может быть ложной, может быть индивидуальным построением, но выдаваемым за социальное обобщение. Не останавливаясь подробно на текстовых функциях генерализации⁶ (а выше говорилось о том, что это наиболее отчетливое средство, демонстрирующее различие микро- и макроконтекста: генерализованные высказывания минимально связаны с контекстом, но ни с того ни с сего их не произносят), скажем, что в русском языке есть много тонких средств передачи скрытой генерации, не только частицы. Например, это даже запятая (или ее отсутствие) перед *как*: *Он трудится как врач* и *Он трудится, как врач* — 1) Он работает в качестве врача; 2) Все врачи много трудятся.

Практически все частицы, не являющиеся частицами неопределенности, участвуют в выражении скрытой семантики генерализации. Однако здесь существенным представляется не столько семантика частицы, сколько синтаксическая структура высказывания с частицей и тот компонент, к которому данная частица относится. Прежде всего обращает на себя внимание частая соотнесенность частиц с субъектом высказывания: *И веревочка на что-нибудь пригодится; Их разве слепой не заметит; Только бесчувственный человек не помог бы ей в ее страданиях; Вот гусар не оставил бы поля боя просто так; Что ты хочешь от нее? Она же глупа и необразованна; Да, работы здесь на полчаса. Но ведь они старики; Он ведь не учился в университете, потому и латыни не знает; Помочь совсем не захотела. А еще сестра родная!* Во всех этих высказываниях включена опора на генерализацию как на средство полемики: скрытая генерализация, будь то позитив или негатив, всегда противоположна констатируемому: такие пустяки, как веревочка, считаются непригодными; слепые не замечают женской стати; люди с чувствительным сердцем помогают несчастному ближнему; гусары — отчаянные вояки; глупые и необразованные женщины неспособны на поступок X; старики не в состоянии быстро выполнять легкую для молодого работу; учившиеся в университете знают латынь; родные сестры — надежные помощники и т.д. Поле-

⁶ Вопрос о текстовой функциональной нагрузке универсальных (генерализованных) высказываний освещается в работе: Гаврилова, 1983.

мичност. генерализованных высказываний подчеркивается и усиленным акцентным подчеркиванием коммуникативно важного члена.

Синтаксическая структура высказывания с частицами со скрытой опорой на генерализацию может быть и такой, при которой указанные частицы относятся к объекту: *Это только артисту читать; Это рассмешило бы и умирающего; Подобную задачу можно дать даже троечникам; Это зрелище могло обратить на себя внимание только чувствительного сердца; Вот родных внуков бабушка туда бы не пустила; Ведь и безнадежно больным что-то хочется; Не нужно вести подобные дела с еще совсем молодыми людьми.* Обращает на себя внимание особая позиция частицы же в высказываниях с объектами, вводимых частицами, где эта частица подчеркнута противопоставительно: *Но эта грязная работа не для красивых же женщин!*

Отнесение частиц к сказуемому в случае опоры на скрытую семантику генерализации связано в подобных случаях с поясняющим обстоятельством, включающим субъект подразумеваемой генерализации: *Для старухи ее лет это еще легкая работа* (Старухи не могут выполнять трудную работу); *Это уже большая победа для женщины с такой внешностью* (Женщины с подобной внешностью на большие победы рассчитывать не могут).

Еще раз необходимо подчеркнуть, что поскольку генерализации, преподносимые в имплицитном виде, употребляются в основном в полемических целях, то самая эта имплицитность затуманивает для воспринимающего истинность—неистинность генерализованного обобщения — опоры. Генерализация связана не только с частицами, передающими связь с изолированными высказываниями, но и со связанными контекстом несколькими ситуациями: *Он жених, ты невеста. Только ты будешь сидеть в своей комнате под надзором; До чего же Вы пугливы! А еще девушек беретесь провожать.* И в этих случаях имеется полемичность, обращающаяся в этих случаях в противопоставленность. Но, кроме противопоставленности, скрытая генерализация привносит смысл уступительности: *Хотя вы жених и невеста, а жених и невеста могут много встречаться; Хотя такие пугливые девушек не провожают* и т.д. Эта имплицитная уступительность, строящаяся на генерализации, отличает подобные структуры от чистого противопоставления: *С нетерпением жду от Вас писем, от Вас же нет никаких известий.*

4. Выявление дополнительных ситуаций

Темы скрытой семантики, представленные в п. 1—3, сообщают достаточное количество информации о подтекстовой стороне сообщаемого: об отношении говорящего к сообщаемому, о его взглядах на норму и предписанное к ней отношение, о тех общих суждениях, которые он разделяет вместе с воспринимающим (или хочет с ним разделять). Однако они не сообщают ничего нового о фактической стороне явления. Эта фактическая дополнительная информация также выявляется в скрытой семантике высказываний с частицами. *В нашем классе только Маша носит длинные волосы* — отсюда мы узнаем, что *Другие девочки в этом классе носят короткие волосы.* Однако из высказывания *Я получил за эту работу только десять рублей* мы узнаем факт субъективной оценки — мало! — и кое-что об этой работе: говорящий считает, что подобная работа должна оцениваться дороже, но ничего не узнаем о других ситуациях, выполнял ли говорящий такую работу уже ранее, выполняли ли другие эту работу, сколько им платили. Во многих работах, обсуждающих частицу даже или ее эквиваленты (*sogar, even*), приводятся высказывания — фактические

следствия: *Even Bill likes Mary* → *Other people besides Bill like Mary* (Karttunen, Peters, 1979, p. 11); *Even Max tried on the pants* → *Other people tried on the pants* (Fraser, 1970, p. 152); *Даже ХР* — для других подобных *x-y*, верно *p* (Крейдлин, 1975, с. 105) и т.д. Подобные пресуппозиции называются экзистенциальными импликациями, семантическими пресуппозициями, следствиями. Однако в ряде работ *even* с его пресуппозициями сравнивается с глаголами типа *to fail, to manage* и их пресуппозициями (Karttunen, Peters, 1979, p. 27): *Mary failed to arrive* → *Mary didn't arrive*; *John managed to sit through a Chinese opera* → *John sat through a Chinese opera*. Рассмотрим подобные следствия: *Маше удалось приехать в Крым* → *Маша приехала в Крым*; *Он потерпел неудачу в попытке получить эту книгу* → Он не получил этой книги. Узнаем ли мы что-нибудь новое, новые ситуации? Для этого необходимо вспомнить введенную раньше модель ситуации. Она состоит из актантов, обстоятельств действия и самого действия. В высказываниях: *John managed to get the ticket*; *John has got the ticket* не меняется ни один из указанных компонентов события, ситуация остается той же самой; возьмем русское высказывание с *даже*: *Он разглядел иголку даже в темноте* — есть ли в нем скрытая семантика? Да, это имплицированная норма: в темноте что-либо разглядеть трудно. Но нового факта это высказывание не сообщает. Рассмотрим другое высказывание: *Он стал заниматься спортом еще с детских лет*. Тепеть это цветущий и абсолютно здоровый человек. Можем ли мы вывести второй факт из первого? Нет, не можем: герой сообщения может быть больным и хилым, несмотря на многолетние занятия спортом. Еще один пример: *Он читает только детективы*. И здесь нет фактических выводов, только оценка: мало! и ссылка на прескрипционную норму: интеллигентному человеку, каким он, очевидно, является (как и говорящий), не годится читать только детективы. Но добавим обстоятельство: *В последние годы он читает только детективы* → Прежде он читал нечто более серьезное (и это уже, очевидно, факт). Таким образом, скрытая семантика дополнительных ситуаций выявляется совсем не для всех частиц (ср.: *Вон птица пролетела* — нет подобных следствий; *Он ведь просто глупец* — нет следствий и т.д.), и даже для одних и тех же частиц скрытые ситуации могут как имплицироваться, так и не имплицироваться. Прежде всего, и ситуация основного высказывания, и скрытая ситуация фактивны (это — *irrefutable meaning* — Auwera, 1979, p. 260). Поэтому имплицированная норма *В темноте что-либо разглядеть трудно* не есть факт; *Он читает только детективы* есть не факт, а характеристикация. Теперь это цветущий и абсолютно здоровый человек — гипотетический факт, не абсолютизированный первым высказыванием.

Как же охарактеризовать конструктивно два соединяемых частицей факта: явный и скрытый? Прежде всего они должны пересекаться по каким-то формальным компонентам. Например, из ситуации *У Вашей внучки недавно родился сын* следует фактическая ситуация — Теперь Вы стали прабабушкой, но это не есть, по нашему мнению, скрытая имплицированная семантика, содержащаяся в первом высказывании. С точки зрения чисто структурной у обоих высказываний нет совпадающих точек (понятийно-лексических). *Я купила себе парижских туалетов* — Теперь я эlegantная женщина. Здесь уже есть совпадение: идентичный местоименный субъект. Однако и подобные случаи не приводятся в пресуппозитивной теории.

Каковы же предпосылки возникновения дополнительного фактивного имплицированного события?

Прежде всего, частицы должны относиться к компоненту внутри основ-

ной ситуации, а не ко всей ситуации в целом. Например: *Вы в основном правы. Только/ я ездила в Ленинград не в прошлом, а в позапрошлом году; И еще – поставьте здесь свою подпись; Он очень посвежел. И даже/ все время улыбается.* В подобных высказываниях частицы являются сигналом контекстной (конситуационной) ориентированности, но не вызывают имплицированного события.

Вторая посылка: в данном высказывании не должна имплицироваться норма (объективная), как соблюдаемая, так и несоблюдаемая или несоответственно реализуемая: *Еще не наступил вечер, но в воздухе уже чувствуется сырость; Еще волнуются туманы; Он не успел даже вздрогнуть; На небе ничего не осталось, только две полосы; На юге было тепло, даже жарко; Уже в два года он знал все буквы; Они ходили в баню только раз в месяц.* Норма уже как бы есть фактически имплицированная ситуация.

Третья посылка: дополнительные ситуации не имплицированы частицами неопределенности, которые выражают либо неопределенность самой ситуации, либо коммуникативную "дыру" в определенной ситуации, либо субъективную оценку.

Четвертая посылка относится к семантике имени при частице: оно должно представлять собой член некоторого альтернативного множества (включающего в себя хотя бы два компонента: X и не-X). Ср.: *Даже дети поняли это правило; Еще дети поняли это правило; И дети поняли это правило; Только дети поняли это правило; Одни дети поняли это правило; Дети-то поняли это правило.* Поэтому исключаются из данной группы частицы *вот и вон*, указывающие безальтернативно на один компонент: *Вот тот самый цветок; Вон туда бежит река;* исключаются *это и ведь*, относящиеся к ситуации в целом (*это* еще и соотносится с *вот и вон*).

Именно этой безальтернативностью высказываний с *вот и вон*, их способностью представлять ситуацию сиюминутную, видимо, объясняется подмеченная Бл. Блажевым неспособность таких высказываний к негации: *Вот цветок – (Не) вот цветок* (Блажев, 1973).

Пятая посылка связывается с типом сказуемого в основном высказывании. Семантика глагольного сказуемого должна удовлетворять следующим требованиям: 1) глагол может означать действие, которое в принципе может повторяться: *Он отхлебнул еще и пошел домой* → Уже отхлебывал; 2) глагол может передавать действие, допускающее шкалярное усиление означенного состояния⁷: *Он еще помрачнел* → Ранее уже был мрачным; в это шкалярное усиление может быть включена градация и других относитипных действий: *Она только крикнула на него тогда* (Не подняла на него руку); 3) Эта шкалярность может привести к результату – прекращению действия: *Он уже не спит* → Ранее спал.

Таким образом, не дают скрытой семантики дополнительного события высказывания со сказуемым экзистенциального значения, длящегося, неопределенно длящегося, вневременного и однократного с относящимися к нему частицами: *Он еще спит; Он только улыбнулся; Она к вам еще придет; Я даже не понимаю, чего Вы, собственно, хотите. Мы только гуляли, спали и ни о чем не думали.*

Введение имен с частицами может перечеркнуть семантику подобных глаголов ср.: *Я даже по-своему любил Машу и Даже я любил Машу; Я любил даже Машу.*

⁷ Последнее относится и не к глагольному сказуемому: *Она еще красивее теперь*, и глагольному сказуемому, определяемому через наречие меры и степени: *Еще пуще старуха бранится.*

Для одного и того же высказывания могут суммироваться дополнительные фактивные ситуации, если в нем представлено несколько частиц, удовлетворяющих поставленным выше условиям: *Даже Петя попросил еще чаю* – 1) *Другие попросили еще чаю*; 2) *Все уже получили чай ранее*.

Последний вопрос – как сформулировать правила построения подобных фактивных импликаций? В том случае, если частицы сопровождают субъект, то для частиц *даже*, *еще*, и *+X* производится замена на *другие* или *не только X* с соответственным оформлением формы сказуемого во множественном или единственном числе:

$\left. \begin{array}{l} \text{Даже} \\ \text{Еще} \\ \text{И} \end{array} \right\}$	$\left. \begin{array}{l} \text{Кольцов прочел эту книгу} \\ \rightarrow \\ \text{Другие прочли эту книгу} \\ \text{или} \\ \text{Не только Кольцов прочел эту} \\ \text{книгу.} \end{array} \right\}$
--	---

Для сочетания *только + X* добавляется к указанному правилу введение отрицания при сказуемом или его ликвидация, если оно есть: *Только Кольцов не читал этой книги* → *Другие читали эту книгу*; *Только Кольцов читал эту книгу* → *Другие не читали этой книги*. Для понимания других трансформаций необходимо, забегая вперед, сказать об особой роли *еще* и рассматривать два *еще* – ударное (*еще₁*) и безударное (*еще₂*). Тогда правило при объекте формулируется следующим образом. Например, *X купил* } *даже Y*. Тогда частица

$$\left. \begin{array}{l} \text{и} \quad Y \\ \text{еще}_2 Y \end{array} \right\}$$

заменяется на *не только*. Для *еще₁* происходит замена: *Y + уже + страдательная форма от глагола – X купил* *еще₁ книги* → *Книги уже были куплены*. Для *только* осуществляется замена на *ничего, кроме* и вводится отрицание при глаголе: *X купил только книги* → *X не купил ничего, кроме книг*.

При сказуемом повторного действия + частица *еще* происходит смена *еще* на *уже* + постановка глагола в прошедшем времени, если глагол был в прошедшем времени, необходимо добавить *ранее*: *Еще радуюсь Вашему примирению* → *Уже радовался*; *Еще радовался Вашему примирению* → *Уже радовался ранее*.

Для глагола результативной семантики с *уже* не добавляется вместо частицы *ранее* и глагол ставится в прошедшем времени: *Он уже не читает книг* → *Ранее читал книги*.

При сравнительных конструкциях с *еще* и формой *стать* → *стал (а)* происходит замена глагола *стать* на *быть*, *еще* на *уже* и компаратива на позитив: *Она стала еще красивее* → *Она уже была красивой*.

5. Выявление скрытой характеристики

Во многих исследованиях, посвященных выявлению пресуппозитивной семантики, связанной с употреблением частиц, помимо сведений фактического характера описываются и некие квалификативные импликации: *Even Bill likes Mary*.

a. *Other people besides Bill like Mary*.

b. *Of the people under consideration, Bill is the least likely to like Mary*.

Тем самым мы узнаем нечто и о Билле. В данном случае немного. (Karttunen, Peters, 1979, p. 12).

Посмотрим примеры с более точной характеристикой. *Он не способен оценить даже "Прощание с Матерой"*. "Прощание с Матерой" – хорошая книга, и это свойство бросается в глаза. Напротив, *Ему нравится даже*

Франсуаза Саган. Франсуаза Саган – очевидно, писатель для невысокой требовательности вкуса, а "он" таков, что ему это нравится. Тем самым, мы получили две характеристики: "Его" и Франсуазы Саган – от говорящего. Но полностью мы имеем три характеристики – еще и мнение о говорящем, чей вкус и психохарактерологические данные мы разделяем или не разделяем.

Подобные характеристики: *Мэри любить трудно, Билл не способен любить* и т.д. называются иногда скалярными импликатурами (scalar implicatures – Karttunen, Peters, 1979, p. 25). Ср.: *Он ненавидел даже Алешу – Алешу ненавидеть нельзя, он кроткий*.

Однако выведение подобных индивидуальных характеристик не всегда бывает простым из-за наложения индивидуальной, прескрипционной и генерализованной информации: *Он не уступил места в метро даже старушке*. Мы узнаем только о "нем", о нарушении им прескрипционных законов, но о старушке дополнительная информация не появляется. Поэтому объем дополнительной информации связан со степенью индивидуализации всех ситуационных актантов, отраженных в высказывании:

- (1) *И только Петрову в этой задаче не разобраться*. Петров глуповат. Задача легкая.
- (2) *Только и Петрову в этой задаче не разобраться*. Петров умен. Задача трудная.
- (3) *И только дураку в этой задаче не разобраться*. Задача легкая.
- (4) *Только и умному в этой задаче не разобраться*. Задача трудная.

Этот баланс: от общего к индивидуальному и определяет индивидуальность имплицированной характеристики, ср.: *Отрадно видеть, что находит порой хандра и на глупца и От женщин бегаёт и даже от меня*.

Индивидуальные характеристики связаны с теми частицами, которые способствуют выражению крайности: *только, даже, и, уже*. Второй посылкой является, как указывается, степень индивидуальности актантов. Интересной особенностью подобных импликаций является способность иррадиировать квалификацию не только на актанта, связанного с частицей, но и на другие компоненты высказывания (ситуации): *И без очков я сумела обнаружить X → X* есть нечто трудно обнаруживаемое, видимо, мелкое; *Даже для старой женщины она полновата → Она – старая женщина*.

От характеристик предыдущей группы данные отличаются конструктивной несвязанностью с основным высказыванием. Например, *Она уже не так хороша собой* – Она была раньше хороша собой; *Она стала еще красивее* – Она уже была красивой, тоже, по сути, есть характеристики актанта. Но они говорят о реальных, неоспоримых или неоспариваемых ситуациях. Между тем из высказывания *Он уже Петрова критикует* можно сделать вывод о каких-то свойствах Петрова, согласно которым его не критикуют, в ситуативно-реальной форме эти свойства не предстают.

Таким образом, позиционные заполненности частиц-импликаторов связаны с теми же местами, которые характерны и для имплицированной нормы: *Он видел уже Тихий океан* (Тихий океан не рядовое и волнуемое зрелище); *Он смог купить уже стенку "Джордано Бруно"* (стенка "Джордано Бруно", видимо, вещь дорогая); *Она читает только Агату Кристи* (более сложное выведение индивидуальной характеристики, основанной и на норме, и на разделяемых взглядах. Ср.: *Он ценит только Германа Гессе*); *Ты так избалована, что и Саша тебе не понравится*; *Ты так избалована, что только Саша тебе понравится*; *Ты так избалована, что даже Саша тебе не понравится* (характеристика Саши представляется отчетли-

вой и сходной по всем трем высказываниям); *Ты так избалована, что Саша уже тебе не понравится* (образ Саши более снижен).

Итак, для имен существенно различие, во-первых, индивидуализированного и обобщенного, и, во-вторых, различие частиц при субъекте основного (главного) предложения и при именах других позиций, например, *А я, одна лишь я, любви до смерти трушу* не сообщается никаких дополнительных характеристик. *Даже я* — сообщает эту характеристику, *еще, уже и и* — нет. *Даже я люблю буфетчика Петрушу* — дает обе характеристики.

Таким образом, *даже* оказывается максимально квалифицирующей частицей, распространяющей, при максимальной индивидуализированности актантов, квалификацию на субъект и на объект.

6. Частицы и указание на контекст. Анафорико-катафорическая функция

Для многих частиц характерно свойство быть указателем на существование некоторого контекстного отрезка, расположенного вправо или влево от основного высказывания. Без этого дополнительного фрагмента основное высказывание является содержательно неполным. При этом под самим контекстом могут подниматься фрагменты разной протяженности. Так может, согласно требованию частицы, реализоваться контекстное воплощение в виде: компонента того же высказывания, компонента контактного высказывания, всего контактного высказывания, компонента текста, дистантно расположенного от высказывания, — исхода. Все эти текстовые компоненты по своей линейной направленности могут быть, как указывалось, расположены и слева, и справа от исходного высказывания, т.е. частицы могут выполнять и анафорическую, и катафорическую функцию, причем этот выбор может, в свою очередь, быть как факультативным, так и заданным. Приведем примеры чисто контекстных воплощений, связанных с определенными функциональными значениями.

а) Введение высказывания с названной частью класса объектов: *Некоторые везли вещи, толкая перед собой тележки*. См. влево: *На улице показалось несколько прохожих; Некоторые из деревьев были в два обхвата* (см.: *Единственно, что было красиво, это гиганты сибирские кедры*).

б) Введение высказывания с отрицательным объектом (кто-то другой): *Говори мне о ком-нибудь другом*. См. влево: *Да и про графа Ротенфельда толковать тебе нечего*.

в) Введение высказывания с обреченным выбором: *Отвечать что-либо не было времени: в том же окне Флипов увидел голову своего преследователя*.

г) Введение высказывания как примера: *Мой вон техникой увлекается*. См.: влево: *Наши из молодых да ранние*.

д) Введение высказывания с повторяющимся действием: *Как вспомню о Вас — так еще радуюсь Вашему примирению с Репиным*.

е) Введение высказывания с "подтвержденным" локализатором: *Сейчас же запели вторые петухи*. См. влево: *Вдалеке на колокольне пробило три часа*.

На сеновале и нашла ее мать. См. влево: *Забралась на сеновал и там дала волю слезам*.

ж) Введение высказывания с отождествляемым актантом: *Если бы та же страстность проявилась с такою же силою двумя или тремя месяцами позднее*. См. влево: *Ее испугала страстность Базарова; В отряде остались те же собаки*. См. вправо: *Леший и Альта*.

з) Введение высказывания с уникальным представлением класса: *Одна Людмила всюду с ним*. См. влево: *Он их не видит и не внемлет*.

и) Введение высказывания с противопоставленным актантом: */А/ вот Лев Николаевич сразу поверил*. См. влево: *Никто же не верил*.

Необходимо заметить при этом, что та ситуация, когда частица "вызывает" только контактное высказывание и формирует двусобытийный комплекс, считается нами ситуацией с минимальными контекстными требованиями, а сама частица полагается близкой к союзу.

Итак, "чистого" контекста требуют высказывания со следующими функционально-категориальными смыслами: отождествления (включая и отношение часть — целое, и отождествление локализатора), негативности (см. невыбранный объект и обреченный выбор), противопоставление, исключительность), иллюстративности (высказывание как пример), итеративности. Все эти категории естественным образом объединяются в смысловую корреляцию с тем, что в лингвистике текста именуется предупоминанием (отождествлять, иллюстрировать и противопоставлять можно по отношению к чему-то, уже сказанному).

И в этом отношении также становится понятной отмечавшаяся идея снятия текстовой новизны имени частицами *вот, вот и*: определенность и предупомыняемость, не являясь одной категорией, могут функционально сближаться.

Однако требование обусловленности контекстом сложным образом соотносится с тем функционированием частиц, когда они связаны с ситуацией.

С конситуацией связано значение непосредственного или непосредственного дейксиса: *Вон далеко за оврагом виднеется на светло-голубом небе деревенская церковь; У меня вон лежат кусочки сигника*. В ряде же случаев контекст может вызываться частицей, но ее коммуникативные установки могут "погашаться" и конситуацией. Таким образом, наблюдается ко-варьирование: контекст — конситуация. Например, таковы высказывания с же общеподтверждающими. Оно может подкрепляться контекстом: *Ты все пела? Это дело. Так поди же, попляши!* Здесь же анафорично. *Же* может быть и катафорично: *Идите же: разбудите, боюсь!* Но может определяться и конситуацией: *Дайте же мне сесть!*; *Будьте же счастливы!* Последний тип погашения особенно часто сочетается с императивом: *Вставай же!*

Подобное ко-варьирование: контекст — конситуация имеет место при введении актанта: *Вот и князь! [А мы Вас ждали]*; *Вон его победитель [Кирила Петрович указал на Дефоржа]*. Точно так же все виды скрытой семантики, указанные в пп. 1—5, могут реализоваться в контексте: *Ходили в театр только раз в неделю — мало, а смотреть было нечего; Даже Петя был ею увлечен, а уж он-то вообще жемин президент. Такая уж она очаровательная; Еще в средние века об этом знали, а сейчас забыли; Он уже плохо спит теперь, а раньше спал хорошо; Дайте мне и телеграмму, все остальное мне уже дали* и т.д. Таким образом, контекст, явно представленный, как бы разворачивает скрытую семантику частиц. Поэтому можно говорить только о том, что есть частицы, которые обязательно требуют эксплицитного контекста. Безусловно, ориентированы на текст все частицы, относящиеся ко всему высказыванию, занимающие инициальную позицию: *Только/ она не поддерживала его, она просто не выступала против; И еще/ не звоните больше моей маме; Даже/ вовсе и не обиделся; Разве/ Вы не живете теперь на Молчановке?* и т.д. Эта инициальность связывающих реплики и чисто текстовых частиц напоминает место и функцию частиц в древних языках, которые в основном служили средством

связи высказываемых идей и экспликации их отношения друг к другу. Об этом в связи с древнегреческим языком много пишет Деннистон (Deniston, 1954). Он говорит о том, что тенденция представлять одну идею в контрастирующем свете другой была ведущим свойством греческой ментальности (р. XII), что особенно много частиц в разговорной греческой речи: в начальных репликах меньше, а в ответах много – коммуникант как бы становится на предшествующую точку зрения (р. XXII); Деннистон отмечает также общую связанность греческого высказывания: "В греческом и латинском серии слов или фраз или связаны сплошь, или не связаны совсем. В английском же обычно связываются последние два члена ряда" (р. 289). Связанность эта оформляется не только частицами-коннективами, но и повторами, и просто ассонансом (р. 288). На основе подобных сведений о частицах в древних языках еще раз возникает вопрос, уже затрагивавшийся в первой главе: можно ли с уверенностью говорить об универсальном ходе диахронического движения, состоящем в уменьшении числа частиц, связывающих высказывания, только контекстно ориентированных, и о развитии частиц с активным включением скрытой семантики? Этот выход хотелось бы считать признанным и эволюционно убедительным, если бы не опасность чисто языковедческая: гипноз слов *выделительный, усилительный, эмфатический* и т.д., по существу лишенных содержательного наполнения, во многом заставляет исследователей древних языков и языков малой культурной традиции меньше уделять внимания скрытой семантике "эмфатических" частиц, сосредотачиваясь в основном на коннекторах. Наконец, множество приведенных выше русских примеров с их, возможно, не всегда удачной интерпретацией и скептические уверения исследователей немецкого языка в невозможности правильно понять и употребить немецкие частицы – для иностранца – заставляют еще раз задуматься над принципиальной возможностью интерпретации скрытой семантики частиц в древних текстах.

Общее сопоставление русских частиц, анализировавшихся в данной главе, дает некоторые основания говорить о том, что ориентация на контекст есть у всех частиц, но у некоторых есть установка на контекст. Это же, и (в значении "также", "именно"), *вот, ведь* и комбинации этих частиц с другими.

Все виды скрытой семантики, кроме апелляции к тексту, разделяются по линии употребления частицы *даже*: *даже* не входит в число оценочных частиц, не формирует субъективное отношение и оценочное отношение несоответствия. *Я плохо отношусь к нему, даже ненавижу* – не есть, на наш взгляд, субъективная семантика, это несоответствие чему-то отдельному от субъекта. В других типах высказываний со скрытой семантикой *даже* является наиболее многозначной частицей, способствуя активной передаче нескольких видов скрытой семантики. Таким образом, *даже* есть как бы функциональный антипод *же*, к которому оно генетически восходит: *даже* – ориентация на внутреннюю семантику, *же* – на внешнюю. Остальные частицы располагаются между ними.

ЧАСТИЦЫ И СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

§ 1. ФОРМАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ВЫСКАЗЫВАНИЯ

Многokrатно выдвигавшееся положение об отсутствии собственного лексического значения у частиц, о том, что особый коммуникативный оттенок у высказываний с частицами возникает только от взаимодействия частицы с определенным лексико-грамматическим составом высказывания, заставляет обратиться к последней сфере смыслового функционирования частиц — к высказыванию, причем к высказыванию изолированному, поскольку смысловые импульсы, связывающие высказывания с частицами: с макроконтекстом и конситуацией, рассматривались в связи со "скрытой семантикой" частиц.

Действительно, интенсивность протекания дуративного действия: *А она так и сверлила его глазами; Сердце у него так и билось, так и бѣлось; Уходить не хотелось — так бы и стояли и смотрели на нее все время; абруптивная завершенность действия: Он так и грохнулся на пол, не успев слова сказать; Мы так и вскочили, ошеломленные этим известием* и т.д. — во многом обеспечиваются несовершенным видом глагола сказуемого в первом случае и совершенным видом — во втором. Однако при более внимательном подходе обнаруживается, что дело не в виде только, а в способе глагольного действия, передаваемом сказуемым: в первом случае он дуративен и его перевод в совершенный вид может обеспечить лишь передачу начальной фазы действия — *Сердце у него так и забилося*, во втором случае несовершенный вид дуративного процесса невозможен. Но при этом обеспеченность общего значения именно глагольными средствами несомненна. Ср. с этим два высказывания: *Вот домик зрителя* и *Вот домик зрителя*; в первом случае имя имеет определенный денотативный статус (о домике уже говорилось), во втором — это вводимый в рассмотрение новый объект; создается это различие акцентно-просодическими средствами, ср. также: *Еще чаю* и *Еще чаю* (чай пили — еще не пили и т.д.), другой пример — *Только/ книги у него хороши* и *е* (а не плохие, как вы только что сказали) и *Только к н и г и у него хорошие* (все остальное плохое). Ср. также функцию и произношение частицы *да*: в *И да будет ваша жизнь отныне счастливой* и *Да ложитесь спать наконец!*

Итак, грамматико-категориальная и строевая (включая просодию) характеристики структуры высказывания, несомненно, связаны с общей семантикой частиц. Однако для выявления типов конструктивно-семантических связей и, соответственно, выявления того, соотносятся ли с этими типами значения частиц, необходимо ответить на два связанных между собой вопроса: 1) какие именно показатели структуры высказывания могут быть значимыми для семантически-функционального варьирования частиц, 2) до какой степени изменение смысла высказывания определяется именно частицей, т.е. не приписываем ли мы частице ту часть значения, которая обеспечивается и при ее отсутствии.

Таким образом, речь идет о семантике некоторой по крайней мере неоднoкомпонентной цепочки, включенной в высказывание и охватывающей его целиком, либо распространяющейся на его часть. Иначе говоря, речь идет об общем признаке, сквозной характеристике, давно признаваемой для единиц низших языковых уровней, например объединения слова (слога) такими характеристиками, как назализованность, придыхательность и т.д. Между тем объединенность большого речевого отрезка, комби-

нируемого из разных грамматических классов, некоторой общностью смысла может грамматикализироваться, а процесс категориального объединения идти и дальше — с введением новых смысловых параметров. Не углубляясь в факты языковой истории, заметим все же, что подобные связанные характеристики отличают, в частности, так называемые номинативные языки от эргативных, где активность—инактивность субъекта определяет категориальные формы и остальных компонентов. В области же речеупотребления и построения высказываний в современных языках долгое время как бы господствовала презумпция существования высказывания как обоймы с свободно заменяемыми элементами: при этом ограничения на факт выбора осуществляются в лексическом или чисто референционном плане.

Интерес к выявлению подобных сквозных семантических характеристик отчетливо проявился с начала 80-х годов и именно в нашем отечественном языкознании (работы Н.Д. Арутюновой, А.В. Бондарко, Г.В. Булыгиной, Г.А. Золотовой, Ю.С. Степанова и др.). Для обозначения этой линейной цепочки наиболее удачным представляется термин Ю.С. Степанова — "длинный семантический компонент" (Степанов, 1981, с. 257 и далее). Ю.С. Степанов приводит и перечень содержательных интерпретаций "длинных компонентов" (Там же, с. 264—277): 1) временность—вне- или всевременность; 2) постоянство—непостоянство, 3) отчуждаемая—неотчуждаемая принадлежность; 4) определенность—неопределенность; 5) личность—неличность; 6) расчлененность—нерасчлененность; 7) наличность—неналичность.

Интерес для языковеда к длинному семантическому компоненту определяется непредсказуемостью его грамматического воплощения. Вне этой проблематики остаются чисто денотативные несообразности — допущения: *Кентавр выпил круглый квадрат* и т.д. Называя подобные неявные "скрытые" грамматические категории "криптотипами", Г.В. Булыгина совершенно ясно формулирует принцип, по которому необходимым (и достаточным) условием для отнесения той или иной семантической категоризации к грамматическим криптотипам следует считать "грамматический характер ее косвенного отражения" (Булыгина, 1980, с. 338).

Увлекательный перечень найденных скрытых коррелятов только начинает выявляться. При этом обращает на себя внимание факт некоторой несводимости друг к другу всех полученных данных. Эти новые суперкатегории иногда кажутся взятыми как бы из разных содержательных областей. Объясняется это различием точек зрения каждого из лингвистов, исходных позиций их исследовательских интересов. Например, целый ряд наблюдений о связанности части высказывания пределами "категориальной ситуации" делает А.В. Бондарко (Бондарко, 1983, с. 11). Категориальные ситуации соотносятся с сигнификативными ситуациями, "отражающими определенный фрагмент действительности, воспринимаемой человеком, т.е. денотативную ситуацию" (Там же, с. 16). Категориальные ситуации связаны с системой функционально-семантических полей данного языка. Каждое из полей ориентировано на смысловой центр лексико-грамматического характера: акциональный, предметный, качественно-количественный, обстоятельственный. Аспектуальные ситуации (подвид категориальных) связывают основные компоненты высказывания через единство аспектуального воплощения; например такова процессная ситуация: *Я подошел к орудию, оно еще дымилось*; модально-конативная аспектуальная ситуация: *Объяснял, да не объяснил* и т.д.

В вариант длинного компонента объединяется имя (объект) и глагол коммуникативного действия с общим значением партитивности: *Нарвать цве-*

гов, *Набрать грибов; Набрать бумаги* и т.д. Ср.: *Сорвать цветок, Собрать грибы, Собрать бумагу* (Birkenmaier, 1977).

Т.В. Булыгина описывает особую скрытую категорию — контролируемые—неконтролируемые положения вещей. Ею выделяются в рамках этой категории неизвестные ранее отношения: несовместимость предикатов и обстоятельств цели в неконтролируемых ситуациях: **Дерево упало ради меня, но Он остался в этом городе ради нее*; связь этой же категории с видовыми ограничениями при императиве: несовершенный вид при контролируемом действии и особенно — при агентивных глаголах — **Не защити диссертацию; * Не сходи за хлебом* и т.д. (Булыгина, 1982, с. 68—82); см. также у нее о несовместимости "актуального" употребления предиката и нереферентного имени и возможности нереферентного имени при неактуальном употреблении предиката, различие в этом плане у *любить* и *нравиться* (Там же, с. 29). Таким образом, Т.В. Булыгина рассматривает дистрибуцию тех или иных форм одного класса в зависимости от отношения к выявленной криптокатегории, с одной стороны, сочетаемость классов управляемого и управляющего слов и, соответственно, их грамматических форм — с другой, и комбинации лексических единиц с категориально-грамматическими.

Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев (Арутюнова, Ширяев, 1983) описывают реализацию "длинного компонента" не только с позиции грамматической сочетаемости, но с позиции общепрагматической категоризации, либо, напротив, с "точки зрения" отдельной лексемы или группы лексем, прежде всего глагольных. Например, "микрокосмос" описания, мир человеческой личности, обводимый вокруг него языком "меловой круг" снимает потребность в отягчающих текст указательных и притяжательных местоимениях (с. 142); оказывается, что глагол *иметь* допустим лишь применительно к межличностным событиям: нельзя иметь в доме стирку, уборку, ремонт и т.д. (с. 183). Вообще оказывается, что системы глаголов при событийных именах менее развиты, чем при именах предметно-конкретных (с. 136, 148—149). Эта прагматическая тень ложится и на полексемные правила употребления глаголов бытия в русском языке: *происходить, совершаться, состояться, проводиться* и т.д. Например, *возникать* связывается с значительными, масштабными событиями, *происходить* не появляется при описании погодных условий; при множественном числе имени события появляется значение периодической повторяемости: *В институте происходят интересные вечера поэзии* и т.д.

Еще более глубокую связь сенсорных и аксиологических компонентов человеческого мироощущения мы видим в работе Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1983). Например, сенсорный компонент больше связан с несовершенным видом инфинитива, процессом: *Хорошо ходить за грибами*; аксиологический — с совершенным: *Лучше пойти в гости*. Грамматическая симметрия видов в прошедшем времени утрачивается, предпочтение отдается ирреальному событию; таким образом, лексическая система языка не совпадает полностью с системой речевого употребления (Арутюнова, 1983, с. 336—338).

Сходные наблюдения и выводы делаются и Г.А. Золотовой, соотносящей мир грамматики с миром окружения: "В основе своей классификация способов выражения сказуемого заключает в себе единство морфологических, синтаксических и семантических признаков. Именно это осуществление единства признаков вселяет веру в то, что грамматическое осознание явления приближается здесь к существу самого явления" (Золотова, 1982, с. 33); см. далее о двух имеющихся в языке основаниях для классификации слов, взаимодействующих и пересекающихся, а именно: общеграмма-

тической классификации и классификации категориально-семантической. Обе они важны с точки зрения синтаксического функционирования (Там же, с. 125). Далее Г.А. Золотовой перечисляются типы субъектно-предикатных отношений, где формы основных компонентов в их различии соотносятся и с ролями референтов и типами действий во внеязыковой действительности (с. 125 и далее). Центром анализа предикатных классов и основным критерием подразделения знаменательных глаголов служит значение акциональности/неакциональности (с. 159).

Таким образом, смысловые и формальные показатели "длинных компонентов" в предложенных концепциях и в их иллюстративных экспликациях различаются: соотносится общая категория и выбор форм, соотносится семантика двух грамматически сочетающихся слов, соотносится отдельная лексема и грамматические показатели связанных с ней слов и т.д. Поэтому возникает предложение о создании некоей обобщенной и потенциально возможной схемы комбинаций языковых феноменов, создающих "длинный компонент". Исходный набор состоит, согласно нашему предложению, из содержательных элементов и элементов формальных, субстанциальных. А именно, это категории: 1) денотативные (например, состояние природы, физическое состояние человека и т.д.), 2) прагматические (например, категория оценки, контролируемость—неконтролируемость действия и т.д.), 3) скрытые языковые — определенность—неопределенность имени, неотчуждаемая принадлежность и т.п. Категории субстанциальные: 1) формы одной парадигмы, однородные граммемы, например формы падежа, формы вида, формы числа и т.д.; 2) различные категории внутри одного лексико-грамматического класса, например личные формы глагола противопоставляются неличным, сравнительная степень сравнения противопоставляется падежным формам позитивной степени и т.д.; 3) разные по лексическому значению классы слов внутри одной части речи, например фазисные глаголы, глаголы бытия, глаголы чувствования и т.д.; 4) отдельные лексем; 5) отдельные значения одиночных лексем.

На базе приведенной классификации можно составить таблицу попарных сочетаний и перенумеровать все возможные комбинации (разумеется, "длинный компонент" может охватывать и большее число компонентов). При составлении подобной таблицы необходимо учитывать два об-

	Формы одной парадигмы	Категории одного класса	Разные лексические группы	Разные лексемы	Разные значения одной лексемы
Денотативные категории	1	2	3	4	5
Прагматические категории	6	7	8	9	10
Скрытые категории	11	12	13	14	15
Формы одной парадигмы	16	17	18	19	20
Категории одного класса	к	к	к	к	к
Разные лексические группы	26	27	28	29	30
Разные лексемы	к	к	к	к	к
Разные значения одной лексемы	36	37	38	39	40
	к	к	к	к	к

стоятельства: а) чистые категории сочетаться друг с другом, естественно, без субстанциального наполнения не могут, поэтому эти клетки остаются "пустыми"; б) при комбинации чисто субстанциальных компонентов необходимо выявить третью составляющую процесса — содержательную категорию, поэтому в эти клетки добавляется буква "к".

Например: *На Тане была котиковая шуба* — у Тани была котиковая шуба — 33к (разные предлоги в комбинации с лексическими классами передают денотативные категории актуальности и общей принадлежности); *Зачем ему это делать?* — *Зачем он это делает?* — 7 (личная форма vs инфинитив передают прагматическую оппозицию: прескрипция — факт); *Старики раздражительны* — *Старики в раздражении* — 14 (предикатив адекватный vs именной передает денотативную категорию актуальности); *Нарвать цветов* — 16к (вид глагола + генитив передает скрытую категорию паритивности). Разумеется, предложенная таблица будет спорной и экспериментальной, очень вероятно, что некоторые клетки не будут заполнены, а другие клетки — густо заполнены самыми разнообразными примерами. С несомненностью можно сказать только одно: она окажется интересной при типологическом подходе, поскольку при выражении скрытых категорий языка, очевидно, проявят самую изощренную избирательность (см. первичные данные подобного рода в работе: Селиверстова, 1983).

Все, что относится к частицам, может быть связано только с пунктами 5, 10, 15 и 36к—40к, поскольку в центре нашего внимания оказывается воздействие структуры высказывания на значение той или иной частицы или, иными словами, связь значения частицы с теми или иными категориально-грамматическими компонентами того высказывания, в которое они входят.

Связь между выбором типа неопределенного местоимения в русском языке (группа *не-, -кое, -то vs -нибудь, -либо; бы то ни было*) и типом высказывания ("контекстом") отмечалась неоднократно (Шелякин, 1978). Так, невозможны: *Вчера к нам кто-нибудь заходил; Я купила себе в Москве какую-нибудь шляпу*; но возможны: *К нам кто-нибудь заходил?; Я куплю себе в Москве какую-нибудь шляпу* и т.д. Это различие двух групп частиц, формирующих неопределенные местоимения (*кое-, -то, не-, один, -либо, -нибудь, бы то ни было*), в первую очередь соотносится с аспектуальным планом глагола-сказуемого.

Последней проблеме, решаемой на материале славянских языков, и в первую очередь — русского, уделяется в настоящее время очень большое внимание. Абсолютно прямой зависимости для русского совершенного вида и большей определенности имени и несовершенного вида и неопределенности имени никто в настоящее время не устанавливает, хотя обе эти оси являются как бы фактической точкой отсчета. Так, известная возможность употребления в определенном высказывании обоих видов: *Вчера в 17 ч. 45 я смотрел по телевизору какой-то фильм; и Все эти пять лет я проработал на какого-то неизвестного человека* разрешается разными авторами по-разному. В. Биркенмайер дополняет различие аспектуального характера различием в способе действия (Aktionsart) — *Кто-то позвонил?* (телефон близко) и *Кто-нибудь звонил?* (вообще). Поэтому различию во временной локализации, выражающемуся и через *кто-то (кто-нибудь)*, "соответствует и различие аспектуальное" (Birckenmaier, 1977).

З. Генчева в виде критерия, дополняющего аспектуальность, видит соотнесенность с планом речи (discours) или планом рассказа (récit). Так, в плане речи имперфективность связывается с неопределенным объектом, перфективность — с определенным. Сочетание же имперфективности и определенности объекта может означать и обозначать и соотнесение со-

бытия с настоящим (план речи), и отсутствие этого (план рассказа), где вторичный имперфект имеет значение аориста. З. Генчева соотносит всякое высказывание с описанием некоторого события, обнаружением его свойств (*gérégage*). При этом в высказывании фиксируются и его референционно важные компоненты. "Поэтому в плане высказывания существенны такие категории, как категории лица, дейктики, время, вид, определенность" (Guentcheva, 1978).

Приведенные примеры попарных соответствий по признаку "определенность" могут быть вытянуты в некоторую категориальную цепочку, соотносимую с общей определенностью высказывания в целом. Именно это свойство высказывания уже обращало на себя внимание упоминавшихся выше исследователей. См. у В. Косески-Тошевой: "Существенна интерпретация показателя в целом как показателя предложения (*kwantyfikatora w ogóle jako kwantyfikatora zdaniowego*), комбинирующего свое значение из значений словосочетаний" (Koseska-Toszeva, 1978). В. Косеска-Тошева показывает, что соотношение определенности всего высказывания и времени глагола-сказуемого строится по принципу обратно-пропорциональной зависимости: чем меньше сфера протекания глагольного действия (*zakres*), тем с большей вероятностью высказывание определено, и наоборот. Поэтому *Aorist* характеризует в основном определенное высказывание, а *Futurum* — неопределенное.

Ср.: *Czy do nas ktoś przyszedł? – Czy do nas ktokolwiek przyjdzie?* (автор показывает аналогию в функционировании *któs/ktokolwiek* и *кто-то/кто-нибудь*) — Koseska-Toszeva, 1975, 1978). Эта определенность, соединяющая частицы *-то, не-, кое-*, и вид глагола-сказуемого соотносятся, в свою очередь, с тенденцией совершенного вида передать событие в целом, а не концентрироваться только на самом действии. В частности, эта мысль является одной из ведущих в книге О.П. Рассудовой, которая отмечает, что основным фактором, влияющим на видовое употребление, является коммуникативная нагрузка говорящего, что "один и тот же факт действия может быть представлен в зависимости от коммуникативной потребности говорящего" (Рассудова, 1968, с. 19). При этом диапазон несовершенного вида шире, он лишен дополнительного семантического признака, "добавочный признак, выражаемый совершенным видом, связан с особым представлением целостности (целостного охвата действия)" (Там же, с. 6). Поэтому неограниченный процесс выражается только несовершенным видом, единичное действие ограниченного процесса, ограниченной повествовательности передается совершенным видом, если есть установка на указание целостности, и несовершенным — если ее нет. Сходные положения высказываются и зарубежными исследователями русского вида: основное значение совершенного вида — это представление действия как глобального события, коммуникативно однозначного (*the presentation of the action as a total event related to a specific single juncture*) (Forsyth, 1970, p. 347). Напротив, имперфективная форма не составляет события целиком, "не сообщает нам всего, что произошло, а только часть этого" (Galton, 1976, p. 167).

Обобщая подобные наблюдения, О. Даль приходит к выводу о том, что все, что происходит в окружающем нас мире, "может быть описано либо в терминах процесса, либо в терминах события" (Dahl, 1974, p. 28). Несовершенный вид отвечает процессу, который дуративен, совершенный вид — тотальному событию. О. Даль пишет далее: "По-видимому, существует тенденция пользоваться языковым изображением события — там, где это возможно" (на этом мы остановимся ниже).

Связь признака определенности с возникновением глагольной видо-

временной системы в славянских языках в качестве отправной точки возникновения этой системы видит и Н. Телин (Thelin, 1978). Первой глагольной оппозицией он считает расчленение презенса и аориста, последнего — со значением определенного свершившегося события (Thelin, 1978). В некоторых исследованиях вообще всякое глагольное время связывается с оппозицией *этот/тот* (Woods, 1976); см. также включение Филмором показателя "этот" в англ. *come* и исключение его из *go* (Filmore, 1966). В этом плане и в исследовании о частицах в хеттском языке (Josephson, 1972) переход от частицы к видовому показателю со значением совершенного вида (*-kan*) может быть прогнозирован, поскольку именно аспект в наибольшей степени связан со всей нарративной структурой, а показатель аористической семантики в первую очередь с определенностью события. Это тяготение совершенного вида к цельности события и, соответственно, некоторой отделенности его от говорящего и тем самым неконтролируемости отчетливо прослеживается и в указанных наблюдениях по семантическому согласованию Т.В. Булыгиной (Булыгина, 1980, 1982, 1983а, 1983б): *He попадись ему на глаза — Не попадайся ему на глаза; Не урони стакан — Не роняй стакан* и т.д. См. также проступающую общую ситуативность, связанную с совершенным видом в примерах Н.Д. Арутюновой (Арутюнова, 1983): *Хорошо ходить в лес за грибами — А еще лучше за ягодами* (действие заменяется на действие); *Лучше было бы пойти на речку — А еще лучше съездить в город* (ситуация заменяется на ситуацию).

В. Биркенмайер, говоря о связи русского глагольного вида и определенности, связывает это со способом действия — Aktionsart и европейским определенным артиклем (Birkenmaier, 1977, S. 47).

В главе второй, посвященной частицам и событию, говорилось о том, что занимаясь различием типов высказываний через употребление *-то*-группы vs *-нибудь*-группе, О. Даль описывает это различие через введение перформативов как одной из последних инноваций грамматической теории: в *-то*-местоимениях выделяется оператор экзистенциальности, возможный при введении их в декларативные предложения. Этот оператор описывается через перформатив STATE 'заявляю' (к группе *-нибудь* относится перформатив PREDICT 'предсказываю', объединяющий модальность и футуральность) (Dahl, 1970).

Таким образом, *-то*-местоимения связываются не только с определенностью, но и с экзистенциальностью, с бытийностью. В этом отношении интересным является семантическое согласование местоимения *что-то*. Само по себе местоимение *что-то* тяготеет к распространению через атрибуцию, с сохранением некоторой неточности атрибутируемого: *Когда я подошел к реке, то вдруг увидел что-то яркое и синее; То фазан сорвется, то торопливо промелькнет что-то маленькое, уродливое, унылое*. Это *что-то* может быть очень распространенным и атрибутированным подробнее, чем обычно существительное: *В нем простота и скромность, но в то же время и что-то такое, что дает чувствовать, что верит он только себе; Нельзя было не прочесть в этих серых бойких глазах что-то столь наглое, дерзкое и подлое; Ударился головой во что-то мягкое по ощущению, похожее на подушку, набитую хорошим пухом; На Нине было надето что-то кружевное, смутно напоминавшее жакет, и это что-то было ей тоже к лицу*.

Это тяготение *что-то* к неопределенной атрибутируемости сближает его с *нечто*, еще более приобретшим налет таинственности и загадочности (см. главу вторую). Однако *что-то* в контекстах как бы должно раскрыться через атрибуцию, тогда как *нечто* требует проникновения скорее в суть, чем в форму: *Что-то странное произошло с присутствующими и что-то странное чувствовалось в мертвом молчании; Щемит на душе: словно жаль*

чего-то, что-то вспоминается такое же неуловимое, как этот веселый день урожайного лета; Что-то необыкновенное было в его внешности, сразу не поймешь, но что-то под стать этому дню; Что-то такое случилось с его ратниками там, на постах, и за это "что-то" надо отвечать ему; Трудно определить это неуловимое что-то, но оно угадывалось, чувствовалось; В тоне его, в движениях, взглядах было что-то, встревожившее Волоцко-го — в чем именно заключалась это что-то, он не мог тогда сказать себе; Это самая тяжелая, мучительная болезнь чего-то, чего я сам определить не могу, чего-то непостижимого и несуществующего в порядке вещей, но что непременно, может быть, сию же минуту осуществится.

Именно эта потребность для "что-то" в расширении, интродуктивность и создала фразеологизм: *В нем (в ней) что-то есть*. Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев трактуют это как 'В нем, в его личности, есть что-то особенное, своеобразное, может быть, незаурядное' (Арутюнова, Ширяев, 1983, с. 172).

Вообще конструкции *что-то* + Атрибут тяготеют к бытийности, тем самым эти конструкции вполне связываются с указанным параметром EXIST (см. о таких конструкциях в этом плане: Арутюнова, Ширяев, 1983, с. 187—190 в связи с их квалификативными свойствами).

При снятии признака экзистенциальности возникают высказывания вопросительные, повелительные модально-вероятностные. *Вчера к нам кто-то приходил. → Вчера к нам приходил кто-нибудь?; Он сыграл что-то печальное. → Сыграйте что-нибудь печальное или: Он, вероятно, сыграет что-нибудь печальное.*

Интересно в этой связи указанное наблюдение С.Ф. Молчановой, что идея модальности начинает так прочно ассоциироваться с *нибудь*-группой, что в разговорной речи само наличие слов на *-нибудь* без каких-либо дополнений уже создает общую модальность высказывания, а именно значение предположительности, единственным средством выражения которой и будут слова на *-нибудь*: *Чувствуется сквозняк. Кто-нибудь открыл дверь в коридоре; Слышится плач. Кого-нибудь обидели* и т.д. (Молчанова, 1964).

При снятии признака однократности возникают высказывания итеративные, дуративные, генерализованные: *Каждый день что-нибудь утрачивалось в этой изношенной развалине; Ему хотелось чего-нибудь такого, что захватило бы его до забвения самого себя, до равнодушия к личному счастью; Людей, похожих друг на друга, нет : каждый имеет что-нибудь свое.*

При снятии обоих признаков, как представляется, возникают предложения условно-модальные: *Всякая комедия, если она выражает что-нибудь смешное ярко и естественно, — классическая комедия; Начнет она рассказывать о каком-нибудь страшном приключении с нею на дороге — я замираю от страха.*

Эти данные говорят о доминировании признака экзистенциальности, потому что именно высказывания итеративные, дуративные и генерализованные являются той сложной зоной, где допускается (или стремится быть допущенной) группа *-то-местоимений*: *Каждый день что-то утрачивалось...; Ему хотелось чего-то такого...; Каждый имеет что-то свое* и т.д. Все сказанное выше не означает, что имперфект и неактуальное настоящее несовместимы с *-то-местоименной* группой. Напротив, идеей этого раздела было утверждение скрытой категории определенности, не допускающей *-нибудь*-группы. Поэтому очевидно существование некоторого константного содержания определенности в высказывании, и если в одной части его становится меньше, то в другой при сохранении того же коммуникативного намерения оно должно увеличиться. Например: *Кто-то упал с дерева* — правильно, но: **Я хотел бы почитать какую-то книгу*; однако, возможно: *Я хотел бы по-*

читать какую-то книгу, о которой так много рассказывал мне мой брат или *Сыграйте что-то печальное, но: Сыграйте что-то печальное, то, что мы уже слышали в прошлый раз. Таким образом, увеличение неопределенности глагольной формы требует максимальной конкретизации имени — при желании сохранить общую степень определенности высказывания.

Частицы "выделительные" принято связывать с различными формами глагола-сказуемого, определяющего тип значения частицы.

Например, *Только и сказал* (спел, подумал) — резкое окончание активности субъекта: *Только и успел сказать, как сразу грохнуло*; напротив, несовершенный вид глагола означает непрерывность и доминирование одного единственного действия: *Только и говорил об этом; Только и думал; Только и шел* и т.д. Между тем как и в случае с "акцентированием", непременно связанным с частицами, возникновение этих различий оказывается различием более глубокого смыслового характера, непосредственно с частицами не соотносящимся. Например: *Только попробуй* (скажи, сделай); *Только подумайте* (вообразите); *Только не болей* (не расстраивайся); *Ну, ребята пойте — только гусли стройте* и т.д. Во всех приведенных примерах элиминирование *только* практически не меняет смысла, передаваемого типом и формой глагола. Таким образом, можно говорить о десемантизации *только* в некоторых случаях, но нельзя столь определенно говорить о "длинном компоненте", включающем в себя *только*. Однако анализ зависимости частицы от конструктивной среды высказывания показывает, что частицы в этом отношении далеко не однородны. Можно предложить здесь следующие классификации: 1) большая ориентированность на акцентно-просодические средства — большая ориентированность на строевые средства; 2) связанность с общим смыслом высказывания — связанность с отдельным компонентом высказывания; 3) ориентированность на имя — ориентированность на глагол; 4) связанность с грамматической формой глагола — связанность со способом действия глагола (Aktionsart); 5) наконец, одни частицы вообще мало связаны со структурой высказывания, в нашем материале такой частицей была *ведь*, и по другим параметрам близкая к союзам; 6) последним критерием разделения частиц можно считать тенденцию образовывать коммуникативные фразеологизмы — обороты, где основным центром смысла являются частицы.

Представим данные анализа русских частиц в соответствии с указанными признаками:

	Же	Только	Ведь	И	Даже	Вон	Вот	Это	Еще	Уже
1. Ориентированность на акцентно-просодические средства, ориентированность на строевые компоненты	—	—	—	—	—	+	+	+	+	—
2. Связанность с общим смыслом высказывания с отдельным компонентом	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
3. Ориентированность на имя	+	+	—	+	+	+	+	+	+	+
Ориентированность на глагол	+	+	+	+	+	+	+	+	+	+
4. Связь с формой глагола	—	+	—	+	—	—	+	—	—	—
связь со способом действия	—	—	—	+	—	—	+	—	+	+
5. Малая включенность в структуру	+	—	+	—	+	+	—	—	—	—
Большая включенность в структуру высказывания	+	—	—	+	—	—	+	+	+	+
6. Широкое образование фразеологизмов	—	+	—	+	—	—	+	—	—	—
Малое образование фразеологизмов	+	—	+	—	+	+	—	+	+	+

Существенными сближениями и расхождениями, вытекающими из полученных выше сопоставлений, можно считать следующие.

1) Выделение частиц-лидеров, максимально связанных со строевым уровнем и с фразеологизацией. Это *и, вот*.

2) Сходство табличных показателей у *даже* и *уже*, объясняющееся и семантикой данных частиц — их тягой к экстремальности, крайности передаваемого факта, см.: *Он даже начал задыхаться* и *Он уже начал задыхаться* (об экстремальности *уже* см.: Гойдина, 1979). Этим *уже* отличается от *еще* (об акцентно-просодических различиях *еще* — *уже* см. в следующем параграфе).

3) Выявляется группа частиц, минимально включенных в структуру высказывания и минимально образующих фразеологизмы на своей основе.

Это *же, ведь, даже, вон*. Причины этого, как представляется, различны. *Вон*, как указывалось выше, есть частица максимально дейктическая, относящаяся к высказыванию в целом; *ведь* поясняет целое высказывание, максимально приближаясь к союзу в общепринятом понижении; *же* ориентировано на контекстную связь, сигнализируя "выход" за пределы высказывания, в которое оно входит; *даже* максимально пресуппозитивно, его скрытая семантика предела, неожиданного, крайнего, равно распространяется на все грамматические классы. Поэтому каждая из указанных частиц является чем-то предельным для своей функциональной сферы (а сферы эти у указанных частиц не пересекаются).

4) Определяются частицы, максимально склонные к образованию фразеологизмов. Это *только, вот, и*. См. фразеологизмы *и только; да и только; только-только; только-то!; чего только нет; подумать только!; где только можно; кто только не; откуда только* и т.д.; *Вот уже!; Вот то-то же!; Вот и хорошо!; Вот невидаль!; Вот так X!; Так вот; Вот уж и X; Вот вам!; А вот нет; Вот бы!; Вот я вам; Вот тебе раз; X и X (часа и часа); И так; И без того; Оно и X; t-овые показатели + и (там и; оттого и; зато и) и т.д. Объяснение выбора именно этой группы частиц как идиообразующих оказалось затруднительным — так же, как объяснить возникновение отдельных фразеологизмов для других частиц, например *Туда же!**

Особого внимания заслуживает частица *и*. В целом ее набор значений можно передать как 1) 'ведь', 2) 'же'; 3) 'именно'; 4) 'тоже'; 5) 'даже'. Первые три типа значений связаны между собой семей определенности: *Куплю Гнедого. Недорого и просят за него* — 'ведь'; *Эх, и хороша у вас обувка!* — 'же'; *Там его и нашли* — 'именно'. Эта сема определенности дает основание В. Биркенмайеру считать *и* артиклом, делающим имя определенным, точнее, не сочетающимся с неопределенным именем: *Вот и дети*, одновременно *и* выполняет и связочную функцию. Отсюда: *Часы и часы*; Ну, *книга и книга*, близкое к *Жена есть жена* и к контаминированному *Часы и есть часы*. Между тем это *и* — показатель определенности — широко присоединяется к глаголу — факт, не обсуждавшийся в этой связи: *Я и сказал ему, что уйду; Он и стал летчиком; Кучер и распустил поводья* и т.д. Во всех этих случаях глагол по сути своей анафоричен, имеет текстовое предварение, поэтому *и*-показатель есть в данном случае показатель глагольной определенности. О длинном компоненте или о семантическом согласовании по определенности можно говорить при *t*-овом подтверждаемом актуализаторе + указанной *и*-конструкцией при глаголе: *Оттуда они произошли; Там его и нашли; Туда они и двинулись* и т.д. здесь определенность связывает высказывание как целое.

От подобных конструкций отличаются конструкции типа: *Ну, я ему и сказал; Вот и решил я поехать в Москву*, где *и* ближе к присоеди-

тельному союзу: *И я ему говорю; И вот я решил поехать в Москву* и т.д.

Значения 'ведь', 'же' и 'именно' различаются дополнительными семантиками, добавляемыми к определенности: факт фоновых знаний, несиюминутный — 'ведь', факт оценки — 'же', факт предыдущего контекста — 'именно'.

Различение 'тоже' и 'даже' связано, в свою очередь, с различием и 'даже' и 'даже'. Это различие в их употреблении может быть описано по иерархическому принципу. Прежде всего *даже* употребляется в тех случаях, когда скрытая семантика неожиданного, выхода за предел относится к передаваемому событию в целом: *Такой волшебный лунный свет, что даже белки девчокиных глаз отливали каленой синевой, при и отливало бы каленой синевой и все остальное*; ср.: *В первое время у меня даже голова тряслась*.

Далее, *даже* должно быть выбрано, если в структуру высказывания уже входит *и*, хотя бы в виде сочинительного союза: *Даже старики и дети сбрасывали бомбы с крыши* — **И старики и дети сбрасывали бомбы с крыши*, но возможно: *И старики с детьми сбрасывали бомбы с крыши*. Это же относится к присутствию в высказывании *ни*, включающему *и*.

Даже обязательно выбирается, если высказывание описывает градационную шкалу, где должен быть выражен неожиданный предел: *Работал я быстро, даже с азартом; Товары были все второй, даже третий сорт; Шел он легко, даже весело*; введение *и* делает градационные конструкции сочинительными: *Работал я быстро и с азартом* и т.д.

Невозможно употребление *и* в значении 'даже' в указанных прилагательных конструкциях с перфективным прошедшим совершенного вида: *Я даже зажмурился; Он даже спал тогда*, ср.: *Я и зажмурился, Он и спал тогда*, где возникает описанная выше сема определенности.

И может употребляться параллельно с *даже* в тех случаях, когда речь идет не о неожиданной коммуникативной инновации, а о крайней точке некоторого ряда — *Сегодня не спит и Егор; Мне и рубля не накопили строчки* и т.д.

Как уже говорилось, скрытая семантика *даже* и *и* ('даже') характеризует актанта как неподходящего, в первую очередь, к указанной роли: *Даже Петров развеселился* → *Петров не весельчак* и т.д. См. у А.С. Пушкина: *С семьей Панфила Харликова приехал и мосье Трике. Остряк, недавно из Тамбова*. Последняя характеристика снимает возможное прочтение как 'даже', переводя *и* в значение инклюзивного 'тоже'.

Данные вышеприведенной таблицы демонстрируют и асимметричность структурных строевых отношений для *еще* и *уже*. Исключая пока из рассмотрения акцентно-просодические средства и *уже* указанное значение экстремальности, сближающее *уже* с *даже* и отсутствующее у *еще*, обратим внимание на другие расхождения.

Еще с сочетанием с будущим временем свойственно значение оптимистического обещания: *Мы еще увидим небо в алмазах; Ты еще покажешь всему миру, на что ты способен. Уже* не входит в эту оппозицию, с будущим временем сочетается только *уже не*, но построенные таким образом высказывания фактивны и лишены перлокутивной окраски: *Мы уже не увидим неба в алмазах; Ты уже не покажешь всему миру, на что ты способен*.

Конструкции с *еще* и прошедшим временем обоих видов имеют значение напоминания: *Вы еще тогда с братом моим танцевали; Еще вы рано ушли с этого вечера. Уже*, вводимое в подобные конструкции, также фактивно и лишено перлокутивного характера.

Третьим значением *еще*, не разделяемым *уже*, является значение несоответствия поведения обсуждаемого лица его предполагаемому статусу:

А еще старым другом считался; В суде отказали. Еще родственники называются.

Как отмечалось неоднократно в литературе, *еще* и *уже* могут совмещаться на промежуточных этапах (Моисеев, 1978; Волкова, 1977): *Он еще юноша; Он уже юноша*, но не **Он уже ребенок, *Он еще старик*. В применении к дпящемуся процессу, выражаемому несовершенным видом, *еще* и *уже* распределены по фазам действия: *Он уже спит* — начало действия, антоним — *Он еще не спит; Он еще спит* — завершение действия, антоним — *Он уже не спит* (здесь завершаемость действия есть факт скрытой семантики — *Он еще спит*, значит, что уже мог бы и не спать, а не объективное физическое состояние). Таким образом, *еще* и *уже* в части своей семантики связаны с фазами действия глагола-сказуемого, с тем, что называется способом действия.

При соотнесенности на временной оси двух событий антонимичными могут быть комбинации: *уже — еще; уже не — еще; уже — еще не*. Примеры видовых комбинаций при таком соотнесении: *Журча еще бежит за мельницу ручей, но пруд уже застыл* — несов. вид/сов. вид; *Еще в полях белеет снег, а воды уж весной шумят* — несов. вид/несов. вид. Сочетание сов. вид/несов. вид в этом значении частиц исключено. Возможны построения типа: *Вы тогда, еще закричали, когда уже я к дому подходил*, но в этом случае *еще* имеет значение напоминания; реальные примеры подобного рода в имевшемся материале обнаружены не были.

Из трех значений *же*: 1) отождествительного, 2) противопоставительного, 3) итогово-результативного — именно первое при своей реализации обладает тенденцией склеиваться с наречными показателями времени, места, создавая подчеркнутость отождествления — 'именно так, а не иначе' — *тотчас же, теперь же, сию же минуту, с первых же месяцев* и т.д. Это *же* имеет отождествительное значение, при соотнесении с признаком вызывает повторение прилагательного — носителя признака: *Остановилась перед деревянным домиком с деревянной же калиткой*; Сочетание отождествительного *же* с *тот* и *такой* обсуждалось в связи с неотчуждаемой принадлежностью в главе II. Варьирование этих местоимений позволяет сделать более глубокое отождествление объекта на уровне идентификации денотата: *Вышла женщина, похожая на Федора Лукича: такая же грузная, тот же ласковый взгляд, те же черты доброго, открытого лица* — можно предполагать, что это родственница Федора Лукича, а не просто похожая на него женщина (тогда был бы *такой же взгляд, такие же черты*).

Семантическое согласование *только* связано в основном не только с видом глагола-сказуемого, но и со способом действия. Это соотносится с началом некоего действия в момент совершения другого действия: *Только задремал ямищик, на дорогу выходит кто-то; Только начало смеркаться, он и поступал...*; в этом общем значении несовершенный вид не употребляется. Напротив, совершенный вид исключается для того общего значения, которое связывается с всепоглощающей исключительностью дпящегося действия: *Он ничего не говорил, только смотрел; А баба только кланялась и кланялась*.

Семантическое согласование иногда приписывается разным сочетаниям *только* с императивом: *Только попробуй!; Только смотри у меня!; Только не забывайте нас* и т.д. Как уже говорилось, семантического согласования здесь нет, разные типы значений представлены императивными конструкциями и без *только*.

Семантически согласованные компоненты *с вот* обсуждались отчасти в связи с дейксисом, относящимся ко всему высказыванию — в сравнении с *вон* и *это*. Указано было на несочетаемость *вот* с единичным

неупомянутым именем, на тяготение *вот*-связки к обобщенному имени (*Ученость – вот чума* и т.д.). Эта обобщенность сочетается с *вот* и при оценках: *Вот невидаль!*; *Вот дурак!*; *Вот свинство!* и т.д.

Сочетание *вот* с Praesens historicum процессуальных глаголов сочетает интродуктивность с наглядностью: *Вот едет он к сестре в гости* и т.д., сочетание *вот* с фазисным значением настоящего – результат: *Вот получает он от нее письмо*; Сочетание *Вот* с Futurum perfectum чаще всего связано с сочетанием условности и результативности: *Вот приедет барин, барин нас рассудит*.

Вот, только, и, как уже указывалось, являются основными частицами, формирующими фразеологизмы.

Анализ семантики длинных компонентов, включающих в себя частицы, во многом был неполным из-за сознательного исключения из рассмотрения в данном параграфе акцентно-просодических феноменов, между тем именно частицы являются той поистине уникальной частью речи, которая непосредственно связывается даже в самом упрощенном описании с интонационно-акцентными факторами.

§ 2. ЧАСТИЦЫ И АКЦЕНТНО-ПРОСОДИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ

С интонационными компонентами высказывания частицы связываются в исследованиях, базирующихся на материале самых разных языков и описывающих разные исторические периоды.

Не выходя за индоевропейские пределы, отметим ряд общепризнанных положений, которые, будучи рассмотрены суммарно, оказываются неожиданно противоречивыми.

Первый ряд этих положений связан с понятием акцентированности, т.е. ударности–безударности.

Тезис первый: частицы ударны, особенно – вводящие частицы. Однако свойство это может варьироваться от языка к языку и от частицы к частице. Например, инициальное БО, как отмечает Я. Бауэр (Bauer, 1958, S. 82), активно ударно в одних языках – польском, белорусском, украинском, чешском, лужицком, в ляхских говорах. В сочетании с другой частицей, занимающей первую позицию, одни языки акцентируют именно ее – ИБО, ЛИБО, УБО (старославянский) либо сохраняют ударение на *бо* – *абó*, *альбó* (украинский и белорусский). Как будто именно такой ударной была вводящая частица, сопоставляемая со слав. *e (в ст.-сл. Е–СЕ, рус. *э-то*, *э-во* и т.д.), в аблаутном варианте *o она сопоставляется с *вонъ*, *вотъ* и т.д. (подробно см. об этой частице-катализаторе: Иванов, 1979, с. 47 и далее). Эта частица, вводящая предложение, ударна; примечательно, что эта ударность, по выводам К. Уоткинса, сохраняется в греческо-армяно-индоиранском аугменте *e, иными словами, она приклеивается не ко всякой, даже личной глагольной форме, а к форме повествовательно-нарративного характера (аористу и имперфекту), вводя смысловой фрагмент типа “Вот что случилось”.

Переходя к периоду самой последней современности, отметим зафиксированную для нескольких индоевропейских языков (Николаева, 1982; Бондаренко, 1978) тенденцию к яркой ударности у коннективов, открывающих собой высказывание: – *И после сличения этих данных/вопросы останутся*; *А расшифровки эти/я их вообще рассматривала/достаточно так сказать ответственно серьезно*; *И/наконец последнее/что нам было делать/с движением тона//, открывающих собой часть высказывания, паратактических – Стандарты есть но/или отсутствие значит оборудования*; *Не/определяет (э) опорное существительное /а/ она служит для. . .* и т.д.

Также активно частицы тяготеют к началу и акцентируются в русских говорах (Сафонова, 1979).

Тезис второй: частицы скорее тяготеют к безударности. Исследователь порядка слов в древних языках по сравнению с современным, А. Вейль, по сути предшественник всех теорий актуального членения, говорит о первичной безударности частиц, о том, что безударность, точнее неударность, и была их функцией — *le seul effet du repos d'accent* (Weil, 1879, p. 93). О безударности частиц, объединяя их с энклитическими личными и неопределенными местоимениями, неоднократно пишет А. Мейе, как для индоевропейского (Мейе, 1938, с. 358, 370), так и для общеславянского (Мейе, 1951, с. 389). Таким образом, для древнего периода частицы объединяются в группу — кортеж неких мелких слов, т.е. частицы и/или местоименные формы, которые тяготеют ко второй, безударной, позиции в предложении. Позицию эту точнее назвать первой безударной, поскольку она охватывает сразу несколько слов, если пользоваться нашим современным пониманием слова. Это тяготение к безударной позиции, близкой к ударному началу, принято называть законом Вакернагеля. В ряде работ, обсуждающих этот закон (в частности, Wackernagel, 1953, 1979). Вакернагель упорно подчеркивает тот факт, что мелкие слова, включая частицы, тянутся на второе место (или, как трогательно сказано: *an zweiter oder so gut wie zweiter*), во-первых, и что это второе место безударно, — во-вторых. В этом общеизвестном законе остается неясным, однако, где причина, где следствие. Безударные ли слова тянутся на второе место или, напротив, второе место безударно, а почему именно сюда стягиваются энклитики — это уже особая причина. Сам Вакернагель дает основания для обеих интерпретаций. Так, он пишет о любви древних языков — *Hinter das erste Wort des Satzes ein betontes zu setzen* (Wackernagel, 1953, S. 1867), т.е. приписывает безударность *с л о в у*, в этой же работе он говорит далее о тенденции индоевропейского помещать глагол придаточного предложения в конец его — *wo das Verbum den Ton trug* (Там же), т.е. приписывает акцентированность *п о з и ц и и*, а не слову. Эта тенденция энклитик к позиции X (безударной? не-первой?) была отмечена и до Вакернагеля; сам он ссылается на Бергеня (Bergaigne), заметившего в 1877 г., что вообще все энклитические формы обычно "располагаются после первого слова в предложении... , язык привык их располагать (*le langage s'est habitue à les construire*) после первого слова, потому что они были лишены ударения" (Wackernagel, 1979, S. 34). В этой точке зрения как бы сочетаются обе концепции. Именно безударность значимых частиц многократно подчеркивается в коллективной работе о немецких частицах *eigentlich, denn, noch, ja, nämlich, aber* и др. (*Aspekte der Modalpartikeln*, 1977). Однако в этой монографии говорится об этих частицах, как о безударных вариантах слов (*unbetönte Varianten von Wortern*), хотя в отдельных главах неперемнная безударность некоторых частиц вроде *wohl* четко акцентируется. Все эти проблемы пытается решить в небольшой, но очень интересной статье американская исследовательница Сьюзен Стил (Steele, 1977), пытающаяся понять, где причина и где следствие в законе Вакернагеля. Она относит неизвестное X как бы за скобки изучаемого периода, предполагая, что на втором месте была аналогичная позиция некоего субстратного состояния. Далее, в законе Вакернагеля греческие частицы вроде *δέ, γάρ, ἔτι* и их аналоги объединяются с энклитическими местоименными формами. Однако и абсолютно первым словом тоже может быть частица (см. Тезис. первый). Таковы, например, греческое *καί*, хеттское *ни-* и т.д. Из этого легко можно сделать удобно напрашивающийся вывод — частиц было две группы: одни,

акцентируемые, ставились в абсолютное начало, другие, безударные, помещались на второе или квази-второе место.

А как же тогда быть с примерами вроде: *Вот что случилось у нас вчера: иду вот я по улице?* Тогда можно считать ударное и безударное воплощение двумя разными частицами — именно так пишет о русском ударном и безударном еще А. Остроумов (Остроумов, 1954). Однако препятствием для такой концепции является индоевропейская древность, а именно — позиция глагола-сказуемого, он часто занимает второе, безударное, "энклитическое" место, он безударен в главном предложении и он конечен и ударен в придаточном, которое в индоевропейской древности обычно предшествовало главному. Эту ударность А.В. Добиаш объясняет известностью того действия, о котором говорится в придаточном, его анафоричностью (Добиаш, 1897). Однако глагол придаточного может во всех языках, как известно, передавать действие еще не свершившееся и неизвестное: *Если кто-нибудь расскажет об этом, произойдет несчастье* и т.д.

Именно эта позиция индоевропейского глагола в придаточном, его "ударность" в конечной позиции и может, на наш взгляд, прояснить хотя бы каким-то образом ситуацию безударности — ударности частиц. Ключом к этому может являться фразовая интонация, индоевропейцами ранней поры не признаваемая и в то же время из их же трудов восстанавливаемая. Древнее предложение мыслилось как некая палочка с надетыми на нее словами, из которых одни были ударными, другие — нет. В лучшем случае допускалась ударность—безударность позиции. Далее, всегда предполагалось, что расставляющий акценты писец отмечает факт слова, а не факт фразы. К интонации индоевропейской фразы обратился в связи с этим У.Ф. Леман (Lehman, 1974). По его мнению, начало высказывания характеризовалось сильно повышенной мелодикой (initial high pitch), конец — понижением (Ibid., 1974, p. 52). В придаточном же глагол был в конце, он был ударным (см. den Top trug), иначе говоря, мелодика здесь повышалась, предложение было незаконченным (так и пишет У. Леман, что high pitch здесь незавершенность, incompleteness, — p. 101). Из этого встает интонационная модель очень яркого начала (оно пропускает в русских примерах из устной разговорной речи), ослабленного следующего участка и почти абсолютно современной для славянских, германских и романских языков модели двух связанных предложений: $\downarrow \uparrow$, где $\downarrow$ — это придаточное. Инициальные частицы дублировали делимитирующую функцию интонации. Иными словами, как и теперь, начало интонационно яркое хорошо прослушивалось, и потому маркированно важное иногда передвигалось в начало. Именно так и трактуются примеры А. Мейе: "Греческий язык лучше всего сохраняет индоевропейский обычай ставить на первом месте главное слово. Примеров этого можно привести до бесконечности; так, у Гомера:

А.207: $\eta\lambda\theta\omicron\nu\ \epsilon\upsilon\gamma\ \rho\alpha\iota\omicron\nu\tau\alpha\ \tau\acute{o}\ \sigma\acute{o}\nu\ \mu\acute{\epsilon}\nu\omicron\varsigma$ "пришла я укротить твой гнев"; глагол $\eta\lambda\theta\omicron\nu$ стоит в начале предложения, так как Афина подчеркивает свой приход" (Мейе, 1938, с. 369).

Однако и интерпретация "через фразовую интонацию" не объясняет таких вещей, как расположение глагола в главном предложении, тяготение энклитик к безударной позиции и, самое главное, того, почему одни частицы всегда инициальны, другие — всегда неинициальны и третьи могут перемещаться свободно. Очень сложным способом включение фразовой интонации может в известной степени прояснить предлагаемый ниже третий тезис.

Тезис третий: частицы акцентируют, они как бы притягивают ударение к тому слову, с которым они связаны. При этом от мены этого ударения

зависит связь того или иного слова с акцентирующей частицей и резко меняется смысл предложения, в особенности – его скрытая семантика. Например, *Он даже ее не любил* → Так, случайные отношения или брак по расчету; *Он даже ее не любил* – Он не любил никого, а она уж самый подходящий объект для любви; *Он даже ее не любил* → Никто ее не любил; а хотя бы от “него” можно было этого ждать. Насколько явно проступает акцентирующая тенденция у некоторых частиц, можно судить по оборотам, состоящим из одних лишь частиц. Например *И только-то!* Здесь ударность *только* обеспечивается с двух сторон: посредством *-то* и *и*.

Аналогичными примерами полны работы англоязычного материала, исследующие частицы *only, even: John even eats Skrunnies for dinner – John even eats Skrunnies for dinner; John can't even sell whiskey to the Indians* (ведь вообще индейцам можно продать все) → *John can't even sell whiskey to the Indians* (а уж виски можно продать кому угодно); *John even has the idea that he is tall for a Watusi* (т.е. ватуси невысокие) → *John even has the idea that he is tall for a Watusi* (ватуси высокого роста) – (Anderson, 1972).

По собственно славянским данным, сведения об акцентированности–неакцентированности частиц и их способности соотноситься с знаменательным словом находятся в работах В.А. Дыбо и его книге “Славянская акцентология” (Дыбо, 1981), где приводятся (с. 52, табл. 15) частицы с постоянным акцентом (предпозиционные ортотонические) – *оу, ꙗеще, да тоу, не'чем', та*; другие (проклитические) частицы – переносящие ударение на энклитику: *аще, ꙗеже тако, и, но, не, ни*. В качестве энклитик в данной таблице выступают частицы *бо, же, ли, бы* – безударные. Таким образом, по таблице В.А. Дыбо можно говорить о трех группах частиц, ударных, переносящих и принимающих.

Эволюция русской синтаксической акцентологии парадоксально может быть сведена к опрокидыванию закона Васильева-Долобо в случае некоторых частиц (если они проклитики), а именно – ударением отмечается слово любого фонетического состава и любой ритмической структуры – важно только, чтобы была именно эта частица, а не другая.

Следующий ряд положений связан не только с акцентированностью, т.е. с достаточно абстрагированной меткой ударности–неударности, но и с более тонкой фонетической структурой частиц. С.В. Кодзасов, анализируя функции русского *да* (“гибридного союза-частицы”), сопоставляет различие функций *да* с его просодией и фонетическим обликом и доказывает это экспериментально. Так, имеется *да* побудительное: *Да здравствует солнце* со слабо ударным *а*, оберегающим от редуций; *да* как *дъ – Да ну его!*; союз *да* с идентичным произношением. Особый интерес представляет выведенный С.В. Кодзасовым особый тип *да* (“модальный”), который как бы резюмирует всю семантику (и просодию!) остального развернутого высказывания, например, *Да-а-а?* (удивление); *Да?* (иронический вопрос); *Да-а-а!* (недоверие); *Да-а-а* (размышление припоминания) и т.д. К этому же союзу (частица) *да* обращается → в связи с собственно грамматическими интересами и С.М. Толстая. Подробно описывая употребление союза и частицы *да* в полесских говорах украинско-белорусского пограничья, С.М. Толстая говорит о двух фонетических вариантах этой частицы: *да* и *до* (она сопоставляет эти данные со сходными вариантами Маринского и Зографского евангелий, где вместо *да* и встречается *до-и*). Здесь *до* может пониматься как звонкий коррелят *то*. Таким образом, из наблюдений С.М. Толстой можно вывести триаду:

Собственно фонетика частиц может связываться с фонетикой связанных с ней слов. Специально этот вопрос рассматривается в книге Б. Фрезера (Fraser, 1976): "Достаточно поразительным является тот факт что именно звуковая форма глагола во многом определяет его способность сочетаться или не сочетаться с частицами" (р. 13). Таким образом, в современном английском языке большинство глаголов, присоединяющих частицу, моно-силлабические (to get up, to stand out и т.д.), а бисиллабические обычно имеют начальное ударение; кроме того, бисиллабические часто оканчиваются на сонорный — /l/, /r/, /m/, /n/.

Функциональные различия частиц связываются в некоторых работах с просодическим воплощением всего высказывания в целом (например, Шведова, 1960). См.: *Что деньги? Что власть! и Что я — враг себе?; Что, стар он или молод? Или — Ну и что!?!; Ну и ловкач!; Ну уж...; Ну и видала она виды!;* ср. также: *Уж и конь вам нехорош! и Уж и трава густая нынче уродилась!* и т.д.

Разобраться во всех противоречиях и сложностях, связанных с акцентно-просодическими феноменами, относящимися к частицам, очевидно, можно, только соотнося функциональную нагрузку сегментных единиц и эволюционные просодические изменения. Помимо этого, в данном вопросе необходимо также различать факты лингвистические и факты языковые. Синтаксическая акцентология — это набор правил дистрибуции акцентуационных меток в высказывании. Но это набор меток: за синтаксической акцентологией стоит фразовая интонация, так же как за акцентуационными пометами слова стоит реальное акустическое воплощение словесного ударения. Чисто графические воплощения даже акцентированных текстов иногда оказывают гипнотическое действие, тем более, что мы и сейчас не располагаем точными правилами интонационной транскрипции. Об определении древней интонации индоевропейского как параллельного по отношению к слову феномена было написано выше в связи с работами У.Ф. Лемана, см. также у Т.Я. Елизаренковой: "Начало предложения рассматривается в отношении акцента как сильная позиция. Даже вокатив и личная форма глагола, обычно безударные в простом предложении или в главном в составе сложного в этой позиции получают ударение. К началу предложения тяготеют ударные местоимения, наречия-префиксы, частицы" (Елизаренкова, 1982, с. 112). Таким образом, ударность, акцентированность есть не только факт слова, но и позиции. Так, в свете интонационных позиций легко интерпретировать положение У.Ф. Лемана о том, что частицы-превербы в главных предложениях акцентированы, а в придаточных — нет (Lehman, 1974, р. 117). А именно в придаточных глагол стоит в конце и попадает на пик восходящего тона незавершенности, что воспринимается как его, глагола, ударность, в главном он находится либо в абсолютно пониженном конце, либо в безударной середине, приставка всегда перед ним, на более повышенном тоне, поэтому она воспринимается как ударная.

Однако и акцентологи графической ориентации тоже по-своему правы. Они обычно имеют дело с акцентированными текстами, а акцентирование текстов, на наш взгляд, есть показатель осмысления единства фонетического слова. Как пишет В.В. Иванов, "но то, что в индоевропейском было правилом синтаксической акцентуации, в славянском переосмысливается как особенность интонации определенного слова" (Иванов, 1979, с. 53). Внимательный анализ этого тезиса, к которому невозможно не хотеть присоединиться, открывает пути для выявления сложного спиралевидного процесса функционального развития просодических явлений, в период от

индоевропейского к общеславянскому и к современным славянским языкам, когда акустические параметры, формирующие просодию высказывания, сложным и чередующимся образом меняли свое предназначение.

Так, очевидно, тональный компонент принадлежал слову, силовой отмечал начало фраз, фраза была метризована темпорально, ударными были слова в зависимости от позиции; затем каждое слово приобрело ударение, фраза была не такой объединенной, на последнем этапе, например русского языка, время стало основным показателем ударения слова, мелодика объединила фразу и грамматикализовалась в систему интонационных конструкций, а повышенная ударность стала фактом не позиционным, а функционально-семантическим, в основном работающим на "скрытую семантику", а не на простую делимитацию. Частицы из синтаксических пограничных сигналов стали конденсаторами глубинной смысловой многоканальности. Она выражается усиленным ударением, акцентным выделением (АВ). Но новое не отменяет старое. Поэтому просодическая слабость серединной позиции, описываемая У.Ф. Леманом для протоиндоевропейского синтаксиса, ощутима и в современном русском языке ср.: *Вот вышла со мной пренеприятная история* и *Вышла тут со мной пренеприятная вот история*. Или: *Посмотрите на фотографию. Это я иду по улице* и *Иду это я по улице* и т.д.

Итак, переходя к современному состоянию, под ударностью (акцентированностью) понимаем лишь повышенную ударность — акцентное выделение. Логически естественно выделяются четыре возможных типа частиц.

1. Неакцентируемые и неакцентирующие.
2. Акцентируемые и неакцентирующие.
3. Неакцентируемые и акцентирующие.
4. Акцентирующие и акцентируемые.

Предложенная классификация требует нескольких предварительных оговорок. Во-первых, под неакцентируемыми и неакцентирующими мы понимаем частицы, практически никогда не имеющие этого свойства. Практически — это оговорка, сделанная, чтобы исключить те случаи, когда каждое слово может быть акцентировано: *Я сказал "ведь" а не "медь"*; *Бес попутал, и он теперь без путей* и т.д. Напротив, под акцентируемыми мы понимаем свойство потенциальное: все акцентируемые и акцентирующие частицы могут это свое свойство не реализовывать и не воплощать. Во-вторых, хотя на протяжении всей книги многократно подчеркивался тезис об отсутствии грани между частицами и наречиями, частицами и союзами, о "гибридности" этого класса, все же необходимо различать крайние ступени этой шкалы. Поэтому частица *так* — *Делать так* — считается неакцентируемой, хотя существуют конструкции прескриптивного характера: *Делать нужно так. А именно...* Точно так же различается частица *все* и местоимение *все*, ср.: *Он все читает и читает и Он всё читает, даже ерунду*. В-третьих, на начальном этапе описания акцентно-просодических свойств частиц они рассматриваются в замкнутых интонационных рамках одного высказывания, т.е. не отделенные паузой, или другими показателями синтагматического членения.

1. Неакцентируемые и неакцентирующие частицы в русском языке представлены небольшим числом частиц: *все, так, себе* и т.д. Появление на них акцентированности перевело бы их в другой грамматический класс: *А он себе читает* (т.е. не другим). Из специально анализировавшихся частиц к ним принадлежит частица *ведь*: *При красоте такой и петь ты мастерица? Ведь ты была б у нас царь-птица!*; *Нужно быть точным. Ведь вы могли отстать от своей команды!*; *Споемте, друзья, ведь завтра в поход* и т.д.

Характерно, что эти частицы обычно не соотносятся с именем существительным и тяготеют к высказыванию в целом. К этим же частицам, неакцентуемым и неакцентуемым (Н-Н), относятся и частицы-коннективы: *да, а, сравнительные будто, словно* и т.д.

2. Группа акцентуемых и неакцентуемых частиц тоже невелика. В частности, к ним относятся местоименные вопросительные слова, употребляемые, согласно мнению Н.Ю. Шведовой, в функции частиц. Это конструкции типа: *Что́ там твои заботы? Что́ жалованье!*

*Где́
Куда́
Отче́го* } *только ты все бегаешь?* и т.д.

Особое место в этой группе занимают частицы: *еще, вот, вон, это* (см. об этом: Николаева, 1979, 1982).

Остановимся на них более подробно.

Сочетания с *еще*: *Еще чаю?* — адресат уже выпил чай; *Еще чаю?* — была какая-то еда, но чай не предлагался. *Было куплено еще/три книги* — совершено несколько покупок, но не книги; *Было куплено еще три книги* — три книги уже купили; *Было куплено еще три книги* — какое-то количество книг было куплено, но не три.

Таким образом, *еще*, принимая на себя ударение, в комбинации с лексемой конкретной семантики вводит предмет в некий класс, в рамках которого он не составляет специфики; *еще* выступает как некий оператор, формирующий неопределенность имени, т.е. некий X добавляется к цепочке X_{n-1} : *Серый хребет, Черные горы, еще хребет и, наконец, снежные горы; Потом опять пауза — печь испекла, вынули хлеба, посадили другие, замесили еще тесто, поставили еще опару.*

Если к X добавляется Y, то этот X не выделяется: *Костюм купили, еще ботинки купить нужно; Сын есть у нас, еще хотелось бы дочь.*

Однако контекст не всегда дает возможность однозначной трактовки сообщаемого: *Нам предстояло пересечь ее* (дорогу. — Т.Н.) *и проехать еще километров сто* — где здесь поставить ударение: на *еще* или на *сто*? *Не сетуй, к трону есть еще дорога* — ударение на *есть* или на *еще*?

Поэтому в высказываниях с *еще* и неопределенным именем в реальных текстах часты артиклеобразные вставки со значением неопределенности: *Еще одно крепкое рукопожатие, еще одно объятие — и нужно переходить на корабль; Шум моря поглотил еще какие-то приказания командира дивизиона; Еще одно последнее сказанье — и летопись окончена моя.*

Сочетания с *вот, вон, это, тоже*: в этом случае место частицы определяется решением оппозиции: упомянутость—неупомянутасть или известный объект — впервые вводимый в коммуникацию объект.

Вот Вам письмо, — сказала Елена. — *Наконец-то; Вот тот офицер, о котором я докладывал Вашему превосходительству; Вот его победитель. Кирила Петрович указал на Дефоржа; Это книга, которую Вы столько искали; Это пластинка, забытая тогда в шкафу; Петя тоже не решил задачу* и т.д.

Указанные частицы могут быть акцентированы и в несобственно приименных сочетаниях: *Вот глупостей он наделал! Это еще зачем?* и т.д. Легко видеть, судя по всем приведенным примерам, какое влияние оказывает место ударения (на частице или на имени?) на такое свойство имени, как определенность. Так, ударное *еще* делает имя неопределенным (*еще тарелочку, мой милый*), ударные *вот, вон, это* — напротив, определенным, упоминавшимся (*Вот мостик; Это книга Петра; Вон моя деревня* и т.д.

На основании сказанного можно было бы сделать вывод, что имеет место

оппозиция ударности—безударности имени *vs* частицы. Т.е. купил е щ е ботинки — ботинки были куплены, а если были куплены не ботинки, то будет ударно имя. Однако эта красивая теория обнаруживает целый ряд натяжек и передержек. А именно: во всех тех случаях, когда "ударение" падает на имя в ослабленном виде, акцентного выделения, т.е. ударности вообще нет, то есть нет акцентного выделения во фразах типа: *Вот мельница. Она уж развалилась* или *Я купил себе еще пачку хорошего чая, но только нейтральное фразовое ударение.*

Следовательно, оппозиции эквиполентные, если смотреть на них с точки зрения изолированных словосочетаний, становятся привативными, рассмотренные с позиции высказывания: есть выделение — нет выделения. Таким образом, *еще, вот, вон, это, тоже, также* являются самым ярким примером акцентируемых, но не акцентирующих частиц. Все они обслуживают одну прагматическую категорию: предшествования. Это предшествование здесь выражается по-разному: для *вот, вон, это* — это единичный идентифицированный упомянутый объект, для *еще* — сходный объект, который в принципе может быть и идентичным: *Еще вина (того же самого)*; но может быть и "таким же": *Купил себе еще фломастер.* Для *тоже* и *также* предшествующим и упомянутым является не тот же объект, не сходный по классу объект, а другой определенный объект. Предшествование есть и в конструкциях: *Мы стали друг другу еще ближе; Она выглядела еще красивее* и т.д. Таким образом, предшествование, предупоминание может сближать определенность и неопределенность. Необходимо отметить здесь расхождение по акцентно-просодическому корреляту *еще* и *уже* (см. выше о сближении в прагматическом плане *уже* и *даже* по экстремальности).

3. Частицы неакцентируемые и акцентирующие (Н—А). К этой группе принадлежат, в частности, *и, же, -то, -таки*. В данном случае под *-то* имеется в виду не частица, формирующая неопределенное местоимение, а *-то*, называемое А.А. Зализняком "релятивизатором" (Об истории этого *-то* в русском языке и его формировании в сравнении с другими славянскими языками см.: Зализняк, 1981). Наиболее "мощным" порождающим средством является *и*: *Мне Вас любить нельзя, Вдова должна и гробу быть верна; Вероятно, этот улыбающийся человек не чувствовал и вкуса каши, потому что жевал как-то машинально, лениво; У ней и бровь не шевельнулась, не ждала даже губ она; Так я и бился годами, не получая никакой поддержки.*

См.: *Степанов в бурке выехал из фактории. Оттуда же покатали брички; Я решил завтра же убежать из города; Я думаю, что он скоро вернется. Он-то — не думаю; Думаю, что он-таки добился своего и использует командировку максимально.*

Определить общую категорию, текстовую нагрузку, выражаемую сочетаниями с этими частицами, не удалось; они и препозитивны (*и*), и постпозитивны (*же, -то, -таки*). Во всяком случае, именно об этой группе можно сказать, что здесь имеет место закон Васильева-Долобко наоборот: заданный перечень клитик переносит ударение на имя.

К этой же группе (Н—А) относится частица *один*. О лексеме *один* и ее функциональной значимости в зависимости от акцентно-просодического оформления словосочетания с именем опубликовано несколько наших работ (Николаева, 1982, 1979). Однако в данном случае необходимо осознавать, что речь идет о типах сочетаний лексемы *один* с именем; к тому же существенно различать сильную и слабую акцентную подчеркнутость. Оказалось, что можно выделить шесть словосочетаний с *один*, по признаку места ударения (один или *имя*, или *один + имя*) или его силы:

усиленное (выделено разрядкой) или неусиленное (курсив).

1. *Один + имя:* *Одна женщина рассказала мне интересную историю.* Значение артиклеобразное.
2. *Один + имя:* *С одного вола две шкуры не дерут.* Значение числительного.
3. *Один + имя:* *Замечено, что медведь, живя долгое время в одном месте, ходит на жировку одной и той же тропой.* Значение тождества.
4. *Один + имя:* *Если заря свободы восходит для всех, ужели одна женщина останется рабой?* Значение исключительной ограничительности, 'только'.
5. *Один + имя:* *Критика должна быть одна, и разносторонность взглядов должна выходить из одного общего источника, из одной системы.* Значение исключительно-количественное, 'только один'.
6. *Один + имя:* *Погода – одно удовольствие; Какой ответ? Одну суровость.* Значение абсолютного, "только" воплощения некоторого свойства.

Частицей *один* в этой шестичленной парадигме именных сочетаний считается только четвертый случай – акцентное усиление, значение "только". *Все гнали мне. Одна старуха сказала, наконец, правду.* В этом случае *один* делает имя определенным.

Объединяя все указанные выше примеры этой группы со словом-частицей *один*, можно высказать гипотезу, что искомой обобщающей коммуникативной категорией будет здесь исключительность, выделенность объекта: *И серпантин на что-нибудь полезен; Отпустил сестер, сам же поехал в деревню; Он-то никогда не упустит своей выгоды; Она-таки знает, что делает; Из наслаждений жизни одной любви музыка уступает* и т.д.

4. Четвертый случай: частицы акцентирующие и акцентируемые (А–А). При этом имеются в виду такие ситуации, когда присутствие частицы может вызывать акцентное выделение, но при этом оказывается несущественным, выделяется ли сама частица или слово, связанное с ней, т.е. позиция выделения безразлична: *Остались в училище только городские – Остались в училище только городские; Дело только в том, как Вы это воспримете – Дело только в том, как Вы это воспримете; Ума такого я уже не встречал – Ума такого я уже не встречал; Знал он всех мужиков, даже из далеких сел – Знал он всех мужиков, даже из далеких сел* и т.д.

Это свойство принадлежит не всем частицам, но число их совсем не так незначительно. К ним принадлежат также *совсем, вовсе, решительно, просто* и т.д. При анализе реальной речи оказывается также, что эта свобода в расстановке акцентного выделения используется широко: *Мы просто в восторге – Мы просто в восторге; Он только брата своего слушает – Он только брата своего слушает; Даже не знал ничего – Даже не знал ничего* и т.д.

Во всех этих случаях есть некоторая оценка сообщаемого; всегда оказывается безразличной позиция выделения: оно может располагаться на самой частице, на связанном с ней слове или даже на другом слове; таким образом рушится концепция подчеркнуто важного, усиленного, ядра и пр.

Как было сказано выше, под акцентированием понимается лишь по-

генциальное или в принципе возможное акцентирование. Поэтому указанные частицы могут акцентироваться и не акцентироваться: *Квартира была отделана богато и даже роскошно* – *Квартира была отделана богато и даже роскошно* – *Квартира была отделана богато и даже роскошно* и т.д.

По этой группе также происходит сближение *уже* и *даже*: *Он уже не пел* – *Он уже не пел*; *Он даже не пел* – *Он даже не пел*, что подтверждает гипотезу об оценке как обобщающей употребление частиц этой группы (экстремальность, объединяющая *уже* и *даже*, входит в категорию оценки).

Однако обобщая все сказанное об акцентировании частиц, можно заметить, что в тех случаях, когда акцентологическая выделенность того или иного компонента безусловна, далеко не всегда может быть доказан тот факт, что причина этой обязательной подчеркнутости – именно частица. Так, в тех случаях, когда акцентирование, казалось бы, бесспорно, элиминирование частицы или ее замена на союз показывают, что ведущая роль в возникновении акцентного выделения у компонента, связанного с частицей, принадлежит не ей: *Три года я мечтал о встрече с ней, а встретился только вчера*, ср.: *Три года я мечтал о встрече с ней, а встретился вчера*; *Даже Петр нас не навестил, об остальных и говорить нечего*, Ср.: *Если Петр нас не навестил, об остальных и говорить нечего* или: *Петр нас не навестил, об остальных и говорить нечего*; *Только старуха молчала, остальные все говорили* – ср.: *Старуха молчала остальные все говорили*.

Примеры такого рода (а число их легко увеличить) с неизбежностью приводят к мысли об отсутствии прямой смысловой зависимости между наличием частицы и возникновением акцентного выделения.

Дело в том, что акцентное выделение вообще возникает там, где необходимо выйти за пределы одной описываемой ситуации, базирующейся на нормативной оценке ее составляющих компонентов, создать "скрытую семантику", теневое высказывание. Но и частицы сами как класс обладают специфической функцией, совпадающей именно с той нагрузкой, которая приписывалась акцентному выделению. Этот выход за пределы описываемой нормативной ситуации, создание "скрытой семантики", функционально-языковой нагрузкой частиц является их двуликость, воплощающаяся, в частности (или в особенности?), в способности формировать скрытое, "теневое" высказывание, различным образом соотносящееся с исходным.

Таким образом, частицы и акцентное выделение выполняют по отношению к линейно-ограниченному высказыванию сходные функции – они формируют теневые высказывания, возникающие в перцепции параллельно с исходным высказыванием (*Это мое пальто* – А не Ваше (Петра), как Вы подумали; *Только он может нам помочь* – Остальные не могут). Именно в силу этой изофункциональности идея акцентирования и сливается с присутствием частиц, создавая некоторый единый формальный комплекс: частица + акцентирование. Однако, как видно из примера *Даже Петр...*, текстовая нагрузка оказывается первоосновой выделения, которое может быть перечеркнуто текстовым же заданием, т.е. не состояться.

Все сказанное выше относилось к одной из сторон соотношения частиц и акцентно-просодической структуры высказывания, а именно – к акцентной выделенности–невыведенности частиц и их способности акцентировать связанное с ними слово. Вторая сторона просодии высказывания – вопрос о произношении (акцентно-просодическом воплощении

частиц) в зависимости от синтагматического членения высказывания и отношения частицы к целому высказыванию или его составляющим. Если частица относится к высказыванию в целом и помещается в его начале, то она не акцентируется: *Только/улыбка у нее неприятная; Даже/прощения не попросили; Вот/я письмо к вам принес; Вон/галка пролетела; Еще/пришлите мне денег, пожалуйста; Уже/и здороваться не хотят* и т.д. Однако фонетика этих частиц полная, после их произнесения часта паузация: *Даже... и вспоминать не хотят* и т.п.

Помещаясь в серединную позицию, но не относясь к отдельному слову, частица также не получает акцентирования. *Во-первых,/никогда же с эстрады Большого зала не может быть такого вот непосредственного контакта... там/понимаешь ли уже тесное общение, уже когда просто это/ну вот Маршалл она всегда вызывала такое/ понимаешь/ответную реакцию. Тут надо чтоб как-то вот... То ли химическая она как-то взаимодействовала// То ли вот как-то особую структуру ей сделать//очень трудно// Ну это далеко еще// А сейчас вот великолепно я смотрел... Вот сейчас вижу/очень широко вот на Западе/текстильная-то обувь* (РР-1978, с. 134, 197, 198). Можно сказать, что в последних случаях частицы играют роль вводных слов, заполнителей пауз хезитации. Однако грани между коннективом, относящимся к высказыванию в целом: *Вот – решение мое наконец принято*, и вводными словами по их функции по сути нет – вводность и есть невключенность в общую структуру высказывания, а лишь соотнесенность с ней, семантически сильная или слабая. Существенно при этом, что интонация вводности оказывается сильнее позиции начала – в наших примерах. Противоположно этому усиленное произнесение начала в вышеприведенных примерах из устной научной речи: там проступает и выделяет просодическая позиция начала. Таким образом, в начальной позиции частицы могут быть либо усилены (общая конструктивная просодическая схема), либо ослаблены (семантическая нагрузка – вводности). В обоих случаях акцентированность–неакцентированность частиц не связана с их внутренними смысловыми отношениями.

Последний вопрос – интонационный. До сих пор речь шла о двух акцентно-просодических показателях – акцентированности и членении. Между тем некоторым типам реализации функциональной семантики частиц соответствует определенная заданная интонация: *Вот так пушка! Так вас и испугались!* (не испугались); *Что я – враг себе? – Что бы тебе подождать!*; *Ну, и видала она виды! – Ну, и видала она виды? Ну, и что?*; *Ну, и ловкач!*; *Еще убьют!*; *Покричи еще!*; *А еще спрашивает!*; *Это еще зачем!*; *Ну, ты же матрос; Так прямо тебе и сходил!*; *Где там спит! Читает; И пойду! И нарежусь! Вот и не пропускаю!*; *Холода что!*, и т.д. (ряд примеров взят из книги: Шведова, 1960).

Представляется, что в данных примерах имеет место клишированность: четкой почти фразеологической синтаксической конструкции соответствует заданность интонационного воплощения. Кроме того (или в связи с этим), все подобные конструкции не нейтральны эмоционально. Таким образом, их можно считать особым клишированным фрагментом, возможно, некоторым реликтом бывших акцентно-просодических закреплённостей; их наличие и их состав не могут быть аргументами в пользу общего положения об отсутствии у частиц своего собственного функционально-синтаксического значения, в той же мере как не фразеологизмы определяют типы лексических значений слова.

ТИПОЛОГИЯ СЛАВЯНСКИХ ЧАСТИЦ

§ 1. ДИАПАЗОН ТИПОЛОГИЧЕСКИХ СОПОСТАВЛЕНИЙ

В главе первой говорилось о проблемах описания частиц, связанных с типологией. При изучении языков, близкородственных генетически, как привлекаемые нами славянские, эти трудности сопоставления увеличиваются. Увеличивается и диапазон сопоставлений, поскольку генетическое тождество не всегда предполагает тождество функциональное, и наоборот.

Постараемся представить все типологические возможности анализа материала, исходя из более легких путей и более очевидных решений и переходя далее к сопоставлениям более тонким, с одной стороны, и требующим более фундированных интерпретаций — с другой. Весь диапазон сопоставлений не может быть представлен в нашем исследовании, общем и кратком — каждая словарная единица потребует тогда столь же подробного анализа, как это сделал Я. Бауэр для БО (Bauec, 1970) или И. Добрев — для ЖЕ (Добрев, 1962). Однако намеченная иерархия сопоставительного анализа даст возможность для сознательного выбора того или иного уровня типологии или проблемы исследовательского поиска. Ниже в § 2–5, будут предложены некоторые наши собственные типологические выводы и интерпретации.

1. Первый уровень сопоставления может быть чисто количественным. Уже говорилось, что только по этому критерию Э. Косериу объединяет немецкий язык и древнегреческий, видя их прогнозируемое сходство и на других языковых уровнях (Cosериu, 1980). Подобное различие можно увидеть и у современных языков и в их отношении к древним. Так, Ю.Г. Скиба обнаруживает 200 и более частиц для современного русского языка и не более 10 партикулярных лексем — для старославянского (Скиба, 1980).

Специальный подсчет был сделан по данным Этимологического словаря славянских служебных слов (Et. slovník, 1980). Всего было выявлено 2955 партикулярных лексемы (об этом понятии подробнее см. § 2). Из них 66 единицы были представлены во всех славянских языках. Таким образом, 2889 единиц сложным по наложению континуумом представлены в отдельных славянских языках.

Количественные данные здесь и в дальнейшем даются для 11 славянских языков — старославянского (С-с), русского (Р), украинского (У), белорусского (Б), польского (П), чешского (Ч), словацкого (Св), словенского (Сл), сербохорватского (С-х), македонского (М) и болгарского (Бг). Результаты подсчета:

С-с — 218	П — 293	С-х — 308
Р — 344	Ч — 303	М — 195
У — 244	Св — 255	Бг — 261
Б — 207	Сл — 227	

Цифры эти могут говорить о следующем: 1) о том месте, которое занимают частицы в общей системе коммуникативных средств данного языка; 2) о типе развития литературного языка данного народа: он может отбросить старые формы выражения и может объединить их с новыми (о сложных путях развития литературного языка как особой системы

см.: Успенский, 1983); 3) о преимуществах литературной традиции общеславянского характера или об ориентации на новые формы¹.

2. Однако эти чисто количественные показатели не являются показателем того, какое именно место занимают частицы в реальной речи исследуемого языка, они демонстрируют лишь их количество в системе, в парадигматике. Между тем, ряд свидетельств говорит о том, что в старых текстах частиц бывает количественно больше, чем в новых, а в диалектах — больше, чем в литературном языке. Так, подсчет по тем же данным Этимологического словаря тех частиц, которые помечены лишь для старорусских текстов, дает 37,5% общего количества, т.е. 129 из 344. Однако и это не факт употребления. Н.И. Сафонова показывает частоту повторения одной и той же частицы многократно в диалектной речи — *Сильно больших-то богачей-то здесь-то ить не было; Вот только вот этот бурдут вот ели, рыбно вот это все ели; Тапере после этой когда отстолуются бояре с невестой, ждуд родню это невестина приедет позднее как это родня, сколько ее там это есть родня; Она така и лодка и называлася*; одновременно с этим для говора характерно скопление разных частиц: *Дак а чо же исть это го прямо неохота даже и слушать* (Сафонова, 1979, с. 74). См. также любезно предоставленный А.А. Зализняком пример из новгородской берестяной грамоты № 502 (XII в.): *А тоу ти видеть гавко полочанинь... а-ть ти видѣль како ти было и А ивана Дѣ постави и передь людьми како ти взмолвити*.

Таким образом, сопоставление языков по количеству партикулярных лексем в системе и по количеству в употреблении — разные типологические задачи².

3. При этом возможно объединение обоих факторов, когда одна какая-либо частица предпочитается и в употреблении, и в системе, служа базой для сложных частиц. Например, такова частица ЖЕ в старославянском языке (Добрев, 1962). Только в Зографском евангелии отмечено более 2000 случаев ее употребления, при этом греческие союзы могут передаваться с ЖЕ и без нее: ПОНЕЖЕ и ЗАНЕ, или ПОНЕ и ЗАНЕЖЕ. И. Добрев приводит и список лексем текста, включающих ЖЕ — ДАЖЕ, НЕЖЕ, НЕЖЕЛИ, ОУЖЕ, ЪКОЖЕ, КОЛИ-ЖЬДО, КОЖЬДО, НИКЬДЖЕ, ННЬКТОЖЕ, ННЬСОЖЕ, ННЬСОЖЕ, НИЧЬТОЖЕ, ННЕДИНЬЖЕ, ЕЛИКОЖЕ, ДОНЕЛЬЖЕ, ОТНЕЛИЖЕ, ИЖЬ, ДЖЕ, ИДЖЕ, ЕЖЕ, ИДЕЖЕ, ПОНЕЖЕ, ЗАНЕЖЕ, ДОНЬДЕЖЕ, ДОНДЕЖЕ, ОТЪНЪХ ДЪЖЕ, ОТЪНЪХ ДОУЖЕ, ТЪЖДЕ, ТОЖДЕ, ТАКОЖДЕ, ТЪМЪЖЕ (Добрев, 1962, с. 112).

4. Сам количественный состав может быть гетерогенным по оппозиции литературный—диалектный. Так, даже в близкородственных языках одна и та же частица может быть общелитературной в одном и диалектной в другом, литературной в обоих и диалектной в обоих. Например: *хеле* — С-хлитер, Бгнародн; *кајно* — С-хлитер, Бгд; *конда* — С-хд, Бгд; *толикај* — Слитер, С-хд; *лего* — С-хд, Слд; *dasi* — Слитер, Свд; *dotamo, onako*,

¹ В данном случае чешское издание мы принимаем как бы безоговорочно, не исключена, однако, здесь возможность более полного обследования какого-либо языка или более основательной предварительной его изученности в этом аспекте, что в принципе может сделать картину количественных дистрибуций неравномерной.

² Ю.Г. Скиба показывает, что число служебных слов в русском тексте "Поднятой целины" М.А. Шолохова вдвое превосходит число частиц в польском языке и в полтора раза — в болгарском. Частотность же их употребления на единицу текста примерно одна и та же (Скиба, 1980, с. 41–42).

овато – Чд, Свд, С-хлитер, Млитер, Блитер; ala – Блитер, Слитер, С-хлитер, Пд; doty, otty – Чд, Улитер и т.п.³

5. Внутри того состава, который связывается с кругом частиц, "партикулярных лексем", отчетливо различаются гетерогенные пласты, на общем количестве лексем (см. выше) не определяющиеся. Это могут быть лексемы, состоящие из первичных элементов, комбинации которых составляют общеславянский "конструктор" (см. главу I) – *и-ли, ли-бо; и-бо, а-бо, у-бо, у-же, и-же, то-ли, къ-то, къ-дѣ, а-ли, э-то, э-во, а-во* и т.д. Это могут быть частицы, образованные от знаменательных слов, не входящих в исходный "конструктор", от флективных форм слов, изначально построенных в рамках исходного "конструктора"; это могут быть частицы в данном аспекте комбинированные. Например: *awiem* (Пст) < *a + wiem* от глагола *wěděti*; *avšak* (Ч и Св) < *a + všako* (*вшьчъ); *baje* (Сл) – 3 sing. от *bajati*; *bohda* (Чст); *bodaj* (П), *бадай* (Б), *bodaj* (Сл) – восходят к *bog + Imper. dati*; чуть ('едва') < *чуги* 'слышать' (Р, У, Б), **вшьчъdy/-da* (общеслав. Р – *всюду*) < **вшьчъ (весь) + dy/-da* как в *къdy/da, съdy/da* и т.п.

Наконец, в число партикулярных лексем могут входить частицы, заимствованные, в нашем случае, из неславянских языков⁴. Для болгарского языка много таких частиц приводит к своей книге К. Чолакова (Чолакова, 1958), см. специальную статью о заимствовании тур. *ХИЧ / ИЧ /* в болгарском языке и о путях этого заимствования в статье Т. Костовой (Костова, 1962). Например, это *denok* (Сл) из нем. *dennoch*; *хаур* (С-х нар., Бгд) из тур. *hayir* 'не'; *меѣр* (С-х, Бд) из тур. *meğer* 'итак', *tanto* (С-хд) из итал. *tanto*; *оти* (М, Бг) из греч. *ὄτι* 'что' и т.д. Все эти гетерогенные пласты могут по-разному распределяться внутри общего количественного состава частиц, что, в свою очередь, может многое сказать о путях общего развития того или иного языка.

6. Как очевидно, из 2955 единиц только 66 единиц, по Этимологическому словнику, представлены во всех славянских языках. 2889 единиц распределяются по славянскому континууму. Однако существенна при этом не только формальная представленность, субстанциональное совпадение, но и совпадение смысла у одних и тех же единиц. Между тем этот вопрос не так прост, и обычная традиция сопоставлять по формуле "ср.Х в таком-то языке", бывает излишне категоричной. В качестве примера можно предложить небольшое сообщение о важности такого смыслового отождествления на примере частицы *ли*. *Ли* – общеславянская частица, чаще всего она связывается с вопросительностью: отъ НАЗАРЪТА МОЖЕТЪ ЛИ ЧЬТО ДОБРО БЫТИ и с разделительностью – (У) *Сядем мы с тобою, поспідаем ли пообідаем*. Однако *ли* может быть и усиливающим компонентом – *вряд ли, едва ли*, т.е. что-то вроде *ведь*. См.: "Частица *ли* способствует выражению вопроса не только указанием на вопросительный смысл высказывания, но и выделением того или иного слова как наиболее важно-го в предложении, а в некоторых случаях является необходимым условием выражения определенных дополнительных оттенков значения. Таково же основное назначение соотносительных частиц других восточнославянских языков. Логически выделяемое слово обычно ставится в начале предложения, а частица *ли* примыкает к нему в постпозиции" (Киселев, 1976, с. 87).

³ По тем же данным, в Этимологический словарь включено 60 русских диалектных частиц. Это 19% общего числа русских частиц. Таким образом, на долю современного русского языка остается 155 частиц, т.е. 45% первоначальной цифры. Данные не дают возможности сделать такие подсчеты для всех славянских языков.

⁴ Возможны и заимствования из современных славянских языков. Так, но противопоставительное в сербохорватском, македонском и болгарском языках считается "русизмом" – (С-х) *Благо није сребро, ни злато, но је благо, што је срцу драг*

Неожиданным образом это невопросительное употребление славянского *ли* связывается с кардинальной меной концептуальной трактовки начала "Слова о полку Игореве". Нами высказывалась мысль, что одной из смысловых оппозиций памятника является творческая борьба автора с Бояном, проходящая через весь текст памятника (Николаева, 1984). А.С. Пушкин, гениальный филолог-исследователь, обратил внимание на *ли* в начальном тексте: *Не лѣпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы*. На специальном листке (А.С. Пушкин работал над большим исследованием о "Слове") поэт пишет: "Все толкователи поэмы поняли***сие место одинаковым образом: *не прилично ли будет . . .* но [смысл показывает], что поэт говорит утвердительно. — *Не прилично будет нам, а начаться по былинам сего времени*" (Цявловский, 1962, с. 226). Именно так, утвердительно, переводят *ли* в *Не тако ли, рѣче, рѣка Стugna*. Итак, если доказать невопросительность начального древнерусского *ли*, мы сможем сказать, что поэт объявляет о своей приверженности новому стилю уже в первом предложении: *Ведь нелепо (некрасиво) было бы . . .*, что вполне согласуется на самом деле с не столь восторженным отношением к Бояну, так же подмеченным А.С. Пушкиным: "если не ошибаюсь, ирония пробивается сквозь пышную хвалу" (Там же, с. 235).

7. Таким образом, даже при формально-генетическом тождестве частицы приписывать семантику одного языкового употребления другому языку нужно с большой осторожностью и ответственностью.

Напротив, разные частицы могут быть близкими по значению или по каким-то оттенкам значения. Тогда типологический анализ будет построен, исходя из минимальных (или более крупных) смысловых единиц, которых будет соответствовать набор субстанционально не совпадающих (или совпадающих) лексем. Именно по такому принципу сравниваются восточнославянские частицы в книге И.А. Киселева. Например, *только* синонимично *один*; оказывается, что изменяемость последнего слова обязательно лишь для русского и украинского языков, в белорусском языке возникла неизменяемая частица *адно*, более близкая к *только*: *Ён адно хмурыць твар і злосна страсае на лоб кучму бязладных сваіх валасоў* (Киселев, 1976, с. 31). Ближнему к *только* русскому *разве* в белорусском и украинском соответствует *хіба*. Значение 'именно' — русское *именно*, *как раз*, в белорусском имеет *іменна*, *менавіта*, *якраз*, в украинском — *іменно*, *якраз*, *саме*, *акурат*; значение 'чуть не' — белорусское *роўда*, *прыблізна*, *амаль не*, *бадай не*, *чуць не*, *ледзь не*, *траха не*, *мала не*, в украинском — *рівно*, *точно*, *приблизно*, *майже*, *ледве не*, *трохи не*, *мало не* и др. (см. подробно там же с. 42).

8. Для отождествления оси форма — смысл в частицах необходимо выявить типологию словесной цельности (цельнооформленности) в том случае, когда одна частица состоит из нескольких партикул, каждая из которых может быть самостоятельной частицей. В этом смысле сложная частица может быть противопоставлена свободному соединению частиц как компактно, так и дистантно расположенных. Например, *anebot Ч_{ст} — Dajte mi die-
tę, anebo! umru* — является цельным словом, ср.: *Anebo mi lidé nedaj! pokoje, proto chci do Tebaidy*; русское *а не то*: *Дайте мне есть, а не то умру* — мы считаем комплексом частиц; также неясным остается вопрос о существовании частицы *ато* < *a + to* в русском языке, частицы *чь-то-же*, *да-то*, для чего, когда же, когда же то и т.д. Ср. с этим *когато* Бг, *kiedyż* П, *kadar* Сл, *dlaczego* П, *nabeden < ni bo jedьnъ* Сл, *онкрај* Сл и т.д. Ср. совр. Р *Да серебро ли это?, да кончте ли вы?*; Р_{ст} — *Да ли богъ бѣ Павелъ?*; *Да ли тѣ изимоуть изъ огНЦа геоньскаго?* *Да ли серебро, еже обрѣтохомъ?* и С-х.: *Дали ње доћу?* *Дали је тако?*; Бг: *Дали да му кажа?* *Дали знаеш вшичко?*;

М: *Дали се дојдени? Дали да одам?* Из этого ряда видно, что тенденция к образованию комплекса *да + ли* была и в древнерусском языке.

9. Это говорит и о том, что трудно сказать с уверенностью о направленности диахронической прямой: являются ли сливающиеся партикулярные комплексы новообразованием, доступным для прогнозирования, или они архаичны. Возможно и то и другое.

Таким образом, мы обращаемся к фундаментальной и трудно разрешимой проблеме — связи типологической синхронии с типологической диахронией. В данном случае необходимо, очевидно, различать серии фактов: универсальный путь языкового развития, специфические пути развития литературных языков, спонтанно развивающуюся заданность истории конкретного языка, реальную историю народов, включая и историю их географических неславянских соседей и т.д. Интерпретации, полученных из столь различных источников, могут, в свою очередь, иметь иерархию, правда, далеко не всегда ясную. Например, обилие частиц в диалектах может объясняться их литературным несовершенством, но тогда почему так много частиц в старославянских текстах, копирующих частицы столь зрелого греческого? Много тюркских и общеполночьских частиц находим в южнославянских языках, это объясняется исторически. Но тогда почему так мало взяли западнославянские языки из такого насыщенного частицами немецкого языка?

Можем ли мы так же твердо считать, что отглагольные и отадъективные частицы есть поздний процесс, ср. *пусть, давай, знай, лишь* и т.п.? Вероятно, это так. Но тогда неясно, почему прекращает работать система порождающего "конструктора", далеко не исчерпавшего для славянских языков свои возможности? Например, были возможны *ли-то, и-да* (хотя есть *daj/doj*), *ко-ли-же* и т.д.? Сами инновации дают возможность говорить о каких-то смысловых пробелах, с одной стороны, и о точках смысловой проницаемости — с другой. Единственным лингвистом, интересовавшимся именно интерпретацией диахронии частиц в славянских языках, был Я. Бауэр. Он ищет проницаемые точки славянского синтаксиса и обнаруживает, что "не все составные части синтаксического строя в одинаковой мере оказываются восприимчивыми к иностранным влияниям: такую восприимчивость в высшей степени обнаруживает осложненная организация предложения, и прежде всего сложное предложение" (Бауэр, 1972, S. 66). Таким образом, союзы влияли на частицы той же генетической структуры. Эта неоднозначность генетического и функционального тождества иногда разочаровывает в словарях, трактующих славянские частицы и вообще служебные слова, где часто даются отсылки к соседним по родству языкам или к древним индоевропейским, но не описывается семантическая эволюция по хоть какой-нибудь заданной схеме. А ведь ассоциация не есть интерпретация. В этом отношении ценными являются такие замечания, как мысль И. Добрева о том, что же уступило свои позиции из-за развития анафорических значений у вопросительных местоимений, как идея Я. Бауэра о развитии *ли*, сменившем *аште*, о географии *бо* и т.д.

§ 2. ОПЫТ КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ТИПОЛОГИИ

I

Выше приводились данные по Этимологическому словарю (Et. slovník, 1980) количества партикулярных лексем в славянских языках.

Приведем иерархию количества партикулярных лексем по языкам (в по-

рядке убывания):

- (1) Р(344) → С-х(308) → Ч(303) → П(293) → Бг(261) →
Св(255) → У(244) → Сл(227) → С-с(218) →
Б(207) → М(195).

Помимо предлагавшихся выше возможных интерпретаций этого количественного разнообразия, интерпретативным может быть еще один критерий. Это количество партикулярных лексем, представленных только в одном языке. Как предполагалось, данный показатель будет свидетельствовать об особенностях пути данного языка в рамках общей славянской семьи. Результаты подсчетов оказались следующими (число в скобках показывает количество партикулярных лексем, известных только этому языку):

- (2) Сл(88) → Р и С-х(67) → Ч(54) → Бг(38) →
У(37) → Св(25) → П(24) → С-с(19) → Б(17) → М(5).

Таким образом, наибольшее число индивидуальных лексем по такому подсчету принадлежит словенскому языку, действительно в рассмотренном списке как будто бы находящемуся в зоне славянской периферии.

Однако эти цифры не являются подлинными показательными в своих абсолютных значениях: существенно также понять, какова доля индивидуального в общем числе партикулярных лексем. Это отношение есть отношение числа индивидуальных лексем к общему числу партикулярных лексем в данном языке (в %).

Процентные показатели выстраиваются в следующей иерархии:

- (3) Сл(39%) → Св(26%) → П(23%) → С-х(22%) → Р(19%) →
Ч(18%) → У(15%) → Бг(14%) → С-с(9%) → Б(8%) →
М(2,5%).

Больших иерархических изменений новые показатели не демонстрируют: крайними членами остаются словенский и македонский, русский и сербохорватский так же близки; как представляется, более соответствующим языковой реальности в известных нам фактах других уровней оказалось сближение словенского, словацкого и польского языков.

Общая сумма индивидуальных партикулярных лексем – 441. Таким образом, общеславянскими являются 2514 лексемы. Вычитая из них 66, представленные во всех языках, получаем 2448 лексем. Этот набор – 86% общего количества – распределяется в разных комбинациях в пределах общеславянского континуума.

Но данные индивидуальных количественных распределений остаются, по сути, недоступными интерпретации без более глубокой функциональной классификации.

И здесь необходимо представить себе, какими именно путями может создаваться этот индивидуальный фонд. Как предполагается, этих путей может быть четыре:

1) сохраняется лексема из общеславянского фонда, по каким-либо причинам не оставшаяся в других славянских языках;

2) создается из имеющихся партикул новое сочетание. Так, в частности, обсуждается вопрос о появлении неопределенных местоимений типа *кто-либо* (Ср. С-с КЪТО ЛЮБО, Р_{ст} *кто любо*, С-х ст. *камо любо*, гдѣ *любо* и т.д.). Возможно, что *либо* есть позднее образование из *ли* + *бо*;

3) возникает партикулярная лексема из форм словоизменения. И в этом случае возможны разные модели включения;

а) включается одна из форм слова непартикулярного класса без изменений: *Он просто голову потерял*; *Пускай меня объявят старовером* и т.д.;

возможны при этом и чисто фонетические преобразования, например, *paše* (Сл_Д, У, Р_Д) < *inacše, иначе*;

б) корневым элементом лексемы непартикулярного класса сопровождается партикулами, входящими в основной конструктор. Например: *všchъ ('весь') + *dě / du / ad*, как в *qđdě / qđdu / kad /;* *tđdě / tad-;* *sđdě / sad- / jđdě / jđad*. Отсюда возникают формы С-с ВБС ХДЬ, ст.-Р *вьсоудѣ, всоудѣ*, Ч. *všude*, П. *wszędzie*, С-х *свудије*, Бг *vsade* и т.д.;

в) включается форма словоизменения от слов, сводимых этимологически к партикулам исходного пласта – Св. *Кум* 'пока не' < *kъ + jь Instr.*;

4) Четвертый путь – это путь заимствования из неславянского фонда. Например, южнославянская частица *макар* 'хотя бы' С-х: *Остани макар један дан*; М: *Остани макар еден ден*; Бг: *Кажи макар една дума*) восходит к греч. *μακάρι*,

Несомненно, что лексемы, поступившие третьим и четвертым путем, не являются компонентами, входящими в основной состав "конструктора", построенного из минимальных партикул. Этот основной состав, таким образом, может быть выявлен "негативным" путем – вычитанием лексем, восходящих к формам словоизменения, и заимствованных лексем.

Сопоставление языков по тому, какой именно путь был ими избран при развитии индивидуального списка, уже может быть более конкретным и более диагностирующим.

В нашей работе индексом H_1 (не-конструктор № 1) обозначались все включенные словоформы знаменательных слов того же языка, напр. *недеј* (М, Бг) от *ne + děti / dějati* импер.

Индексом H_2 обозначались иноязычные заимствования.

Снова обратимся к списку индивидуальных компонентов, пересмотренному в указанном плане.

Индекс H_1 (в скобках – число словарных единиц):

(4) Сл(50) → Ч и Р(30) → Св(15) → С-х(10) → Б(9) →
→ П(8) → У(7) → Бр(3) → С-с(2) → М(0).

В процентном отношении к общему числу лексем каждого индивидуального списка эти данные упорядочиваются следующим образом:

(5) Сл(39%) → Св(26%) → П(23%) → С-х(22%) → Р(19%) →
→ Ч(18%) → У(15%) → Бг(14%) → С-с(2,5%)

Еще одним важным показателем является то, насколько индекс H_1 в индивидуальном списке существует по отношению к этому показателю в данном языке в целом. Иначе говоря, здесь важно понять степень и вид а л ь н о с т и развития данного языка. В принципе возможно, что большое число H_1 окажется характерным для языка вообще, а доля индивидуального списка H_1 будет невелика, и тогда он во многом объединится с другими языками.

Общее распределение показателей H_1 у славянских языков по абсолютному числу лексем следующее:

(6) Сл(110) → У(76) → Р и Ч(74) → П(68) → Св(67) →
Б(60) → С-х(52) → Бг(38) → С-с(33) → М(26).

Таким образом, и по этому ряду словенский занимает первое место, а македонский – последнее.

Представим ряд отношений (в %) индивидуального числа H_1 , к общему показателю H_1 в данном языке. Он демонстрирует то, сколько H_1 данный

язык делит, для партикулярного класса лексем, с другими языками:

- (7) Сл(45%) → Р и Ч(40%) → Св(22%) → С-х(19%) → Б(15%)
→ П(12%) → У(9%) → С-с(6%) → Б(5%) → М (вообще
не имеет индивидуальных H_1).

Обратимся теперь к четвертому пути пополнения числа партикулярных лексем – к заимствованиям. Заимствованные лексемы обозначаются индексом H_2 . Иерархия общего числа заимствований в славянских языках:

- (8) С-х(22) → М и Бг(21) → Сл(11) → Ч(4) → Св(3) →
П, У, С-с(2) → Р, Б(1).

На этом этапе резко выделяются южнославянские языки – с большим числом неславянских заимствований; минимальное число заимствований дает восточнославянская часть – для русского и белорусского это *айда* (Р) – *гайда* (Б).

Покажем и в пределах этого критерия, сколько лексем-заимствований отмечается только в одном славянском языке:

- (9) Сл(10) → С-х(6) → Св(5) → Бг и М(2) → Ч, С-с, У(1) →
Б, П, Р(0).

Таким образом, было представлено 9 количественно иерархических серий. Предложим краткую интерпретацию каждой из них:

(1). Свидетельствует об общем количестве лексем данного типа в языке. Показатель как реального употребления, так и специфики истории данного литературного языка. Выявляется язык с максимальным числом – русский (за ним – сербохорватский и чешский) и минимальным числом таких лексем – македонский (близок к нему болгарский).

(2). Свидетельствует об индивидуальном отношении языка к общеславянскому центру. Максимально отдаленным оказывается словенский.

(3). Уточняет подсчет 2, показывая, какое место занимает каждое индивидуальное число лексем в отношении к общему числу лексем данного типа в языке. В этом плане лидером остается словенский, наименее индивидуальны в этом плане старославянский, белорусский и македонский.

(4) Показывает число индивидуальных лексем, образованных фонетико-морфологическим путем из форм слов того же языка. Здесь оказываются полярными лидерами максимально “конструкторный” старославянский и минимально – словенский.

(5) Демонстрирует процентное отношение лексем указанного типа к общему числу индивидуальных лексем данного языка.

(6) Выявляется иерархия языков по типу морфологизованных партикулярных лексем. Здесь наиболее морфологичны восточнославянские и западнославянские языки, минимально – группа южнославянских языков.

(7) Показывает степень индивидуализированности каждого языка по критерию H_1 (т.е. общее число H_1 может быть высоким, но все лексемы пересекаются с аналогами в других языках). Максимально индивидуализирован словенский, минимально – болгарский и македонский.

(8) Показывает иерархию по другому критерию, H_2 , числу заимствованных лексем. Наибольшую степень включения заимствованных лексем показывают южнославянские языки (сербохорватский, македонский, болгарский), наименьшую – русский и белорусский.

(9) Демонстрирует индивидуальность заимствований. И здесь снова на первом месте оказывается словенский язык.

Небезыносительным представляются три замечания, связанные с языками анализа.

Прежде всего это не подчеркнутое в этом плане положение сербохорватского языка. Он выделяется прежде всего совокупностью максимальных показателей — в нем представлено почти максимальное число партикулярных лексем (после русского), много индивидуальных лексем (после словенского), значительное количество N_1 (словоизменительный путь) и в то же время значительное число N_2 (заимствований). Как видно будет далее, сербохорватский язык оказывается в этом аспекте как бы близким всем языкам, сохранившим общие модели и впитавшим инновации.

Второй яркой характеристикой является выявление особого положения словенского языка, в максимальной степени индивидуализированного — количественно и типологически (по показателю N_1 и N_2).

Действительно, только словенскому принадлежат частицы *ampak* 'но'; *anti* 'ведь'; *dokar* 'до какого места'; *ker* (< кьдеже) *lendi* 'вот там'; *seveda* 'конечно'; *točikar* 'вот только'; *toda* 'но'; *ve* 'здесь';

диалектному словенскому — *anikoj* 'чем'; *bolj* 'или'; *etec* 'туда'; *eta* 'там'; *geto* 'где'; *indre* 'инде'; *kec* 'каким путем'; *ličkaj* 'плохо'; *liki* (сравн. и 'но'); *ninder* (< jьnde); *nor* 'однажды'; *odkec* 'откуда'; *onti* 'ведь'; *otec* 'оттуда'; *tec* 'туда'; N_1 — типа *baje* 'мол'; *češ* 'хотя'; *kakovred* 'когда'; *onkraj* 'там, в другом месте'; *pravkar* 'только что'; *stoprav* 'только'; *tovred* 'на этот раз';

N_1 типа *počim* 'в то время как'; *sadle* 'внизу'; *temveč* 'но и'; *tovno* 'недавно'; *vedno* 'непрерывно'; *vendar* 'хотя'; *venomer* 'постоянно';

N_1 типа *čepprav* 'хотя'; *čeravno* 'хотя'; *leprav* 'столько'; *nobeden* 'никакой'; *samoč* 'только'; *soven* 'наружу'; *tisti* 'именно этот';

а также N_2 немецкого происхождения — *dalih* 'хотя'; (*gleich*) *deglih*; *denok* (*dennoch*); *javalne* (*ja wohl nicht*); *li* (*gleich*); *lih* (*gleich*); *mar* (*mehr*);

N_2 — итальянизмы: *o(b)ke(v)re* и *o(b)tevre(ura)*; и N_2 — балканизмы — *mar* — (*мак&rho*), *ama* (тур. 'но'); *komaj* (ср. рум. *acum*); *baš* (тур. 'глава') и др.

Третье обстоятельство, на которое хотелось бы обратить внимание, это практически отсутствие заимствований в русском языке. Напротив, как будет показано в конце главы, именно русский язык является основным источником заимствованных частиц (данные К.Е. Майтинской).

II

Сказанное выше относилось к отдельным славянским языкам, для которых подсчитывалось как общее число партикулярных лексем, так и структурировалось их индивидуальное количественное распределение. Между тем 2448 лексем (см. выше) не принадлежат ни общему, ни индивидуальному фонду: они распределяются, в разных комбинациях, по общеславянскому континууму. Одна и та же частица может функционировать в двух, трех, четырех и более языках. Важно выяснить, далее, ее языковую преференцию, т.е. охватываются ли близкие по родству, соседствующие по территории языки или это распределение более случайно. Наконец, важно понять, какие именно типы лексем при этом выбираются исходные: N_1 или N_2 .

Всего было рассмотрено 11 языков. Каково же максимальное число сочетаний, выбираемых произвольно: от 10 до 2 языков? Их может быть 2046, исходя из расчета по формуле

$$C_n^k = \frac{n!}{k!(n-k)!},$$

где $n = 11$, а k колеблется от 2 до 10.

Однако в принципе каждая лексема могла быть отдельной группой. Здесь же некоторые совпадения языков отмечались только по одному слову, в других же случаях число совпадений было значительным. Метод составления был следующим: языки анализа представлялись как бы в виде обоймы с максимальным числом в виде 11 вхождений: С-с, Р, У, Б, П, Ч, Св, Сл, С-х, М, Бг. Первым "аббревиатурным словом" было: С-с, Р; вторым С-с, Р, У, третьим — С-с, Р, У, Б и т.д., если какой-либо член отсутствовал, то осуществлялся переход слева направо по возможной обойме — С-с, У, Б, С-с, У, П, и т.д. После того как были исчерпаны все примеры на цепочку С-с, начинался ряд с Р, У; Р, У, Б; Р, У, Б, П и т.д. Особо отмечались данные диалектные (Д), старых форм языка (Ст) и уже описанные H_1 и H_2 .

Приведем несколько примеров:

- С-с, -Р_{СТ} — *jelikъ* — АШТЕ ТВОРИТЕ ЈЕЛИКО АЗЪ ЗАПОВѢДАЖ ВАМЪ (С-с); *Na blaženaga Borisa myslia še, kako, elikymъ obrazomъ pogubiti* (др.-русс.);
- kolъ mi* — АШТЕ ОУБО СВѢТЪ ИЖЕ ВЪ ТЕБѢ ТЪМА ЈЕСТЪ, ТЪ ТЪМА КОЛЬМИ (С-с); *не разумъ-хомъ кольми от бога почитени быхомъ* (др.-русс.) и др.
- Сл С-х М Бг — *onoliko* — (Сл — *onoliko* Бг_Д — онолко; М — онолку, С-х — онлико): *Колико се узможе, онолико се ће учинит* (С-Х_{СТ}); *К'е добиеш онолку колко што к'е заслужиш* (М).
- Чарх Св — *sotva* — *Sotva vyšel z domu, uviděl* (Ч); *Sotva to dopovĕdal, v sieni sa ozvali kroky.*
- П Сл С-х М Бг — *ovak* — (П — *owaki*; Сл — *ovakši*, С-х — овакав, М — ваков, Бг — вакъв): *W kraju тут jest owaki kami-eń, który gore jak drwa* (П); *Оваког човека можеш замолити* (С-Х); *Ваков човек не сум видел* (М).
- П Ч Св Сл_Д — *tъnъ* — (П — *ten*, Ч — *ten*, Св — *ten*, Сл_Д — *tien*, *tin*): *Ten kopeс je vysoký* (Ч); *Ten świat* (П).
- Р_Д Б_{СТ} П Ч_Д Св — *alebo* — (Р — алиба, Б_{СТ} — альбо, *алебо*, П — *albo*; Ч_Д — *alebo*; Св — *alebo*): *Пей тут, алиба на окно ступай* (Р); *Едовитохо альбо смертного* (Б); *Dziś albo nigdy* (П); *Na ích otázku alebo len kývne, alebo odsekne* (Св).
- У С-х — *отъjъ* — (У — *отой, ота, оте*; С-х — *ота; ота, ото*): *Шо зароблю сама, отим тилько и живемо* (У); *Гледа Лука белу кнѳгу оту* (С-х).
- У Ч_Д — *отту* — (У — *відти, звідти*; Ч — *odtu*): *Бодай гуди не дойшло и відти не прийшло* (У); *odebrali se z tam odtu* (Ч).
- У Б П Ч Св Сл — *кътоši* — (У — *хтось*; Б — *хтось*; П — *ktoš*; Ч — *kdosi*; Св — *ktosi*; Сл — *ktor(si)*): *Хтось далеко співає* (У); *воны здадуться комусь* (Б); *Ktoś jedzie, ktoś nachodzi z lasu* (П); *Přišel ktosi cudzí* (Ч_Д); *Na prvom voze ktosi ticho spieva* (Св).
- Р С-х — *anda* — (Р_Д — *анда*, С-х — *анда*): *Ударил, анда палка переломилась* (Р_Д). *Покажи анда, које зло потреба је навластито бижати* (С-х_{СТ}).

Рст Сл ст. С-х ст. — *oli* (Р — *оли, али*; Сл — *olí*; С-х ст. — *оли, оль*): *Оли нъ при смерти, тѣже дайте* (Рст); *Оли ме познат не можеш* (С-х), *Рибе из блата оли из локве* (С-х).

Р Чд Св — *ved'* — Н₁ (Р — *ведь*, Чст — *vědě*, Св — *ved', ved'že*): *Ведь я говорил это много раз* (Р); *Ale toš ty, ved' máme nakládat'* (Чд); *Ved' som si to myslel* (Св).

Уд Св — *len* (У — *лен, лем*, Св — *len*): *Дівча, дівча, вода чиста, лем ти сама ешь нечиста* (У); *Všetko bolo pohotove, len ešte kus pečienky chýbalo* (Св).

Примеры были взяты в случайном порядке и не соответствовали реальному количественному распределению. Между тем языки по-разному сближаются в рассматриваемом плане: одни имеют много пересечений, другие — меньше или не имеют узко попарных корреляций. Поэтому для каждой пары языков составлялись ряды следующих четырех характеристик: 1) сколько в данном языке X партикулярных лексем, совпадающих с языком У; 2) то же для Н₁⁶, 3) сколько партикулярных лексем от языка X входит в язык У (т.е. критерий, обратный для 1-го); 4) то же для Н₁.

Например, у украинского языка с польским совпадает 136 лексем; по Н₁ — 46. Всего в украинском языке 244 лексемы этого типа, из них Н₁ — 76; в польском — всего 293, из них Н₁ — 68. Получаем следующие четыре отношения: 1) $\frac{136}{244}$; 2) $\frac{46}{76}$; 3) $\frac{136}{293}$; 4) $\frac{46}{68}$. Первые два показателя говорят

о месте польского языка в рамках украинского; вторые два — о включенности украинского в польский, еще более точно — речь идет об общности и обоих языков (что для одного и для другого не одно и то же) и о количественном выражении этой общности.

Для этих данных были подсчитаны процентные отношения.

Покажем для каждого языка первые две характеристики, располагая данные в убывающем порядке, цифра в скобках указывает число процентов⁷.

- С-с: Р(90) → Ч и С-х(63) → Сл(58) → П(54) → Св(52) → У(47) → Бг(45) → Б и М(38);
Н₁ — Р(81) → Ч(67) → С-х и П(57) → Сл и Б(51) → Св(48) → У(45) → Бг(39) → М(30).
- Р: С-с(57) → С-х и Ч(47) → П(46) → Св(43) → У(42) → Б и Сл(41) → Бг(33) → М(28);
Н₁ — У и Б(58) → Ч(50) → С-х(43) → Св(40) → С-с(36) → П(34) → Бг и Сл(28) → М(22).
- У: Р(60) → Ч(57) → П(56) → Б(52) → Св(50) → С-х(48) → Сл(46) → С-с(43) → Бг(34) → М(31);
Н₁ — Б(66) → П(60) → Р(56) → Ч(49) → Св(38) → Сл(37) → С-с(20) → Бг(18) → М(22).
- Б: Р(70) → У(62) → Ч(57) → П(56) → С-х и Св(52) → Сл(47) → С-с(40) → Бг(39) → М(31);
Н₁ — У(83) → Р(72) → П(58) → Ч(48) → Св(43) → Сл и С-х(38) → Бг(32) → С-с(26) → М(22).

⁶ Случаев Н₂ было слишком мало для сплошных попарных подсчетов.

⁷ Очевидно, что сумма не должна составлять 100%, поскольку лексема может объединять данный язык X не только с У, но и с другими. Например, *onolě* (Р, У, С-х) входит в общности Р У; С-х Р; У С-х.

5. П: Ч(65) → Св и Р(54) → С-х(49) → Сл(48) → У(46) → С-с(41) → Б(40) → Бг(35) → М(31).
 Н₁ – Ч(76) → Св и У(68) → Б(51) → Сл(45) → С-х(43) → Р(37) → С-с(28) → Бг(26) → М(22).
6. Ч: П(61) → Св(56) → Р(53) → С-х(50) → Сл(48) → У(46) → С-с(44) → Б(39) → Бг(35) → М(31);
 Н₁ – П(70) → Св(67) → У и Р(50) → Сл(42) → С-х(40) → Б(39) → Бг(31) → С-с(30) → М(17).
7. Св: Ч(66) → П(62) → Р(58) → Сл(52) → С-х(49) → У(48) → С-с(44) → Б(39) → Бг(37) → М(33);
 Н₁ – Ч(75) → П(68) → Р(45) → С-х(42) → У(43) → Сл(40) → Б(39) → Бг(30) → С-с(24) → М(19).
8. Сл: С-х(67) → Ч(65) → Р и П(62) → Св(58) → Бг и С-с(50) → У(48) → Б и М(43);
 Н₁ – Св(45) → С-х(30) → П и Ч(28) → У(25) → Б(20) → Р и Бг(19) → С-с и М(15).
9. С-х: Св(67) → Р(53) → Ч(50) → Сл(49) → П(47) → Б и С-с(45) → М(39) → У(38) → Б(35);
 Н₁ – Сл(63) → Р(61) → Ч(58) → П(56) → Св(54) → У(46) → Б(44) → С-с(38) → М и Б(35).
10. М: Бг(66) → С-х(61) → Сл и Р(50) → Ч и У(48) → П(47) → Св(43) → С-с(42) → Б(36);
 Н₁ – Бг(85) → С-х(69) → Р(61) → Сл(58) → П(56) → Св, Ч, Б(50) → У(42) → С-с(39).
11. Бг: С-х(53) → М(49) → Р и Сл(43) → П и Ч(40) → С-с(38) → Св(36) → У и Б(31);
 Н₁ – С-х(63) → М(58) → Сл, Ч, Р(55) → Св(53) → Б(50) → П(47) → У(37) → С-с(34).

Выводы из приведенных иерархических количественных серий, как представляется, не столь очевидны, как это можно предположить, исходя из общепризнанных положений славянского родства. В полученных нами типологических данных славянской фразовой интонации (Николаева, 1977) данные восточнославянских языков были близки к южнославянским и резко отличались от западнославянских. Сложное промежуточное положение занимал словенский.

В данном же случае промежуточное положение словенского языка остается, но для всего континуума в целом можно сформулировать четыре важных параметра:

- 1) существенность оппозиции: старая—новая традиция литературного языка;
- 2) существенность оппозиции: вхождение в одну славянскую группу (южные — восточные — западные);
- 3) существенность оппозиции: территориальная близость—дальность;
- 4) существенность различия: показателя близости по всему классу партикулярных лексем и показателя Н₁.

На основании иерархии этих показателей получается: 1) по критерию Н₁ языки объединяются либо только по родству (русский, белорусский, словацкий, македонский, болгарский), либо по родству + территориальная близость (чешский, польский и украинский). Старославянский с этим критерием включается в другие языки (т.е. он не имеет самостоятельного разграничения); смешанную картину дают словенский и сербохорватский;

2) по критерию 1-му выделяются языки более древних и непрерываемых традиций (русский, польский, чешский), объединяющиеся по этому критерию, и языки более поздние, объединяющиеся по родству и территории.

Таким образом, можно говорить о наличии изначально единого набора партикул и об определенных тенденциях в языковой группе к его использованию, развитию и выбору типа модификации. Тенденции связаны с генетико-территориальной совместностью, во-первых, и со спецификой развития литературного языка, во-вторых.

Однако необходимо отметить три обстоятельства, являющиеся коррективами ко всем представленным в настоящей работе подсчетам.

1) Все данные основываются на Этимологическом словаре (Et. slovník, 1980). Поэтому, например, для южнославянских языков используются только их материалы (для количественных решений);

2) Не разделялись абсолютно данные современных и старых языков. Между тем, например, значительная группа объединяет старославянский и старорусский (древнерусский). Это 86 партикулярных лексем. Несомненно, что авторы Словаря не располагали столь подробными данными для старых форм других языков. К числу подобных лексем принадлежат:

- seliko* — С-с: СЕЛИКО; др.-русс. *селико*: *Селико претерпѣвъ насъ дѣльма; он же селико елико възможе, въздвиже на мя* (приводятся только древнерусские примеры — для очевидного их несоответствия современной русской традиции);
- opako* — С-с: ОПАКО, ОПАКЫ, ОБАУЕ, ПАКЫ, ПAKЪ; др.-русс.: *Паки и паки пошли въ кабакъ гуляти; сѣмо ю лобзаете и паки оскверняете*;
- ot(n)jeli* — С-с: ОТЪНЕЛИ, ОТЪНЕЛѢ, ОТЪНЕЛѢ; др.-русс. *ОтнелѢ же хрьстьянская проповѣдь апостольскими вѣщании по всей вселенѣи распрострѣса*;
- jaru* — С-с: ЮРОУ; др.-русс. — *Юроу и мы млади суще умерли; ару понѣ роучьныхъ вождевъ быша искали*;
- kolmi/ma* — С-с: КОЛЬМИ, КОЛЬМА; др.-русс.: *Не разумѣхомъ колми от бога почътени быхомъ; колма паче кровь изливаема бездобъ отмститя от господа*;
- zanježe* — С-с: ЗАНЕ, ЗАНЕ, ЗАНЕЖЕ, ЗАНЕЖЕ; др.-русс.: *занеже не даль ему за многи лѣтъ, то платити ему за обиду*;
- tkъtо/ma* — С-с: ТЪКЪМО, ТЪКЪМА, ТЪКЪМОУ; др.-русс.: *Не имамъ съде тѣкъмо пять хлѣбъ; не поможеть никто же кому, но токмо правда избавить*;
- ottol* — С-с: ОТЪТОЛИ, ОТЪГОЛѢ; др.-русс.: *ОттолѢ подоша на чюдъ; И отътоли-искааше подобьна врѣмене, да и прѣдасть*;
- koli* — С-с: КОЛИ, КОЛѢ, др.-русс.: *Аще будетъ коли?; Коли ты видѣлъ то?*;
- imъže* — С-с: ИМЪЖЕ; др.-русс.: *дажъ ми въ заемъ три хлѣбы, имъже другъми приде ко мнѣ с пути; иже си жалуетъ имъже его видѣлъ*;
- bo* — С-с: БО; др.-русс.: *трьсть бо не пишетъ сама; Пеи бо хочешъ*;
- nikoli* — С-с: НИКОЛИ; др.-русс.: *Никому не работахомъ николиже; и николи же такыи дубъ възгодить небесьнууму дѣлателю*;

<i>ako</i>	– С-с: АКО, АКЪ; др.-русск.: <i>Ако мѣръ будеть, поидѣте со мною; Речено бы ако оусти к оустомъ бесѣдуютъ къ нему;</i>
<i>съ</i>	– С-с: СЪ; др.-русск.: <i>Не съ то створи, но бнѣ его; В си бо времена, в лѣта си приключисѣ;</i>
<i>ънѣде</i>	– С-с: ИНЪДЕ; др.-русск.: <i>овдѣ болѣ, а индѣ мнѣ; а что закладниковъ въ Тържъку или инде;</i>
<i>ово</i>	– С-с: ОВО; др.-русск.: <i>На всякъ же днь глагола ово съ, ово онъ; попущающу за грѣхы наша ово гладъ, ово рать и ины всякъя казни;</i>
<i>камо</i>	– С-с: КАМО; др.-русск.: <i>Камо идете?; Не вѣмъ, камо идеши; Поиди, камо хочеш;</i>
<i>любо</i>	– С-с: ЛЮУБО; др.-русск.: <i>То мѣстити брату брата, любо отъцу, любо сыну; любо ты на лѣво, а азъ на право, любо ты на десно, а азъ на шуе;</i>
<i>колиѣде</i>	– С-с: КОЛИЖЪДО; др.-русск.: <i>Идеже колижъдо взнидете въ домъ, тоу пребывайте; И иже колижъдо напоить единого отъ малихъ;</i>
<i>јамо</i>	– С-с: ЮМО, ДМО, ЮМОУ, ДМОУ; др.-русск. – <i>Амо же азъ иду, вы не можете; пустить амо же хошетъ;</i>
<i>јелико</i>	– С-с: ЪСЛИКО; др.-русск.: <i>Потѣщимся елико по силѣ на хранение прочихъ; бояху ся Моисѣя елико бѣ живъ;</i>
<i>никамо</i>	– С-с: НККАМО (ЖЕ); др.-русск.: <i>Не движесѣ съ мѣста никамо же;</i>
<i>овогъ)да/-dy</i>	– С-с: ОВОГДА; др.-русск.: <i>Нача овѣгда на два дни алкати; господъ не остави въ невѣдѣнии. нъ показа овода же свѣща горяща;</i>
<i>нѣкако</i>	– С-с: НѢКАКО; др.-русск.: <i>Наиде рана на Полочаны, како нѣкако бѣше ходити (по) оуличамъ;</i>
<i>овъдѣ</i>	– С-с: ОВЪДЕ, ОВЪДѢ; др.-русск.: <i>Овдѣ боле, а индѣ мнѣ;</i>
<i>сико)се</i>	– С-с: СИКО, СИЦЕ; др.-русск.: <i>Не можаше взяти града и умысли сице; пошла ко граду, аще сице створимъ;</i>
<i>втѣ)иъ)kort</i>	– С-с: ТОКРАТЬ; др.-русск.: <i>Тократъ оумерщу; Тократъ излѣзъ ѿ трапезы и др.</i>

Точно так же не проводилось специального отбора, когда та или иная лексема присутствует в том или ином языке в особого типа оборотах, близких к фразеологизмам, а в других языках это значение общекодифицировано. Например, *ЕИ 'да'* в старославянском языке повсеместно встречается именно в этом значении: *РАЗОУМЪСТЕ ЛИ ВСЕ СИ, ГЛАГОЛАША НМОУ ЕИ ГОСПОДИ; Б ХДИ ЖЕ СЛОВО ВАШЕ ЕИ ЕИ И НИ НИ*; ср.: Бг_{ст} – *Обѣдал ли си?, еи, обедаль*; в русском же языке это выражение встречается в сочетаниях: *Ей-богу, ей-же-ей, ей-ей*.

3) При подсчетах в тени оставались лексемы, объединяющие языки по показателю N_2 . Между тем этот фактор оказывается весьма существенным, особенно для южнославянской группы языков.

Сл С-х М Бг — *ама* — из тур. *ата 'но'* — С-х: *Би се вратио, ама не може*; М: *Таа сака да дојде ама татко и я не пушта*; Бг — *две думи каза, ама на място ги каза*; *Баш* из тур. *baş 'голова'* — Сл: *baş deneš*; С-х: *Баш ѱу поѱи*;

	М: дојдов баш навреме; Бг: Баш сега ми с времето, да...
С-х М Бг – комај	– из тур. <i>kotak'i</i> 'может быть' – С-х _Д : Комај дојде димо, замоли га син; комај је то рекел, већ су га однесли; Сл: <i>Kotaj to izgovori, svojo dušico rusti</i> ; М: Дојдоа комај сите; Бг: Беше се вече комаи стъмнем;
тамај	– из тур. <i>tatat</i> 'точно' – С-х: Таман до кољана, таман си дошао кад треба; М: Таман Борјанка заспала, Стојан на порти захлопа; Бг: Таман на време;
тек	– из тур. <i>tek</i> 'единственно' – С-х: Ја сам ради и весела, тек ак хоћеш ти;
баре	– из румын. <i>baret</i> 'по меньшей мере' – Сл: <i>Ako ne suri, bar karlja</i> ; С-х: Да бар нешто ти чујем; Бг: Да мога ад си искарвам баре хляба;
чак	– из венг. <i>csak</i> 'только теперь' – С-х: Отишао чак у Цариград; Бг: Чак до горе; Чак когато настъпи пълна тъмнина;
макар	– из греч. <i>мака́ри</i> 'если бы' – С-х: Облучи да иде ју искат, макар стало га главе; М: Си отишол, макар што му реков да остане; Бг: Кажу макар една дума;
медер	– из тур. <i>teğer</i> 'итак, ладно' – Б _Д : Ма ти мер да дош с нас?
саде	– из тур. <i>sade</i> – М: саде со вода живее; Б _Д : Ти работа не фаташ и саде кусуре находиш на другите.
М Б – ами	– из греч. <i>ἀμή</i> – М: Не само те, ами целиот град; Ати ете ти го српот на рамо?; Бг: Ние сме добре, ами ти не са; Ами, че знам ли?;
галиба	– из араб. или тур. – 'может быть, вероятно' – в македонском народном и болгарском архаическом;
ми	– из греч. <i>μή</i> 'не' – М.: Ми слушааш; Бг: Ми цирика;
ма	– из греч. <i>μήν, μήν</i> 'ведь, же' – М: Слушај ма, мајко ма; Бг: ма, какво думаш?;
оти	– из греч. <i>ὅτι</i> 'что' – М: Слушав оти си сакал да градиш кук'а; Не оти к'е стане нешто од сета оваа работа; Оти не дојде!

Последний количественный показатель связан с данными, полученными для подсчетов попарных общностей. Возможно поставить при этом вопрос и иначе – какой же язык имеет наибольшее число совпадений со всеми остальными, является носителем максимального числа совпадающих лексем; напротив, какой язык в наименьшей степени включен в общий континуум? Для выяснения этого составлялись отношения всего числа совпадений к числу партикулярных лексем данного языка за вычетом числа только ему известных лексем. Т.е. суммировалось число совпадений и делилось на общее число таких лексем данного языка минус его особые лексем. То же делалось для показателя H_1 . Для показателя H_1 результат деления распределялся между 5, 6 и 4 (для 10 языков), 5, 6 – македонский язык, 4 – украинский, русский и словацкий язык. Особое место занял словенский язык – 2,2. Итак, и македонский и словенский оказываются полярными

языками, но по противоположным причинам: словенский обладает максимальным количеством N_1 , которые он мало делит с другими, македонский же обладает минимальным числом N_1 , но все они находят соответствия в других языках. Украинский и русский близки к среднему ядру — 4,6.

По первому показателю предсказуемой была максимальная цифра у старославянского лексемного набора — 5,5, т.е. в той или иной степени его партикулярные лексемы соотносятся со всеми славянскими языками⁸.

§ 3. ФОРМУЛЬНАЯ СТРУКТУРА СЛАВЯНСКОГО ФОНДА ПАРТИКУЛ

Прежде чем предложить описание фонетического строя пласта партикулярных славянских лексем, необходимо выявить достаточно обстоятельно исходные теоретические позиции автора, во-первых, и напомнить о некоторых общепризнанных в отношении частиц положениях, перечислявшихся в главе первой, — во-вторых.

Начиная с последних положений, прежде всего необходимо вспомнить о таком известном свойстве, как стремление частиц вступать в комплексы, образуя новые частицы. Однако при этом возможно повторение того же близкого или идентичного звукового компонента — *Ну-ну; ей-ей, но-но-но!, вот-вот* и т.д. в современных языках или *къ-то + то → кто-то* для прошлого. Помимо прибавления того же или близкого формально компонента, в среде частиц (партикул) наблюдается тяготение к слиянию в комплекс близких по смыслу компонентов — *только лишь, лишь только, едва только, даже и, еще и* и т.д. Все это создает сложную плоскость континуума как в звуковом, так и в смысловом отношении. Создается не только благоприятная семантически, но и благоприятная фонетически почва для смешения частиц, их совпадения в обоих планах. На современном русском материале активность подобного смешения очень интересно показана Р.И. Аванесовым (Аванесов, 1979): смешиваются конструкции с вопросительными местоимениями и *это — Что это он так грустен?* и конструкции с неопределенным местоимением *Что-то он грустен*, с промежуточным звеном — *Где-то он теперь?* Возникают ряды: *Кто это идет? — Ктой-то идет? — Ктой-то идет — Кто-то идет*. Р.И. Аванесов приводит много примеров подобного типа из литературных источников — даже из письма Ф.М. Достоевского (*Чтой-то не выходят журналы?*).

По сути, подобное наложение смыслов и звуков находим в указанной работе С.М. Толстой — частица *да* пересекается с *та* не только звуком, но и семантикой.

Синхронное существование континуума звук—смысл, где сходство звука поддерживает сходство смысла и наоборот, совпадает в пласте частиц с сосуществованием разных диахронических явлений, как бы спроецированных на одну плоскость. Разумеется, это явление есть и в сфере других языковых феноменов, но там, как представляется, более ясно разграничение современного и архаического пластов. Так, И.А. Киселев показывает родство *вот* и *это*: *вот < ото; о < *и.-е. *е; в* есть протеза, *т* — в обоих случаях местоименно-дейктический показатель (Киселев, 1976, с. 47), однако для русского языка оба этих слова одинаково современны. То же явление описывается для болгарского языка И. Добревым (Добрев,

⁸ Важно заметить, что не принимались в расчет данные "меньших" славянских языков. Между тем очевидно, что значительная доля именно индивидуальных лексем (судя по данным Словаря) представлена в обоих серболужицких языках; частой пометой является также: "не отмечено в полабском".

1962, с. 115): наличие в болгарском же соотносится с этимологически родственным -гъ-, -го- в *негли* (русское *нежели*), *него*, *кога*, *когато*, *тогава*; а также с конечной частицей — *зи* (по второй палатализации) — *този*, *тези*, *онзи*. Таким образом $\left. \begin{array}{l} \text{же} \\ \text{зи} \end{array} \right\}$ восходят к старой частице, родственной греч. γέ. Временное сосуществование создает еще одно измерение в континууме славянских частиц. В рамках одного языка эту континуальность представить трудно, только при сопоставлении общих славянских данных она проступает отчетливо.

Обратимся к шести общеславянским лексемам — частицам — *i*, *a*, *no*, *da*, *ano*, *tak*. Первые четыре односложны, они и есть минимальные партикулы. Две вторых интересны из-за наложения *da* и *ta* (по звуку—смыслу) и из-за того, что есть комбинация *a + no*. Для анализа материала привлекались данные Этимологического словаря славянских языков под ред. О.Н. Трубачева (ЭССЯ, т. 1–10) для частиц *a*, *u*, *da*; Этимологический словарь славянских языков под ред. Б. Гавранка (Et. slovník, 1980); Этимологический словарь русского языка М. Фасмера (Фасмер, 1964–1973).

Указанные частицы в целом передают следующие основные значения: 1) соединения — 'и'; 2) противопоставления — 'но'; 3) подтверждение — 'да'; 4) указание на способ действия 'так'. О более периферийных значениях будет сказано ниже.

Покажем, что каждая из этих частиц имеет все эти значения в рамках славянской общности.

- А — 'и'** — Чешский, Словацкий как известный факт. Сам. также У: *Стояв между двором а селом*; Б: *Цимох а Хомка пойдуць на работу*; Р_{ст}: *От рыдания а слез его скрачашеся гласъ его*; Сл: *Tri a tri*;
- 'но'** — У: *не до короля, а до народу*; Б: *не ношчу, а на свитанни*; Р: *не насильно, а добровольно*, Ч_{ст}: *Svět nedrží boha, а bоh svět drží*; Сл: *Ne pri nas, а pri vas*; С-х: *Ја мислим, да је код куће, а оно го њема*; М: *јас ај чакав, а таа не дојде*; Бг: *не живеем за да ядем, а ядем за да живеем* и т.д.
- 'да'** — Р: *Ты ведь это сделал, а?*;
- 'так'** — Сл.: *Kaj ti praviš, как si rekel, а?*
- Да — 'и'** — С-с: *придѣта да видита*; Р: *Отец да мать*; Б: *Знаецъ по то купец да мама*; У: *Був соби человек да жінка*; Бг: *Тоу е стар да не види*.
- 'но'** — Р: *Хотел туда поехать, да не успел*; У: *Пришов додому, да не застав работника*; Б: *Забелено, да ёсч невелено*; П: *Nie wieliczka to zbroya, да dobreńka*; С-х: *Не како ја хоћу, да како ти*.
- 'да'** — Р: *Ты это сказал? Да*; Бг: *Съгласен ли си? Да*; М — *Может ли да дојдеш? Да*; Бг: *Съгласен ли си? Да*; Сл: *Kaž, vi vsi? Da, mi vsi*; СвД: *Da veru doktor by sa zišiel do dediny*.
- 'так'** — Р_{ст}: *Аще хоцещи видѣти и да идиши нынѣ въ домъ*; Сл: *Jaz ti rečem, да ti piš*; С-х: *Да шта ћемо сад чинити?*; У: *Так той котик, як почув, да догнав лисичку*;
- И — 'и'** — Р_{ст}: *Десать и пять лѣтъ*; *Въстань и ходи*; Б: *На два-ре было сыра и холодна*; У: *Дала йому кари очи и чорнии брови*; П: *Walka na śmierć i życie*; Бг: *Надојдо-*

ха момци и девојки; М: Го најдов и го доведов дома; С-х; Посвадише се снаха и заова; Ч_{ст.} *Sam i tam svēt i moře; Potok i řeka.*

- 'но' — С-с: РОЖДЕНО ОТЪ ПЛЪТИ ПЛЪТЪ ЈЕСТЪ И РОЖДЕНО ОТЪ ДУХА ДУХЪ; РЪХЪ ВАМЪ ЈОУЖЕ И НЕ СЛЫШАСТЕ; Бг: *Знаеш и не ма обаждаш*; С-х: *Лаћан бих и не напитасте ме*; Ч_{ст.} *Hledati budeš miesta jeho, i nenalezneš.*
- 'да'
- 'так'
- Ч_{ст.}: *Tyš mój přítel zvláštný, i budeš apoštol v nebi začnu;*
П: *A wyszedłszy nie mógł mówić do nich, i wznali, iże widzienni widziat*; Б: — *Прийшоу дождж, и трава адразу зазелянула.*
- Но — 'и' — С-х: *Пошто су се напојили вина, но да рече*; П: *Skoro już pragnie sie z tobą zobaczyć, no to może idź do niej.*
- 'но' — П: *Miał się habilitować, no ale jakoś mi się nie udało*; Сл: *Jaz sem hotel, no ti ne*; С-х: *Благо није ни сребро ни злато, но је благо, што је срцу драго*; Св: *Chcel vstať, no pristupil ten dlhý vigan.*
- 'да'
- Ч: *Bylo by se vám stýskalo? No! To je horko! A: Więc ty bytás? No.*
- 'так'
- С-х: *Но видиш, мој драги...*; А но кад је тако; Ч: *Tam prý mají prase, no jedná radost.*
- Ано — 'и' — Ч_{ст.}: *Když jeho žena jme treskati, an sě roshněvájě z toho*; Р: *Musi si bielić, ano rozaeťo się je i polewo wodom.*
- 'но'
- Р_{ст.}: *На Кострому приехали, ано и тут протонопа изгнали*; Р_{д.}: *Поехал ан не успел*; Сл: *S teboj nič nitam, an s tvojim bratom*; Б: *Усего было много, ано прынуки не было*; Ч_{ст.}: *Rád by se byl nasytie mláta, ano jemu nedadiechi.*
- 'так'
- Р_{ст.}: *Не могли противу его ответати, ано исполнилися бјаше очи слез*; Ч_{ст.}: *Zemi pod sebou necitili, an tu hloubka byla prenesmirna*; Бг: *Зашто не го штеш? Ано не ми е прилика.*
- Так — 'и' — Р_{ст.}: *И цѣловаз образъ святыя Богородицы, ти тако изиде из цркве*; С-х: *Њим се испнете на брдо, таки бисте видели његов бели дворац*; Р: *Пропало, так нечего о том говоритъ*; Ч: *Cestu znal dobrě a tak tam brzy přišel.*
- 'но'
- Р: *Хотел поехать, так ничего не вышло.*
- 'да'
- Ч: *Tak, tak, babičko, pravdivé to přísloví*; Бг: *Написа ли писмото? Така*; У: *А він мовчить? Так*; Б: *Усе ў зборы? Так*; Р: *А оставаться мы не имеем права. Так?*
- 'так'
- Р: *Так нехорошо поступать*; У: *Нехай буде так*; Б: *Писаць треба так, а не иначе*; Р: *Tak musi być*; Ч: *Už je to tak*; Св: *Prosim nebrat' tak moje slova*; Сл: *Tako mi pomagaj*; С-х; *Тако треба писати.*

Приводя выше "перетекания" значений в общеславянском континууме, мы не говорили еще о случае отхода от смысла, но сохранении звучания. Например, русское *но* не есть по значению *ну*, но *No* польское равно *ну* — *No dobrze, pojdziemy; Dawaj, babo, siekierę, no!*

С другой стороны, в разном звучании можно найти сходные смыслы даже в одном языке. Например, *аж* и *даже* — синонимы, но *аж* — нелитературная форма. *Аж* < а + *že*. *А* имеет значение 'но' (см. выше) и *да* имеет

значение 'но'. Поэтому $a + ж$ } 'но' + 'же'
 $da + же$ }

Добавление реального *но* → *ажно* снова укрепляет значение *даже*, соединяя, как было сказано выше, сходное со сходным. Подобным образом могут быть сочленены и связаны в континуум почти все непервичные партикулы.

Однако прежде чем, несмотря на указанные выше сложности самого материала, представить описание формальной структуры славянских партикул, необходимо изложить некоторые исходные позиции, предшествующие данному описанию. Дело в том, что материалом исследования являются собственно славянские партикулы. Многие из них традиционно возводятся к застывшим падежным формам индоевропейских относительных или указательных местоимений, например, $a < \bar{e}d/\bar{o}d$ – Abl. Sing. от у.-е. $*e/o$; $i < *ei$ Loc. Sing. от $*e$; $da < u.-e.$ указ. мест. $*do/$ вариант $*to$ и т.д. Этот вопрос непосредственно связан с признанием (или установлением) некоторой идеи универсального диахронического пути языков исследуемого типа. А именно, возможен ли путь, при котором язык первоначальной общности, такой, как индоевропейский, с соответственным уровнем корреляции языка и цивилизации, имел столь богатую и давнюю систему местоимений с падежными формами словоизменения, уже успевшими "застыть" в виде наречных образований, не имея первичных коммуникативных элементов типа частиц? Ведь сам факт наличия разветвленной системы местоимений говорит и о высоком развитии анафорики (см. об этом как о позднем явлении в главе первой), иначе говоря, о давней истории развития связно-текстовых отношений. Где же тогда его, общиндоевропейского языка, частицы? Получается язык очень странной типологии, в котором на уровне коммуникативно-текстовом, с одной стороны, представлены *Lallwörter*, с другой – богато флективно выраженная система падежей местоимений. Во всех своих работах по славянскому синтаксису Я. Бауэру удалось убедительно показать, что путь от частицы к союзу – более поздний (Bauer, 1972), т.е. однонаправленный процесс. Точно так же встает прямо вопрос – от междометия к дейксису и от него – к флектированному местоимению или наоборот. Т.е. развитие – прогресс или регресс? На первой точке зрения стоят авторы чешского словаря служебных слов (Et. slovník, 1979), к ней присоединяемся мы в нашей работе. Именно к такому развитию – от дейксиса к анафоричности и относительным местоимениям – приходят авторы коллективной монографии о категории определенности в славянских языках (Категория определенности, 1979). Полностью солидаризируясь с точкой зрения К.Е. Майтинской (Майтинская, 1982) о том, что в течение длительного периода частицы и местоименные основы по существу неразличимы и как бы подменяют друг друга в высказывании, мы еще раз обращаемся к глаголу "соотносится", а не "восходит".

Второй проблемой является соотношение славянской и неславянских ветвей в этом аспекте. Славянские частицы часто соотносят с родственными компонентами древних индоевропейских языков – санскрита, греческого, латыни. Например, a с др.-инд. $\bar{a}t$ 'потом, затем, и, также'. Можно ли всегда принять при этом ту интерпретацию, согласно которой t в этом случае утрачивается? Ведь и в славянских языках мы в одних случаях имеем приращения, в других – нет. В частности, 'и' в словенском языке – $in < ino = i + no$. Если словенский язык обладает n , а другие нет, а при этом словенский был бы зафиксирован на более древнем этапе, то, строго говоря, как можно доказать то, что другие языки это приращение утратили, а не то, что только словенский его приобрел? Далее,

большая древность абсолютная не есть относительная древность языковой диахронии. Поэтому и латынь, и греческий, и даже санскрит по уровню диахронико-универсального языкового развития не обязательно есть предшествующий этап для общеславянского периода. См. у А. Мейе: "Славянский язык — это индоевропейский язык, сформировавшийся в результате длительного употребления, глубоко измененный многими влияниями, но в целом сохранивший архаический тип" (Мейе, 1951, с. 14).

Исходя из сказанного выше о требованиях большой осторожности при ориентации на несобственно славянские параллели, "конструктор" формального порождения славянских коммуникативных слов из партикул строится в настоящей работе с ориентацией только на славянские данные и факты истории славянской фонетики. Инвентарь партикул строился в соответствии со следующими внутренними установками.

1) Каждая партикула должна употребляться отдельно, изолированно и иметь при этом свою семантику и функциональную сферу — хотя бы в славянском языке. При этом ее минимальность должна быть признана изначальной, а не результатом позднего упрощения.

2) Каждая партикула считается отдельной и при соблюдении другого условия — она не разлагается далее на компоненты, каждый из которых, в свою очередь, может употребляться изолированно и со своей собственной семантикой.

3) Каждая партикула должна при этом быть зафиксирована в составном сложном комплексе, куда она входит в качестве части. При этом общее значение комплекса тоже должно соответствовать значению коммуникативных, "частичных" слов. Например, Р *ледащий* 'никчемный, дрянной' восходит к *lě + da*, где *lě* — 'только', *da* в значении опатива, отсюда П. *ladaco* 'не стоящее' не является таким комплексом, оно имеет конкретную оценочную семантику.

4) Таким образом, исследуемые комплексы не должны быть словами полноправной семантики, они — носители шифтерного значения.

5) В описываемый комплекс не входят, соответственно, слова с индексом H_1 (вторичные от зафиксированных славянских форм словоизменения) и с индексом H_2 (неславянские).

Не случайно анализ подобных образований приводит к выводу об описании через систему единиц, означаемых как *n*-овые, *t*-овые, *m*-овые, *d*-овые и т.д. (Майтинская, 1982; Et. slovník, 1980; и др.). Трудности выявляются в наибольшей степени при решении вопроса о вокальном составе партикулы (отождествление или различение *o* и *ъ*, *e* и *ě*, *jь* и *и*, и т.д.). Поэтому представим перечень исходных партикул по их консонантной опоре.

Состав консонантов такой:

v, s, j, ž
b, t, d;
k, c, č
m, n
l, т.е. 13 консонантов.

Обращает на себя внимание доминирование группы передне- и среднеязычных звуков s, ž, t, d, c, č, n, l; отсутствие p, обычно с необходимостью признаваемого первичным для общеславянского и индоевропейского состава. Самый значительным фактом мы считаем отсутствие r.

Общая фоника партикулы определяется: 1) открытостью исхода, он кончается гласной, 2) отсутствием сочетаний согласных — даже тех, которые характеризуют общеславянскую эпоху. Спорным оставался во-

прос о компоненте $-qd/-ad$ (см. *ot-sqd, dosqd, posqd, sqd, ot tqd* и т.д.). Он не был включен в основной состав не по закрытости исхода, а потому, что не подходит под первое правило – изолированного употребления.

Представляется, что указанные основные особенности: 1) открытая фонетическая структура, 2) отсутствие *r*, 3) отсутствие сочетаний консонантов (и тем более – сочетаний с плавными, столь характерных для славянского консонантизма) – резко противопоставляют частицы предлогам, в которых как раз эта фонетика представлена: см. славянские примеры подряд – *prama, predi, predtem, prema, prēmimo, prēmo, pri, přěčo, přiže, prjėdku, pro, proču, proč, pro-medju, proti, protiva/o, proz, prýmiz, přōdci* (Et. slovník, 1973, s. 208–227).

Сюда же можно отнести выбор *b* (звонкого коррелята у частиц) и выбор *p* – для предлогов (с *b* без пометы N_1 для славянского фонда отмечается только один (!) предлог – *bez* – Ibid.). Наконец, по своей основной функции предлоги и частицы также противопоставлены: предлоги ориентированы на денотативный аспект высказывания, частицы – на коммуникативный.

Сопоставим указанные ведущие признаки:

	Частицы	Предлоги
1. Выбор <i>b</i> (в оппозиции к <i>p</i>)	+	–
2. Наличие <i>r</i> в составе	–	+
3. Наличие консонантных сочетаний	–	+
4. Открытость фонетической структуры	+	–
5. Ориентация на коммуникативный аспект, а не на действительность	+	–

Таким образом, частицы и предлоги являются как бы служебными словами-антиподами⁹.

Все консонантные возможности описывались по следующему признаку: 1) может употребляться самостоятельно, 2) может употребляться в начальной позиции – 1-й, 3) может употребляться во 2-й слева позиции, 4) может употребляться в абсолютно конечной позиции. Представим соответствующие результаты, приведя по одному примеру в соответствующей графе.

Обращает на себя внимание и тот не совсем понятный, но явный факт, что губные согласные не могут оказываться в первой позиции комплекса.

На эти табличные данные спроецированы, несомненно, разные факты. Они нуждаются в выяснении спорных вопросов консонантного набора, во-первых, и в коррективах вокалического характера, во-вторых.

Вопрос о тождестве *t/d* в применении к частицам поднимался неоднократно (см. Et. slovník, 1980, s. 148–149); признание их двумя вариантами может объединить местоименные компоненты *tъ, ta, to* и др. и собственно частицы. Однако такое объединение – вне нашей компетенции и вне рамок собственно славянской фонетики, различающей *t* и *d*. Комплекс *ž, ř, s* также может быть преобразован сведением их *t, k* и *g* соответственно, но это также переводит славянский срез фонетики в некий реконструированный период, о частицах которого мы ничего не знаем. Далее, введение *g* в некоторых отношениях было бы полезно, так как, имея два варианта – *g, ř* и присоединяя к ним вторичное *z*, можно построить соответствующую серию с примерами вроде *že* изолированное, *nego, negzli* – 2-я позиция, *togázi* – конечная позиция, чего сейчас

⁹ Важно все же заметить, что эти признаки для частиц являются доминирующими, а для предлогов – только количественно преобладающими.

для *g* сделать не можем, так как для *g* нет изолированной частицы; поэтому *g* не включено в указанный консонантный набор, кроме того, *g*, *z*, *z* входят в общеславянский консонантный состав как самостоятельные единицы.

	Изолированное	1-я позиция	2-я позиция	Конечная позиция в многосложных словах
v	vo!	---	ovo	pokudova
b-	bo	---	libo	anebo
m-	my	---	kamo	tudyma
s-	сь	seliko	nu-s	avose
c	ci	cili	sice	ceici
n	no	nebo	ano	nebonъ
l	leŭ	libo	ale	neuželi
ž	že	ježe	uže	kog(ъ) daže
t	tu	tako	tutъ	kogato
d	da	daže	jeda	jъnog(ъ) da
č	če	čili	ače	nyněča
j	ju	ježe	kojъ	semkaj
k	ko	kъto	tako	ovako

Набор гласных оказывается более сложным для определения. Такие же критерии, как и для согласных, были основанием для выделения отдельных вокалических партикул. Так, отдельными единицами — партикулами явились *a*, *i*, *e* (С-с ОУ — временного значения). Нет оснований для выделения отдельного *ě* и отдельного *o*. Но если согласный является как бы опорой партикулы, то гласные одни не составляют комплекс-частиц. Поэтому для гласных был принят несколько иной критерий: включалась та гласная, изменение которой модифицирует смысл сложной частицы, т.е. обычный принцип фонологии. Ср. *али* и *але*, *или* и *али*, *или* и *иле*; *тоу*, *та*, *тъ*, *то*; *да*, *де* и т.д. По этому критерию не удалось обнаружить противопоставления *e* и *ě*¹⁰. Поэтому *e* отдельно не рассматривалось.

Включение вокализма позволило углубить представление о фонетике партикулярного пласта. Оказалось, что не все согласные в равной степени могут присоединять к себе весь набор гласных: одни представлены полным набором, другие — очень ограниченным.

Приведем максимальный список, отмечая не встретившиеся комбинации:

Из 91 возможных позиций (13X7) оказались заполненными 51, т.е. примерно 56%. Максимально заполненными оказались клетки *t*, *d*, *n* — все три: смычные, переднеязычные, зубные (к этим трем группам — *t*-овых, *d*-овых, и *n*-овых мы вернемся в конце главы).

Следующим этапом может быть порождение двучленных партикулярных комбинаций, а именно — 51 единичная партикула может в принципе соединиться с 51, т.е. дать (2601 вариант — 51) 2550 вариаций. Реальное же число гораздо меньше. Этимологический словарь служебных слов дает для русского языка 344 партикулярных лексемы (включая Н₁).

¹⁰ Кроме выделяемого значения неопределенности в *пѣкто*, *пѣсто*, обычно, однако, противопоставляемого *ni*.

с	а	о	и	е	j/y	ъ	ь
y	Бг тува	Р одиново	—	Сл tamve	Чст jedvy	С-с СИЦЕВЪ	—
b	В-слав. ба!	С-с БО	—	—	—	—	—
m	С-с КОЛЬМА	С-с ОВАМО	—	—	С-с ТОЛЬМИ	Рст тамъ	—
s	Р ну-ка-ся	—	—	Чст nužse	—	Р ну-с (?)	Р здесь
c	—	—	—	Чст sice	Сл zdajci	—	—
n	Р на!	Р но	Р ну!	Св, Ч ne!	Слав. ни	Рст онъ	—
l	—	Барх нало	—	Р еле	Р или	—	С-с КОЛЬ
č	Бг, С-х, Сл ча	—	—	Б, Сл че	С-с ЧИЛИ	—	Р чей
z	—	—	—	Р же	—	—	С-с КОЛИЖЬ- ДО
t	С-с ТАКО	Всесл. то	С-с ТОУ	С-х ТЕ	С-с ТИ	Всесл. тъ	—
d	Всесл. да	С-с/У ДО	С-с КЪДОУ	С-с КЪДЕ	Ч kudy	С-х сад	Чст ted'
j	Ч jaky	—	Чст juže	Ч jed(ъ)va	—	—	Всесл. и
k	Р -ка	Св кожь	У куди	—	—	Рст къто	—

Примечание. Приводится в каждом случае только по одному примеру в чисто иллюстративных целях. Разумеется, количественные сведения о возможностях реализации каждой позиции по всем славянским языкам дали бы гораздо более полное представление о потенциале отдельных партикул.

Словарь М. Фасмера дает 135 слов. Этимологический словарь под ред. О.Н. Трубачева дает для 10 выпусков подобных лексем 56, а общее число словарных единиц в этих 10 выпусках — 5141.

§ 4. СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА СЛАВЯНСКОГО ФОНДА ПАРТИКУЛ

Все сказанное выше относилось либо к количественно-типологической стороне славянских корреляций, либо к чисто формальной (фонетической стороне) самого партикулярного состава. Между тем, несмотря на то, что и звуковую структуру партикул и их значения можно представить как поле общеславянского континуума, все же допустимо говорить об определенном закреплении за теми или иными партикулами некоторого заданного смысла. Именно поэтому в последнее время в исследованиях, посвященных глубокой истории частиц, все чаще их определяют как *l*-овые,

n-овые, и т.д. (Et. slovník, Майтинская, 1982), тогда как ранее стремились каждую частицу рассматривать скорее как слово во всем значении этого термина и по этому принципу описывалась этимология частиц, тогда как этимология, видимо, в этом случае могла быть несколько иной. Видимо, частицы — максимально "асимметричный" языковой знак.

Задачи настоящего раздела: 1) описать основные значения, связанные с той или иной группой партикул, 2) попытаться хотя бы кратко наметить грамматику порядков семантического плана (о собственно позициях см. выше), т.е. определить, какая сема "побеждает" на синтагматической оси при их линейном соположении.

Основными мы считаем значения, не связанные имплицативно с другими. Например, противопоставление влечет за собой уступительность (*Он сражался храбро, но я был сильнее*); условие почти всегда идет за вопросительностью и разделительностью (*Брожу ли я вдоль улиц шумных...*). Поэтому подобные, союзные, гипотактические значения не рассматривались.

Рассмотрим приведенные выше консонантные группы партикул:

1. Наибольшее число значений имеют *n*-партикулы¹¹.

А. Значение указательности (не ближнего дейксиса)

n- Общесл. см.: *онъ, ѣ-нъ, тъ-нъ, онънъ* и указат. *вон, оно, воно* и их корреляты.

Б. Значение адверсативности *нъ, по* — Р: *На дворе холодно, но здесь тепло*; Бг: *Високи, но не много гъсти брези*; Р_{ст}: *Не бѣше міра межи ними, нъ рать*.

В. Значение неопределенности *нѣ* — С-С: *АШТЕ ЛИ ДА СЪЛУЧААШЕ СѦ НЪ У КОГО УМУДИТИ ЁМОУ*; Б: *Некуды шло, нехай себе і так*; Сл: *Negde je bogat*; Р_{ст}: *И се паки чернецъ неколи показалъся у мене* и т.д.

Г. Значение отрицательности *ни, не* — С-с: *ПРОРОКЪ ЕСИ ТЫ? И ОТЪВЪШТА: НИ; БЪДИ ЖЕ СЛОВО ВАШЕ ЕИ ЕИ И НИ НИ*; Б: *Не сказаў бы ты николи, што то дачка мужыкоў*; С-х: *Јер су Турци стари варалице, у Турчина нигде вере нема*.

2. Партикулы с опорой на *t*:

А. Значение указательности с отчетливой определенностью — *тъ, то* (и производные). См. тип *тъ-тъ-Р*, Св_д, Ч_{ст}; *тѣѣ* — Сл_{арх}; С-х; *тѣ-нъ* — П, Сл, Св_{ст}; Ч; Р_{ст}, У, Б, М, Бг.

Б. Значения неопределенности *-то* (позднее) — Р: *какой-то, что-то, где-то* и т.д.

3. Партикулы с опорой на *d*:

А. Значение соединения *да* с разными дополнительными смыслами, возникающими при связи событий: *Иван да Марья*; *Рад бы в рай да грехи не пускают*; *Да не бях го видел с очите си, не штах да вярвах*; М: *Да зачинам, не се врак'ам*.

Б. Значение локализатора времени *da/dy/de*. С-с: *КЪДА*; Сл: *anda* Р_д: *покуда*; П: *kiedyž*; Сл: *kadar*; Р: *когда*; М: *кога*.

В. Значение локализатора местного *dy/de* — С-с: *СХДЪ, ТХДЪ*; Ч: *kudy*; П: *кеду*; Б, У: *куды, туды*; Р: *где*; Р_{ст}: *къде* и т.д.

4. Партикулы с опорой на *k*: Это самый трудный для определения смысла набор. Условно его можно сформулировать так:

А. Указание на нечто реальное, но не совсем ясное и потому подлежащее выяснению, т.е. синкретичная сема вопроса, неопределенности и опре-

¹¹ Серийное употребление вроде *ни... ни...*; *то... то...*; *и... и* не рассматривается.

деленности — *ko, kog(ъ)da; koj; koliko, koter, kqđě/kqđu/; kqđě* и их эквиваленты.

Б. Побуждение — *ка/ко*. Вызывает желание свести эти частицы воедино значением неясности и экзистенциальности: (см.: ЭССЯ, вып. 10.) *ко* (слов. *ko pridi* 'иди-ка сюда') возводится к мест. ср-р, аналогично **to, *je, *ze* (Там же, с. 84). *Пойди-ка, Дайте-ка*.

В. Создание определенной, идентифицированной адвербиальности: *jako, kako, tako, овако, онавако* и т.д.

5. Частицы с опорой на *v*- имеют дейктическую сему с элементом характеристики: *таковъ (Р), сицевъ, това (Бг), туткива (У), овъ (С-с), ова (Р)*.

6. Частицы с опорой на *b*- имеют два значения:

А. Разделительности: *abo, alebo, alibo, ibo, libo, nebo* и т.д.

Б. Пояснительности — У: *Бо ты, дидусю, став суровый*; С-с: *ЧЪТО БО СЪТВОРИ ЗЪЛО?*; *БЛАЖЕНИ БО ЈЕЖЕ НЕ ВИДЪВЪШЕ ТИ ВЪРОВАША*; П: *Niech się pan nie obraża, bo ja prawdę mówię*; Б: *Не прыду, бо няма часу*.

7. Частицы с опорой на *m*-. Общее значение адвербиальности — *там, сям (Р), овамо, онамо (с-х), камо (С-с)* и т.д.

8. Частицы с опорой на *s*-.

А. Значение определенности, С-с: *СЕ БО ЈЕСТЪ ЗАКОНЪ И ПРОРОЦИ*; Р_{ст}: *А се суть инии языци*; Р: *До сих пор, до сей поры, до сего числа; Сим подтверждаем*; С-х: *утрость, утрошней*; М: *летоска, Р_{ст}: веснусь, С-х, М, Бг: пролетос* и т.д.

Б. Значение неопределенности *kъdesi, kъtosi* — Ч_{нар}: *Máme trpět jen proto, že se kdosi spletl*; Св: *Na prvom voze ktosi ticho spieva*; У: *Хтос далеко спива*.

9. Частицы с опорой на *ž*-. Имеют значение определенности, подтверждения 'именно, ведь', суживающейся идентификации: Ч: *Že tě uhodím: že přijdeš?* Св: *Že sa nebolíš!*; С-с: *АЩЕ ЛИ ЖЕ ЗАБЪДЕТЬ, АЗЪ ЖЕ НЕ ЗАБЪДХЪ ТЕБЕ*; Р: *Я окончу свою работу, а окончу же я ее в пятницу*.

10. Частицы с опорой на *l*-.

А. Значение разделительности с переходом в вопросительность — С-с: *КОГДА ТА ВИДЪХОМЪ АЛУХЦА, ЛИ ЖАЖДХША, ЛИ СТРАННА*; Р: *не знаю, ты ли, он ли, или кто-нибудь другой это сделал*; Сл: *Li ni to krivica?*; С-х: *Знаете ли шта?*

Б. Значение единственности и отсюда — адверсативности — Ч: *Je to leda pro zlost; leda blázen by to udělal*; С-х: *Ако би проиша моја не била подобна, ли помозиме*; Сл: *Majdalenka je le naša; Le pridi, sem sama doma, le idi*.

Представляется, что именно эти две семы повлияли; первая на возникновение конструкций *кто-либо* (вм. *кѣто-любо*), а вторая — на появление *лишь* (*ли-шь*) в значении 'только'. Оба этих совпадения семантико-парономастического, а не генетического свойства.

11. Частицы с опорой на *j*-. Здесь предлагается только указательное соотносительное *jь* → *и*; как представляется, значение всех остальных частиц с *j* формируется по гласному — С-с: *ПОМЪНХ ПЕТРЪ ГЛАГОЛЪ ІСОУСОВЪ ІЖЕ РЕЧЕ ІМОУ*.

12. Частицы с опорой на *c*-. Не имеют своих собственных значений, пересекаясь (и историческим путем) с *k*-частицами.

Итак, можно поставить вопрос о том, на что же именно обращалось внимание в коммуникативно ориентированных словах восстанавливаемого раннего этапа.

Выясняется, что в центре оказываются три феномена: 1) объект речи, 2) событие в целом, 3) уточнение события — "кулисы", по теории актуального членения.

В отношении объекта существенной является его идентификация. В строгом смысле партикулы этой семантики все входят в синкретичное поле определенности—неопределенности, т.е. это именно принцип поля, где одни больше тяготеют к указательности—определенности (включая относительность—определенность: *v*-овые — *овъ, зво, овако*), другие совмещают определенность—неопределенность как бы в одном ящике: *t*-овые, *s*-овые, третьи соединяют определенность с неопределенностью и отрицательностью: *n*-овые¹²; четвертые — определенность с неясностью: *k*-овые; пятые — неопределенность с выделением, разделительностью — *l*-овые;

В отношении события также вводится в коммуникацию его определенность — $\check{z}(g)$. Р: *Ты не забыл написать письмо, говорили же об этом*; С-с: ДОСТОЯШС ЮМОУ ПРОИТИ СКВОЗЬ САМАРИХ, ПРИДЕ ЖЕ ВЪ ГРАДЪ:

его неясность *l*-овые, С-с: ТЫ ЛИ ЕСИ ЦЬСАРЬ ИНОУДЕИСКЪ; ОТЪ НА-ЗАРЕТА МОЖЕТЪ ЛИ ЫТО ДОБРО БЫТИ? Р: *Далеко ли от васъ до вокзала?*;

события сопоставляются — ЙОНХ АЗЬ ОУСЪКНХХЪ, КЪТО ЖЕ ЕСТЬ СЪ?;

противопоставляются — Бг: *Марко се понамръшти, но не отговори ни-што*; Р: *Журча еще бежит за мельницу ручей, но пруд уже застыл*;

поясняются — С-с: ВЪ ИСТИНХ И ТЫ ОТЪ НИХЪ ЕСИ, ИБО И БЕСЪДА ТВОА А ВЪ ТА ТВОРИТЬ;

актант побуждает к событиям — Р_{ст}: *Ну буди въсегда добръ стражъ тьлу восму*; Р: *Ну, расказывай*; Сл: *Nu tedaj, vi bogati, plačite se!*

Событие уточняется через обстоятельство места действия:

С-с: СЪМО И ОВАМО ТЪКОША; С-х: *Њемој шетати тамо овамо*; М: *Оди ваму таму и способа* — Р_{ст}: *И тако вься служба ихъ съ благослов-лениемъ съверьшається*; Св — *Prosím nebrat' tak moje slovd*; Сл: *Tako mi potagaj*.

Таким образом в оставшемся ядре общеславянских коммуникативных слов категория определенности—неопределенности в широком смысле, пожалуй, является особенно важной: тот — не тот, какой же? Все те значения, которые связываются теперь с частицами, а не с собственно партикулами, т.е. Partikelsemantik, не вывляються, все они связаны со скрытой семантикой — нормы, оценки, характеристики, указания на другие события, пресуппозитивным фондом знаний и т.д. (см. главы II и III). Весь этот мир коммуникативных аллюзий связан, видимо, с позднейшим этапом эволюции коммуникативного речевого обмена, а нагрузка, доставшаяся в этом плане именно частицам, объясняется именно их запрограммированной коммуникативной размытостью, во-первых, и стремлением человека повысить многоканальность информации речевого отрезка, не увеличивая его протяженности, т.е. соображениями психолингвистическими, во-вторых.

При этом указанные семы могут сложным образом комбинироваться по двум основным принципам комбинации частиц: 1) комбинируется сходное со сходным; 2) комбинируются несходные семы.

При этом некоторые партикулы оказываются партикулами сильной семантики, сохраняя ее при всех комбинациях и перестановках: это: *s* — сильная определенность; *t* (определенность прежде всего). Эта опреде-

¹² Этот же путь *n*-овых показателей, где отрицательное значение появляется позже, показывает для финно-угорских языков К.Е. Майтинская (Майтинская, 1982).

ленность побеждает, в частности, при сочетании с *li* (ли). *Ли* обладает не такой сильной семантикой (неясность, разделение), она сохраняется в изолированном положении, в комбинации с *бо*, где *ли-* в первой позиции, но сочетании с *г-* определено — *толи* — С-х_{ст}: *Ной тмаста толи није, да не може девојка бит познана*, хотя имеем *али, дали, или*, где *ли* сохраняет свое значение. Точно так же *г-* побеждает неопределенность *к-* в *так*: *Так поступајте, а не иначе*.

Некоторые комбинации приобретают, в свою очередь, устойчивое единое значение, например, *лико* количественное значение; *селико, толико, колико*; *амо* значение местной направленности — *тамо, овамо, онамо*; *ако* способа действия: *окакъ, такъ, так* и т.д.

Поскольку наиболее важным явилось, по нашим выводам, отношение к категории определенности (и здесь вполне очевидно, что все этимологические словари относят основное ядро партикул с местоименными корнями, обсуждаемым остается лишь вопрос о связи их непосредственно с застывшими падежными формами), существенно посмотреть, какими способами формировалась неопределенность как категория в славянских языках.

Всего можно выявить три основных способа построения собственно неопределенности, каждая на своем начальном этапе как бы амбивалентно скреплена с определенностью (проследить их взаимную эволюцию с опережением или отставанием — вне нашей компетенции).

I. Добавление частицы-партикулы. Она может быть добавлена в начале, слева (А), может присоединяться к концу, справа (Б).

А. 1. *Да* — У: *Дахто, дащо*; Св: *dakto, dačo, dakú, dakde* и т.д.;

2. *Ј* — Ч_{ст}: *Ј коту*; С-х: *итко; икакавъ, икада*;

3. *Ede* — Бг: *Едекои, едечто, едикде*. Ср. С-с: **ЕТЕРЪ КЫИ, ЕТЕРЪ ТАКОВЪ**;

4. *Leda* — У-Б: *Ляда каго, Ледай хто*;

5. *Њ* — общеславянский префикс неопределенности — *нѣсьсо/нѣсьто, нѣсьбј, нѣкъто, нѣкотер, нѣкако* и т.д. и их производные;

6. *Кoj(e)* — восточнославянский: *Кое-где, кое-кто*; Б: *коияк*.

Б. 1. *Si* — в основном У Б П Ч Св — П: *Ktoś, coś, gdzieś*, Ч: *kdoši, cosi*, Св: *ktosi, čosi, kedysi* Б: *штос'ци, хтось'ци*; У: *хтось*, Сл: *kdor* и т.д.;

2. *To* — Р: *какой-то, кто-то, где-то* и т.д.;

3. *Libo* — Р: *кто-либо, что-либо*, С-х_{ст}: *што-либо, кто-либо*.

II. Употребление в неопределенном значении слов, имеющих параллельно другое значение

јасу (Р_{ст} и Д) — *Јасу кто; Какі јасу*;

jedъnz — общеславянское значение неопределенности и слав. коррелят неопределенного слова со значением 'unus'.

(j)edinъ — в западнославянских языках имеет значение неопределенности; Ч *jistý*, Св *istý*; в южнославянских — определенности, идентичности: М *исти*; С-х *исти*; Сл *isti*.

koter/kъter/kotorъ/kъtorъ и их корреляты. Общеславянское употребление.

kъto — общеславянское и все родственные слова. В русском языке это употребление прослеживается Л.И. Миловицким (Миловицкий, 1971) и др.

ѣто — общеславянское употребление.

В указанных словах происходит как бы перераспределение основных партикул в их грамматике порядков, возможен третий путь — соединение с знаменательным словом не из набора партикулярных лексем; эти ком-

поненты также могут добавляться в начале или в конце слова:

Ш₁ *byti* — У: *Будь-кто, будь-что*;

chotěti — Св: *cht'a/st'a — st'akedy; st'akede*;

vol'a — Св: *vol'akto, vol'ačo* — выводится из венг. корня *val-* 'быть, существовать' в наложении с *voliti* (сл. глагол желания) — Et. slovník, 1973, s. 727;

věkz — Ч: *kdekoliv, ačkoliv* (ст. — *kolvěkz*), Св: *ktokol'vek*, П: *ktokoľwiek*;

ljubo — Ст-сл: *кѣто люубо*; Р_{ст}: *кѣто либо*; С-х_{ст}: *кто либо*.

Ш₂ + *byti* — Р¹³: *Кто (ни)будь, что (ни)будь*; У: *кто будь, что будь*; П: *ko bądź, gdzie bądź*; Ч_{ст}: *čsobud'*.

chotěti — Ч_{нар}: *kdochce, kdechce*; У: *кто хотя*.

§ 5. СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ И ФОРМАЛЬНО-СМЫСЛОВАЯ СТРУКТУРА ПЛАСТА ПАРТИКУЛЯРНЫХ ЛЕКСЕМ

В работе "Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском" А.А. Зализняк отмечает сосуществование в древнерусском языке двух моделей сочетания местоимений с частицами-релятивизаторами, обе модели создают относительную конструкцию: модель *кѣто же* и модель *кѣто то* (Зализняк, 1981), обе они имеют типологические параллели, которые приводятся в статье. Модель *кѣто же* отмечается широко в старых памятниках западнославянских языков, словенские слова на *-r*: *kdor, kadar, kolikor* и др. восходят к *že, кѣто то* выступает в болгарском языке; в западнославянских языках отмечаются и две модели одновременно — Ч: *kteryžto* (книжн.), П_{ст} *któryžto*, Св: *kdežto* и т.д. (Там же, с. 89–93 и далее).

Важным для типологических сопоставлений оказывается критерий, сама возможность введения которого может оказаться проблематичной. А именно — можем ли мы говорить о случайности в историческом процессе выбора — элиминирования той или иной частицы (партикулы)? Не наблюдается ли при этом какой-либо отчетливой преференции? И какой именно — чисто фонетической, или фонетико-семантической, или чисто семантической?

Например, всеславянский тип *koliko* представлен С-с: КОЛИКО, Ч: *kolik*, Св: *kol'ko*, СлД: *koliko*, С-х: *колико*, М: *колку*, БгД: *колко*, П: *kilka*, Б: *колькі*. Но почему в русском и украинском мы имеем наращение с: *сколько*, РД: *скоко*; У: *скільки*, УД: *скілько*?

Диапазон подобных разбросов, наращений и опрощений можно практически отметить для каждой партикулярной лексемы общеславянского фонда.

Например, *ot-kol* имеет формы с коренным *o* — Р: *отколь, отколева*, У: *відкіль*, УД: *водкил*; Бг.: *отколи, ѣтколи*; с коренным *u* — РД: *откуль*, Б: *адкуль*, Св_{ст}: *odkul'*; с коренным *l* — РД: *откель*, ПД: *odkiela* Св_{ст}: *odkel'*; с коренным *a* — УД: *откаль*, С-х: *откале*, Св: *odkial'*; с коренным *yi/i* — РД: *откиль, откуля*. Подобные чередования имеются и в исходе слова. Например, *kog(ъ)da* имеет исход *-da*: С-с: *когда, когда*; Р: *когда*, С-х: *када*, СлД: *keda*, Б: *кога*, М: *кога*; исход *dy* — РД: *когда, кады*; Ч_{ст}: *kehdy*, СвД: *kedy*, С-х_{ст}: *кади*, П: *kiedy*; с консонантным исходом — Св: *ked'*, УД: *кедь*, ПД: *kej*; с утратой консонанта — ПД: *kie|ke|ky|ki*.

Всегда ли подобные преференции объясняются историко-фонетическими

¹³ Возможно, к этому принадлежит и *-si* (см. выше) — Et. slovník, 1973, с. 303.

законами данного языка, даже если речь идет о двух видах предпочтения: выборе той или иной партикулы – при предоставлении этого выбора и о выборе звукового облика партикулы, если этот выбор предоставляется также. То, что выбор осуществляется активно вплоть до самого последнего времени, видно по тем пометам, которые дают для анализируемых единиц сопоставительные словари: одна и та же единица, нормативная для одного славянского языка, в другом будет представлена только в диалектном материале, в третьем – только в старых текстах и т.д.

Однако некоторые различия типологического характера, вернее зональные тяготения, можно увидеть. Например, различаются зоны [jako] – [kako]. Зона [jako] представлена скорее в западных языках – П: *jak*, У: *як*, Б: *як*, Ч: *jak*, Св: *jako*. С к представлены южнославянские и восточнославянские языки – Р: *как*, С-х: *како*, М: *како*, Сл: *kako*, Бг: *как* (однако необходимо признать, что в старых языках, и в старославянском, оба типа сосуществуют – П_{ст}: *kako*, Ч_{ст}: *kako*, но Р_{ст}: *яко*, С-х_{ст}: *яко*). Подобным же образом различаются по языкам адъективные образования от этих же фонетических единиц: ср. Ч: *jakú* и Р: *какой*, *каков*, С-х: *какав* и т.д. (на неславянских древних коррелятах обеих моделей мы сознательно не останавливаемся). Из только что приведенного примера можно сделать вывод, что западнославянские языки предпочитают йотацию в инициальной позиции. Что это не совсем так, убеждает другое деление – *jed*(ъ) / *led*(ъ) в *едва*-лексеме. Начальную йотацию отмечают в С-с: [Єдъва, Р: *едва*, Ч: *jedva*, С-х: *jedva*, Сл: *jedva*, М: *одвај*, Б: *едва*; вариант *le*, считающийся вторичным, отмечается для Б: *ледз*, *ледзьве*, У: *ледве*, Св: *ledva*, П: *ledwie*. Определение второго варианта как вторичного не объясняет предпочтения, поскольку все эти языки знают йотированные инициалы.

Подлинный ответ на все поставленные вопросы о причинах (и фактах) типологической дистрибуции частиц в славянском континууме можно получить лишь в том случае, если каждую славянскую частицу проанализировать так, как проанализировал частицу *бо* Бауэр, дистрибутивная схема которого приведена выше (см. рис. 2 на стр. 26). Эта схема демонстрирует не только дистрибуцию, прерывность, типологию распределения, но и обратное – непрерывность славянского континуума, удивительным образом в этом пласте коммуникативных слов сочетающегося с избирательностью. В целом ситуацию можно характеризовать как одновременное 'и' + 'или' (недаром *и* включается в *и-ли*).

Однако в целом можно говорить о некотором предпочтении в южнославянской зоне консонантной структуры – *v, m, n, d*; для западнославянской зоны – *s, ž* (см. выше у А.А. Зализняка о выборе *že* релятивизатора для западных языков) и *ot* – для восточнославянских языков.

См. южнославянские *евај*, *еваки*, *евако* (С-х), *иново* (Сл), *ионако* (С-х), *инамо* (С-х), *каконо* (С-х, Б, М), *камо* (Сл, С-х, М, Б), *нака* (Сл, Бг); *нали* (М, Бг), *етавако* (С-х), *некамоли* (С-х), *нели* (Сл, М, Бг), *некамо* (Сл, С-х), *оданле* (С-х), *одавде* (С-х, М), *одавле* (С-х), *оле* (М, Бг), *онако* (Св, Сл, С-х, М, Бг), *онамо* (Св, С-х, М, Бг), *овамо* (Сл, С-х, М, Бг), *ово* (С-х, М, Бг), *оволико* (С-х, Бг) и т.д., а также *дакако* (С-х), *дако* (С-х), *дали* (С-х: М, Бг), *дано* (С-х, Бг), *дури* (М), *дори* (Бг) и др.¹⁴ Таким образом, можно высказать гипотезу о том, что южнославянским языкам свойственна большая соноризация, при этом выбирается тот или иной член набора в соответствии с этим.

Несмотря на высокую частотность *же* в старославянском языке, именно западнославянские языки присоединяют эту частицу к местоименному

¹⁴ *p < же* здесь и в подобных случаях.

исходу – ср. Ч: *tǐž, tenže*, Св: *tenže*, П: *tenže*; в этих же языках местоимения неопределенной семантики присоединяют *-si* (*s̄-, s̄', si*). Таким образом, в западнославянских языках сильнее тенденция к предпочтению фрикативных шумных – *ž, š'* (это входит в обывательское представление о "шипящих" звуках в этих языках).

Русский язык всегда предпочитает *т*-овые партикулы, даже их редуцируя (*чь-то + то* и т.д.), поэтому, возможно, *вон* и оказалась в такой изоляции, сохранив первоначально архаическое собственно дейктическое значение (см. гл. 2). *Т*-овая партикула в то же время явилась основой болгарского и македонского артикля (см.: Стоянов, 1968), а также релятивизатора: Бг *които, когато, като, където* и т.д. Таким образом, одна и та же партикула явилась источником как русской неопределенности (*что-то, когда-то*), так и болгарской определенности: *-ът, -от, -та, -то*. Это еще раз подтверждает мнение о первоначальной синкретичности, амбивалентности показателя неопределенности – определенности. По частотности *т*-ового показателя болгарский и македонский языки, сохраняя указанные фонетические особенности, сближаются с восточно-славянскими (особенно с русским).

* * *

Обращаясь вновь к проходящей через всю книгу теме неопределенности, на наш взгляд, более сложной концептуально, чем определенность, попытаемся сопоставить некоторые типологические данные выражения неопределенности имени в славянских языках. В последние годы этой теме посвящен ряд интересных исследований, причем многие из них сопоставляют именно внутриславянские данные (Hlavsa, 1972; Лашкова, Куева-Шверчек, 1979; Куфнерова, 1980, Křížková, 1971; Дончева, 1970, Ивић М., 1971, Topolińska, 1978; Грозева, 1979). Во всех этих работах не рассматривается русский язык, который, по нашему мнению, обладает максимальным диапазоном средств выражения неопределенности (см. эту же точку зрения в указанных работах Биркенмайера). Наша концепция семантики русских неопределенных местоимений, состоящая в приписывании им признака особенности, специфичности, выделения объекта из класса ему подобных, подтверждается фактами, приведенными славистами в указанных выше исследованиях. Сопоставляя полученные ими результаты, можно уже с уверенностью говорить о том, что релевантным оказывается в плане содержания названный признак индивидуализации объекта, вводимого неопределенным местоимением, а в плане выражения – порядок слов, передвигающий неопределенное имя в крайнюю позицию, где ее линейная семантика делает имя неопределенным (без детерминирующего сопровождения). В этом отношении можно наметить общие черты всего славянского континуума в оппозиции к неславянским артиклевым языкам, с одной стороны, и движение "артиклеобразности" неопределенных детерминантов по степени убывания с юга (хотя и в балканских языках существует целая гамма расхождений – см.: Reiter, 1967) на запад, затем на восток, к крайней точке – русскому языку.

Остановимся на употреблении лексемы 'один'. М. Грозева, сопоставляя болгарское *един* с немецким *ein* (Грозева, 1979), демонстрирует факты, вполне соответствующие высказанным положениям. Например, в предикате, видимо, запрет на 'один' существен для всех славянских языков – *Das Auto ist ein Verkehrsmittel* / *Колата е превозно средство*. Но в значении 'всякий', 'любой', где русскому языку противопоказан *один*, лексема употребляется в обоих языках – *Ein Haus kostet viel Geld* / *Една къща струва много пари* и *Всяка къща струва много пари*. См. также о *један* в работе

М. Ивић — *Tu si jedan bezobraznik* (Ивић, 1971). Здесь объединяется предикативность и типичность представительства (т.е. запретные зоны для русского *один*). Таким образом, генерализация выражается в южнославянских языках через 'один'. Вторая сема — выражение заурядного (т.е. не-особенного) представителя некоторого класса. В этом случае артиклевый неславянский язык требует обязательного неопределенного артикля. В болгарском языке может быть *ѐ, един или някой, някакъв*. Во многих примерах М. Грозевой в русском языке не было бы *один*: *Dieses Bild ist ein Rembrandt/Tazi картина e (един) Рембранд; Heute ist ein Tag!* Днес е един ден!; *Und die Rüscher ist auch so ein Trampeltier/И Рюшер е една глупачка*. См. у М. Ивић — *Имао је лице једног Квазимода* (Ивић, 1971). Однако при сопровождении абстрактного имени 'один' опускается и в болгарском языке — *Er fuhr ein angenehmes Leben/Tou води приятен живот* (Грозева, 1979). При сопоставлении болгарского и чешского языков (Куфнерова, 1980) уже больше сходства западнославянской и восточнославянской систем. Порядок слов в чешском языке также связан с неопределенностью — *Чувствувах, че един водопад се е надвесил на главата ми/Cítíl jsem, že mám nad hlavou na spadnutí vodopad*. В случае же новой, выделяющей информации оба языка употребляют 'один': *една красива сграда — jedné krásné budově*. Но уже при собственных именах *един* переводится как *takový*. При сопоставлении с белорусским языком болгарское порядковое числительное с членом — *единият* уже переводится как *адзін*, т.е. выделенность необходима — *Идат двама души, единият дякон Викентий/Идуць, двое, і адзін з іх дзякан Вікенцій* (Лашкова, Куева-Шверчик, 1979). Специфическая неопределенность — русские *какой-то, некий, некто* в болгарском языке через эквиваленты *някакъв, някой* передает также немецкое *ein*, но именно здесь в болгарском языке выражается индивидуализация, выделенность (аналог *один*): *Wo eine Hebamme wohnt? — Къде живее някаква акушерка?*; *Franz suchte nach einem Wort — някаква дума; ... und zu einer willkürlich Schriftart zu werden — и да се превърне в някакъв произволен начин* (Грозева, 1979). Также именно неизвестности македонского *некој*, которое сообщает; что "говорящий не в состоянии идентифицировать", обсуждает З. Тополинска (Topolińska, 1978). См. также в сербохорватском — *Можда је то био некакав сан. Или нека пуста тишина у њему* (Křížková, 1971). В чешском же языке *nějaku*, — генетически близкое слово, употребляется в двух значениях, соответственно эквивалентных русским *-то* и *-нибудь*: (1) *Četl to v nějaké knize (какой-то)*, (2) *Vypůjč mi nějakou knihu (какую-нибудь)*. Зато в чешском языке местоимения с *-si (jakýsi)* более точно соотносятся с *какой-то*, а местоимения на *-koli (jakýkoli)* — с *какой-нибудь* (Hlavsa, 1972). Разница в системе неопределенных местоимений всех трех групп языков отчетливо прослеживается на одном примере Зл. Куфнеровой: *Трябваше да изберат едно момче, неженено — Musili si vybrat nějakého chlapca svobodného* (Куфнерова, 1980). В русском языке было бы *какой-нибудь*. Но мысль наша в целом состоит в том, что существует в русском языке некий сдвиг в сторону определенности на два порядка по сравнению с южнославянскими языками на один — по сравнению с западнославянскими¹⁵. А именно: обозначив русские слова как семы: 1) 'один', 2) 'какой-то', 3) 'какой-нибудь', мы можем обозначить, например, болгарское *един* как потенциальное 1—2—3; чешское *nějaký* как 2—3. Таким образом, русские неопределенные местоимения наименее артикле-

¹⁵ Х. Беличева-Кржижкова отмечает для литературного русского языка отсутствие корреляции *какой-нибудь/который-нибудь* (ср. *nějaký-některý*, ср. белор. *каторы-небудзь*), которая также могла бы дать дополнительный смысловой ряд (Křížková, 1971).

образны: они нацелены не на типизацию, а на индивидуализацию (см. гамму максимальной неопределенности: *кто-нибудь, кто-либо, кто бы то ни было, кто угодно*, формирующуюся уже в последние этапы развития языка). Доказательства всему сказанному, как представляется, можно найти в анализе русских неопределенных местоимений в гл. 2 и 3.

§ 6. НЕКОТОРЫЕ НЕСЛАВЯНСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

Генетическое тождество основных славянских партикулярных показателей на уровне общеиндоевропейской и индоевропейской параллелей других семей издавна обращало на себя внимание и описывалось. Действительно, не могут не поражать такие примеры, как санскр. *evá* 'именно, же', санскр. *etád* 'это, то', *enád* 'то, оно', санскр. *ka* 'кто', лит. *và* 'вог', лит. *gi* 'же' и т.д. Поражает здесь собственно одно — неизменность скрепленности звуковой и смысловой единиц, сохраняющаяся на протяжении тысячелетий. Все индоевропейские корреляты партикул, соотносящихся с категорией определенности—неопределенности (а как было выше показано, все частицы соотносятся так или иначе с этой категорией, только на более позднем уровне развивающийся пресуппозитивный фактор связывает их с более широкой определенностью — общекоммуникативным фондом знаний), на уровне других семей языков в общеностратическом плане прослеживаются в большой работе Вяч.Вс. Иванова (Иванов, 1979). На общность ведущих консонантных опор партикулярных лексем указывает еще В.М. Иллич-Свитыч (Иллич-Свитыч, 1971, 1976) — *ja* — 'какой, который' (с. 142), *na* — указ. мест. (с. 332), *ke* 'кто' (с. 223), *ko* — 'кто' (с. 232).

Ср. также у него указ. частицу $da < d/ad$ $\left\{ \begin{array}{l} *dh \\ *d \\ t \end{array} \right.$ (с. 59), усилительную

и соединительную частицу *daHh* (с. 60) и др. Однако для данного исследования существенно выявить сходство (или различие?) моделей образования звуко-смысловых комплексов, проверить универсальность или языковую специфичность процесса создания частиц из единичных партикул. Размытость семантики частиц, их полифункциональность в индоевропейских языках уже отмечалась в главе первой как одно из их основных свойств. См. вед. *ní* (*ní*) — 'теперь', 'тут', 'вог', 'еще', 'уже', вед. *ní* (*ní*) 'же', 'ка', 'конечно', *áha* 'конечно', 'однако', 'ведь', 'же', *u* — 'вог', 'же', 'тут', 'тогда же', 'и', 'а также', 'а', 'но' (Елизаренкова, 1982); судя по всем данным этой книги, коммуникативный пафос ведийских частиц скорее связан с речью, с текстом, (с. 406), но не с денотативным аспектом, который описывается для русского языка в главе второй. Интересными представляются и модели соединения — вед. *sana* 'даже' связывается с *sa* — 'и' + *na* — отрицательная частица, т.е. *u* + *ne*. См. русск.: *И не думайте, и не воображайте!* Ср. у Т.Я. Елизаренковой *sana* употребляется как *даже* после отрицания, как '*даже не*' в утвердительном предложении (Там же). Т.е. сохраняется и идентифицируется смысловая модель порождения, несмотря на неполное звуковое генетическое тождество. См. также *utá* < *u* 'же', 'а', 'но' + *tá* 'то', т.е. *же* + *то*. Ср. русское *тоже* — та же смысловая модель, но с обратным линейным порядком. В свою очередь эта частица уже просто начинает означать 'и'. Эту же модель попытаемся применить к литовскому *taĩgi*. *Taĩ* — 'это, то', *gi* — 'же'. Должно получиться опять 'тоже', но частица переводится как 'итак', что соответствует русскому *то + же* по составу компонентов, различаясь только по линейному соположению, но не соответствуя по общей семантике. Наоборот *aĩgi* соответствует русскому *разве* семантически и по компонентам: *aĩ* 'ли' + *gi* 'же', т.е. *ли же*, явно вопроси-

тельный комплекс, но не соответствует генетически. *Dárgi* лит. соответствует русскому *даже* по всем параметрам: *dár-da*; *gi-же*; но *ōgi* не соответствует по всем параметрам — это $\bar{o} = a + gi = же$, т.е. *аже*; соответственно *īrgi = иже* по форме, но 'тоже' по значению. Таким образом, по смысловой генетической модели *īrgi* скорее ближе указанному вед. *utá* (см. выше). Эти примеры еще раз подтверждают непрерывность звукового и смыслового континуумов славянских и шире — индоевропейских частиц, где могут наблюдаться разнообразные корреляции звуков и смыслов при исходной тождественности.

Сходства смысловых моделей могут наблюдаться и на уровне сформировавшихся слов, ставших частицами. Например, в русском языке совпадают генетически разные слова *только* и *один* в одной семантике единственности. Но в значении некоторого предупреждения, угрозы употребляется предпочтительно *только*, а в значении 'и ничего другого' — скорее *один*: *Имение — один песок*. Ср. точно те же модели в латышском — *Pamēg'ini tikai!* — *Попробуй только!*, см. далее: *To zināja tikai viņš* — *Это знал только он*. Но *Te aug priedes vien* — *Тут растут только сосны*, т.е. одни сосны, где *vien* — *один*.

Все эти соответствия не только на уровне плана выражения, но и на уровне плана содержания не оказываются столь очевидными, если выйти за генетически близкие пределы.

Интересные и важные факты эволюции коммуникативных слов в финно-угорских языках дает многократно уже цитировавшаяся в настоящей работе книга К.Е. Майтинской (Майтинская, 1982). Как и в славянских языках, точнее в индоевропейском языке, в финно-угорских языках, по мнению К.Е. Майтинской, местоименные слова употреблялись как в качестве указательных местоимений, так и в качестве указательных частиц (Там же, с. 144), подобные частицы К.Е. Майтинская называет первообразными. Так, первообразными оказываются частицы местоименного плана: *s-*, соотносимая с указательным и личным местоимением, *n-*частицы, также восходящие к указательному местоимению и развившие позднее отрицательное значение, особенно развившееся в венгерском языке, где утратился отрицательный глагол. Третьей партикулярной опорой является **k* ($\bar{q}$), служащее базой для вопроса и, как естественное следствие, неопределенности. *-ka*, которую В.М. Иллич-Свитыч считает одной из древнейших частиц, в финно-угорских языках имеет также значение усилительности: фин. *-ka/-ko*; морд. *-ga/-ge*, *-ka/-ke*. Дейктические слова строятся на *t*-овой основе: хант. *tī, tū* 'вот', манс. *ta, ti, tit-ti* — 'вот' (Там же, с. 123). Эти консонантные опоры, как видно, близки не только индоевропейскому вообще, но и выведенной выше славянской консонантной партикулярной фонетике.

Семантически близкой оказалась и модель соединения сходного со сходным, например венг. *E ide hozd e 'сюда принести вот'*.

Однако, судя по данным К.Е. Майтинской, сам путь развития набора частиц в финно-угорских языках гораздо более поздний по относительной языковой хронологии, чем в славянских языках. Она считает, что наиболее активным процесс образования частиц был уже после распада финно-угорской общности (с. 149). В языках этой группы очень мало союзов, число частиц невелико: от 40—70 по языкам. Частицы от союзов часто отличаются позицией, что не характерно для славянских языков, и значение частиц тоже различается по их месту, так коми частица *но* в препозиции побудительна, в постпозиции равна русскому *же*. Судя по их современному облику, фонетика финно-угорских частиц явно типологически иная, она тяготеет к закрытости исхода: ср. саамск. *-des, -ges, -gas/-hes, -gul/-kul*;

морд. — -как, -гак, -вок, мар. -ак, -ат, удмурт. -ик, -ук и т.д., хотя есть и много вокалических.

Однако основными можно считать два существенных типологических различия.

Первое — это очень большое число заимствованных частиц, особенно союзообразного типа, что подтверждает цитировавшееся выше мнения Я. Бауэра о значительной проницаемости синтаксической структуры сложного предложения. Первое место по числу заимствованных частиц (т.е. по индексу H_2) занимает русский язык. При этом, по выводам К.Е. Майтинской, заимствуются частицы указательные — *вот*, ограничительные — *только, лишь*, уточнительные — *именно*, усилительные — *ведь, же, даже*, выражения неполноты качества — *почти, едва, еле, чуть*, утвердительные, отрицательные, вопросительные и модальные — даже такие поздние, как *хоть, пускай, давай, будто, может быть* и др. См. мокш. *вдь* < *ведь*, коми *коть* < < *хоть*, морд. *a* < *a* со значением противительности. При этом позиция языка-источника, например, для *же* сохраняется, см. вод. *тйо́же* 'мы же' (Майтинская, с. 122). Происходит также и построение новой частицы через комплекс: свое + чужое, ср. в коми *сиджӧ* 'также' < *сидз* 'так' + *жӧ* < < 'же' из русского *же*. Таким образом, эти коммуникативные смысловые лакуны заполняются извне (см. другие возможности, например, в статье М. Шубигер (Schubiger, 1965), об английской интонации и немецких частицах; см. в главе 1 о корреляции частиц в малопартиклевых языках).

Минимальным по индексу H_2 оказывается число частиц в венгерском, мало их также в финском и эстонском языках (Майтинская, с. 138).

Вторым важным отличием является отличие по индексу H_1 (частицы, возникшие из знаменательных слов), которых, судя по фактам, в финно-угорских языках неизмеримо больше, во-первых, и, что еще интереснее, они строятся по другим моделям, во-вторых. Так, славянские дейктические частицы примарны, они строятся из исходного конструктура — *это, вот, вон* и славянские соответствия. Ср. мокш. *нява* 'вон' < 2 л. ед. ч. императив от глаг. *няеме* 'видеть', коми-перм. *дзӧ* 'вот' < *видзӧт* 'смотри'; ограничительное 'только': коми *куш* < 'голый', 'лысый', венг. *csupán* < *csupasz* 'голый', 'лысый', *pusztán* < *puszta* 'пустой', 'степь', фин. *vain* < *vaivoiin* 'с трудом', мокш. *neganec* 'точь-в-точь' образовалось на основе форм слова *ne* 'конец'; венг. *éppen* 'именно' восходит к имени *er* 'полный', финское *edes* 'даже' < *edes* 'дальше', 'вперед', эст. *isegi* 'даже' < *ise* 'особенный, отдельный', коми *выйӧдзе* 'даже' < *выйӧдз* 'до предела'; манс. *xit* 'ведь' < < *xit* 'мужчина, человек' и т.д. (см. Майтинская, с. 124–132).

Таким образом, эволюционная схема развития славянских и финно-угорских частиц различна, несмотря на несомненное ностратическое тождество основных местоименных консонантных партикулярных баз: *n, -t, d- s, k- j-*. А именно: 1) основной массив финно-угорских частиц, по данным К.Е. Майтинской, развивался на гораздо более позднем относительно этапе развития языков одной семьи, поэтому расхождений в этом пласте много; 2) широко использовалось заимствование частиц из других языков (кроме русского, частицы заимствовались и из тюркских языков); 3) преобразование в частицы знаменательных слов — индекс H_1 — также шло гораздо более интенсивно и по совершенно другим семантическим моделям; 4) насколько можно судить, мало использовалась возможность создания новых частиц из старых путем сложения или мены порядка — см. примеры от ведийского до современного русского; 5) фонетике частиц в финно-угорских языках не противопоставлена закрытость исхода.

Таким образом, здесь можно говорить о различии диахронических моделей.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев, 1936 — *Абаев В.И.* Еще о языке как идеологии и как технике. — В кн.: Язык и мышление. Л., 1936. Т. 6, 7.
- Аванесов, 1979 — *Аванесов Р.И.* Об одном фонетическом явлении, получившем синтаксическое значение в русском внелитературном просторечии и диалектах. — В кн.: Звуковой строй языка. М., 1979.
- АГ-80 — Русская грамматика. М., 1980. Т. 1, 2.
- Алсуфьева, 1973 — *Алсуфьева Л.Я.* К вопросу о категории дискретности английского имени существительного. — Науч. тр. Новосиб. ГПИ, 1973, вып. 89.
- Андрамонова, 1976 — *Андрамонова Н.А.* К вопросу о союзности частиц. — Учен. зап. Казан. ГПИ, 1976, № 161.
- Апресян, 1983 — *Апресян Ю.Д.* О структуре значений языковых единиц. — In: *Tekst i zdanie*. Wrocław etc., 1983.
- Арутюнова, 1976 — *Арутюнова Н.Д.* Предложение и его смысл. М., 1976.
- Арутюнова, 1982 — *Арутюнова Н.Д.* Лингвистические проблемы референции. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982, вып. XIII.
- Арутюнова, 1983 — Сравнительная оценка ситуаций — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1983, т. 42, № 4.
- Арутюнова, Ширяев, 1983 — *Арутюнова Н.Д., Ширяев Е.Н.* Русское предложение: Бытийный тип. М., 1983.
- Барроу, 1976 — *Барроу Т.* Санскрит. М., 1976.
- Бартошевич, 1978 — *Бартошевич А.* Частицы и лексикографическая практика. — *Slavia orientalis*, 1978, год XXVII, N 3.
- Блажев, 1973 — *Блажев Бл.* Съдържат ли подлог и сказуемо изречения от типа "Вот дом" в руския език? — Език и литература, 1973, № 4.
- Блажев, 1980 — *Блажев Бл.* Различие в употреблении некоторых местоимений в русском и болгарском языках. — *Българска русистика*, 1980, № 1.
- Богуславский, 1969 — *Богуславский А.* К вопросу о вторичном обозначении определенного содержания в русском связном тексте. — *Филол. науки*, 1969, № 6.
- Бондаренко, 1978 — *Бондаренко Л.П.* Членение спонтанной речи паузами колебания и его соотносительность с синтагматическим членением: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1978.
- Бондарко, 1983 — *Бондарко А.В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983.
- Булатникова, 1973 — *Булатникова А.Е.* Семантика и функции частиц *даже, же, -то, -таки* в современном русском языке: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1973.
- Булыгина, 1980 — *Булыгина Т.В.* Грамматические и семантические категории и их связи. — В кн.: *Аспекты семантических исследований*. М., 1980.
- Булыгина, 1982 — *Булыгина Т.В.* К построению типологии предикатов в русском языке. — В кн.: *Семантические типы предикатов*. М., 1982.
- Булыгина, 1983 — *Булыгина Т.В.* Классы предикатов и аспектуальная характеристика высказывания. — В кн.: *Аспектуальные и темпоральные значения в славянских языках*. М., 1983.
- Виноградов, 1972 — *Виноградов В.В.* Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М., 1972.
- Волкова, 1977 — *Волкова Е.А.* О роли наречий *schon* и *noch* в формировании аспектуальных и темпоральных значений. — В кн.: *Норма реализации. Варьирования языковых средств*. Горький, 1977, вып. 3.
- Вольф, 1977 — *Вольф Е.М.* Грамматика и семантика прилагательного. М., 1977.
- Вязовик, 1980 — *Вязовик Т.П.* Указательные местоимения, включающие частицу *вог*. — *Рус. яз. в шк.*, 1980, № 1.
- Вязовик, 1981 — *Вязовик Т.П.* Конструкция с местоимениями, включающими частицу "вог" в современном русском языке: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1981.
- Габучан, 1972 — *Габучан Г.М.* Теория артикля и проблемы арабского синтаксиса. М., 1972.
- Гаврилова, 1983 — *Гаврилова Е.Н.* Универсальное высказывание как особая коммуникативная единица: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1983.
- Гинина, 1980 — *Гинина Ст.* Анафора, показательное местоимение и определенность на имената в българския и сърбохърватския език. — *Съпоставително езикознание*, 1980, № 4.
- Гойдина, 1979 — *Гойдина В.В.* Частицы *еще, уже, только (и только)* в составе обстоятельства времени. — В кн.: *Лингвостатистические исследования научной речи*. М., 1979.
- Грозева, 1979 — *Грозева М.* Употребата на словоформата *един* за изразяване на неопределеност в българския език, съпоставена с употребата на неопределителния член *ein* в немецкия език. — *Съпоставително езикознание*, 1979, № 5.
- Громакова-Сыркина, 1968 — *Громакова-Сыркина Л.И.* Частицы *нибудь*,

либо, -то, кое- в русском языке. — Рус. яз. за рубежом, 1968, № 4.

Гухман, 1981 — *Гухман М.М.* Историческая типология и проблема диахронических констант. М., 1981.

Добиаш, 1897 — *Добиаш А.* Опыт симасиологии частей речи и их форм на почве греческого языка. Прага, 1897.

Добрев, 1962 — *Добрев И.* Към историята на старобългарската морфема *же*. — Изв. на Ин-та за български език, 1962, кн. VIII.

Дограмаджиева, 1968 — *Дограмаджиева Е.* Структура на старобългарското сложно съчинено изречение. С., 1968.

Дончева, 1970 — *Дончева Л.* Руските неопределителни местоимения и наречия от типа *-то, -нибудь (-либо), ни было* и техните еквиваленти в български език. — БЕ, 1970, ч. XX, кн. 5.

Дорошенко, 1972 — *Дорошенко М.Н.* О функциях частиц *же (ж)* в русском и белорусском языках. — Вестн. Белорус. ун-та. Сер. 4, 1972, № 2.

Дыбо, 1981 — *Дыбо В.А.* Славянская акцентология. М., 1981.

Дюкро, 1982 — *Дюкро О.* Неопределенные выражения и высказывания. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1982, вып. XIII.

Евтюхин, 1979 — *Евтюхин В.Б.* Аранжировка диалектных текстов с помощью частиц. — В кн.: Севернорусские говоры. Л., 1979, вып. 3.

Елизаренкова, 1982 — *Елизаренкова Т.Я.* Грамматика ведийского языка. М., 1982.

Зализняк, 1981 — *Зализняк А.А.* Противопоставление относительных и вопросительных местоимений в древнерусском. — В кн.: Балто-славянские исследования, 1980. М., 1981.

Знаменская, 1964 — *Знаменская А.В.* Частица *и* в современном русском языке. — Учен. зап. Смолен. ГПИ, 1964, вып. XIII, ч. 1. Вопросы грамматики русского языка и методики его преподавания.

Знаменская, 1967 — *Знаменская А.В.* Частица *и* в современном русском языке. — Учен. зап. МГПИ им. Н.К. Крупской, 1967, вып. 13. Русский язык.

Знаменская, 1967 — *Знаменская А.В.* Использование сочетания *и тот* в роли частицы. — Рус. яз. в шк., 1967, № 2.

Золотова, 1982 — *Золотова Г.А.* Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. М., 1982.

Иванов, 1979 — *Иванов Вяч.Вс.* Отражение правил индоевропейской синтаксической акцентуации в микенском греческом. — В кн.: *Valcanica*. Лингвистические исследования. М., 1979.

Иванова, 1970 — *Иванова Т.К.* Функции

частиц *и* и *только* в современном русском языке: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Благовещенск, 1970.

Ивић 1971 — *Ивић М.* Лексема *један* и проблем неопределеног члана. — 36. за филологију и лингвистику, 1971, XIV, 1.

Илиева, 1971 — *Илиева К.* Към въпроса за особеностите на частиците като част на речта — БЕ, 1971, ч. XXI, кн. 4.

Иллич-Свитыч, 1971 — *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. *b* — К. М., 1971.

Иллич-Свитыч, 1976 — *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения ностратических языков. *l* — *ж*. М., 1976.

Иртеньева, 1976 — *Иртеньева Н.Ф.* Родовой (обобщающий) артикль в английском языке. — В кн.: Проблема языкознания и теории английского языка. М., 1976, вып. 1.

Категория определенности, 1979 — Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

Кацнельсон, 1939 — *Кацнельсон С.Д.* Номинативный строй речи. Л., 1939.

Кацнельсон, 1972 — *Кацнельсон С.Д.* Типология языка и речевое мышление. Л., 1972.

Ким, 1970 — *Ким О.М.* Омонимия частиц со словами других частей речи. — Науч. тр. Ташк. ун-та, 1970, вып. 390. Вопр. русского языкознания.

Киселев, 1976 — *Киселев И.А.* Частицы в современных восточнославянских языках. Минск, 1976.

Кифер, 1978 — *Кифер Ф.* О presupпозициях. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. VIII.

Кобозева, 1981 — *Кобозева И.М.* Опыт прагматического анализа *-то* и *-нибудь* местоимений. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981, т. 40, № 2.

Копыленко, 1978 — *Копыленко И.М.* Краткая история и задачи изучения частиц. — В кн.: Проблемы теории и методики преподавания иностранных языков и литературоведения. Алма-Ата, 1978.

Копыленко, 1981 — *Копыленко И.М.* О коммуникативных функциях частиц: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Алма-Ата, 1981.

Костова, 1962 — *Костова Т.* Отрицательна частица *НИЧ* в западно-руски говори. — Изв. на Ин-та за български език, 1962, кн. VIII.

Крашенинникова, 1956 — *Крашенинникова Е.А.* Модальные частицы в немецком языке. — Иностр. яз., в шк., 1956, № 4.

Крейдлин, 1975 — *Крейдлин Г.Е.* Лексема *даже*. — В кн.: Семиотика и информатика. М., 1975, вып. 6.

Крейдин, 1979 — *Крейдин Г.Е.* Служебные слова в русском языке (семантические и синтаксические аспекты их изучения): Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1979.

Кривоносов, 1974 — *Кривоносов А.Т.* К проблеме модальных частиц в современном языкознании. — Учен. зап. Калнин. политех. ин-та, 1974, вып. 3. Структура предложения и классы слов в романно-германских языках.

Куделина, 1969 — *Куделина Д.А.* К вопросу о так называемых "неопределенных местоимениях" в группе существительного. — Учен. зап. Ульянов. ГПИ, 1969, т. XXI, вып. 4, ч. 1.

Курзова, 1979 — *Курзова Е.* Синтаксис текста и греческий язык. — В кн.: Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979.

Куфнерова, 1980 — *Куфнерова Зл.* За категория "определенность" в болгарском и чешском языке. — Съпоставительно езиковедение, 1980, № 4.

Лашкова, Куева-Шверчек, 1979 — *Лашкова Л., Куева-Шверчек Л.* За някои функционални съответствия на българския определителен член в белоруски. — Съпоставительно езиковедение, 1979, № 5.

Левин, 1973 — *Левин Ю.И.* О семантике местоимений. — В кн.: Проблемы грамматического моделирования. М., 1973.

Лейкина, 1979 — *Лейкина Б.М.* Некоторые функции слова и. — В кн.: Лингвистические проблемы функционирования моделирования речевой деятельности. Л., 1979.

Лозовая, 1962 — *Лозовая Л.А.* О роли неопределенных местоимений и наречий в русском языке. — Тр. Сухум. ГПИ, 1962, вып. XV.

Майтинская, 1982 — *Майтинская К.Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. М., 1982.

Маловицкий, 1971 — *Маловицкий Л.Я.* Вопросы истории предметно-личных местоимений. — Учен. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена, 1971, т. 517, Местоимения.

Маслова, 1977 — *Маслова Д.М.* Частицы "вот" и "вон" как показатели семантико-синтаксической связи между предложениями в тексте. — В кн.: Неполнозначные слова. Ставрополь, 1977, вып. II.

Мейе, 1938 — *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.; Л., 1938.

Мейе, 1951 — *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951.

Мещанинов, 1975 — *Мещанинов И.И.* Проблемы развития языка. Л., 1975.

Мигирин, 1949 — *Мигирин В.Н.* О

некоторых случаях образования местоимений и местоименных выражений. — Изв. Крым. пед. ин-та им. М.В. Фрунзе, 1949, т. XIV.

Мирович, 1962 — *Мирович А.* Основные функции частиц в современном русском языке. — В кн.: Лексикографический сборник. М., 1962, вып. V. Михелевич, 1960 — *Михелевич Е.Е.* Логико-смысловые частицы в современном немецком языке: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. М., 1960.

Моисеев, 1978 — *Моисеев А.И.* Частицы уже и еще в современном русском языке. — Slavia orientalis, 1978, год. III.

Молчанова, 1964 — *Молчанова С.Ф.* О модальности частицы -нибудь. — В кн.: Докл. на науч. конф. Ярославль, 1964, т. III. Филологические науки.

Николаева, 1977 — *Николаева Т.М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.

Николаева, 1980 — *Николаева Т.М.* "Событие" как категория текста и его грамматические характеристики. — В кн.: Структура текста. М., 1980.

Николаева, 1982 — *Николаева Т.М.* Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Николаева, 1983 — *Николаева Т.М.* Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке и типология ситуаций. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1983, т. 42, № 4.

Николаева, 1983а — *Николаева Т.М.* Лингвотекстологические средства в "Слове о полку Игореве": Поле прошлого — настоящего и глубинные смысловые оппозиции. — Scando-Slavica, 1983, т. 29.

Орлов, Черемисина, 1980 — *Орлов А.Е., Черемисина М.И.* Контактные сочетания союзов и частиц в русском языке: (к постановке проблемы). — В кн.: Полипредикативные конструкции и их морфологическая база. Новосибирск, 1980.

Оскотская, 1966 — *Оскотская Б.Л.* Система значений и функций частиц only, just, even в современном английском языке: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1966.

Остроумов, 1954 — *Остроумов А.А.* Наречие "еще" и его безударный двойник. — Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР, 1954, вып. VI.

Павлова, 1981 — *Павлова Е.М.* Простое глагольное сказуемое, осложненное частицами, в языке южновеликорусских сказок. — В кн.: Материалы по русскому языкознанию. Воронеж, 1981.

Падучева, 1977 — *Падучева Е.В.* Понятие презумпции в лингвистической семантике. — В кн.: Семиотика и информатика. М., 1977, вып. 8.

Падучева, 1981 — Падучева Е.В. Местоимение это с предметным antecedентом. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1979. М., 1981.

Падучева, 1982 — Падучева Е.В. Референциальные аспекты высказывания: (Семантика и синтаксис местоименных слов). Автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. М., 1982.

Падучева, 1982а, — Падучева Е.В. Значение и синтаксические функции слова это. — В кн.: Проблемы структурной лингвистики, 1980. М., 1982.

Падучева, 1984 — Падучева Е.В. Референциальные аспекты семантики предложения. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1984, т. 43, № 4.

Пете, 1957 — Пете Й. Употребление неопределенных местоимений в современном русском языке. — Рус. яз. в шк., 1957, № 2.

Пешковский, 1923 — Пешковский А.М. Наш язык. М., 1923. Ч. 1.

Пешковский, 1956 — Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956.

Рассудова, 1968 — Рассудова О.П. Употребление видов глагола в русском языке. М., 1968.

РР-1978 — Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978.

Сафонова, 1979 — Сафонова Н.И. Об употреблении частиц в сибирских говорах (на материале ангаро-ленских говоров). — В кн.: Проблемы сибирской диалектологии. Красноярск, 1979, ч. II.

Селиверстова, 1964 — Селиверстова О.Н. Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь*. — ВЯ, 1964, № 4.

Селиверстова, 1965 — Селиверстова О.Н. Семантический анализ английских слов *some*, *any* и их производных и правила перевода этих слов на русский язык. — Вестн. МГУ. Сер. 9. Филология, 1965, № 1.

Селиверстова, 1982 — Селиверстова О.Н. Экзистенциальность и посесивность в языке и речи: Автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. М., 1982.

Сергеев, 1959 — Сергеев Ф.И. Значение и употребление неопределенных местоимений, образованных при помощи частиц *кое*-, *то*-, *нибудь* (*либо*). — Рус. яз. в нац. шк., 1959, № 1.

Скиба, 1980 — Скиба Ю.Г. Русские предлоги, союзы, частицы: Опыт системно-исторического исследования. Автореф. дис. . . . д-ра филол. наук. Черновцы, 1980.

Скорлуповская, 1964 — Скорлуповская Е.В. Союзная функция частиц в сложносочиненном предложении современного русского языка. — Рус. яз. в шк., 1964, № 1.

Стародумова, 1974 — Стародумова Е.А. Акцентирующие частицы в современном русском литературном языке: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1974.

Степанов, 1981 — Степанов Ю.С. Имена, предикаты, предложения. М., 1981.

Стоянов, 1968 — Стоянов Ст. Грамматическая категория "определенность" в болгарском языке и нейные соответствия в других славянских языках. — Славянская филология, 1968, т. X.

Тагамлишкая, 1964 — Тагамлишкая Т. К вопросу о частицах в русском и болгарском языках. — Изв. на Ин-та за български език, 1964, кн. XI.

Торопова, 1974 — Торопова Н.А. Ограничительная функция логикосмысловых частиц *ниг* в современном немецком языке. — В кн.: Структура предложения и классы слов. Калинин, 1974, вып. 3.

Успенский, 1983 — Успенский Б.А. Языковая ситуация Киевской Руси и ее значение для истории русского литературного языка. М., 1983.

Фасмер 1-4 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1964-1973. Т. 1-4.

Фурсенко, 1963 — Фурсенко Д.И. О разграничении значений и условиях употребления неопределенных местоимений в современном русском языке. — В кн.: Материалы 8-го и 9-го Международных семинаров преподавателей русского языка стран социализма. М., 1963.

Цявловский 1962 — Цявловский М.А. Пушкин и "Слово о полку Игореве", — В кн.: Цявловский М.А. Статьи о Пушкине. М., 1962.

Червенкова, 1961 — Червенкова И. Неопределенные местоимения на *нибудь* и *либо*. — Рус. яз. в шк., 1961, № 2.

Чолакова, 1958 — Чолакова К. Частицы в сравнении болгарского книжовного языка. С., 1958.

Шведова, 1960 — Шведова Н.Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.

Шелякин, 1978 — Шелякин М.А. О семантике и употреблении неопределенных местоимений в русском языке. — В кн.: Семантика номинации и семиотика устной речи. Тарту, 1978.

Шмидт, 1978 — Шмидт З.И. "Текст" и "история" как базовые категории. — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. М., 1978, вып. VIII.

Шерба, 1958 — Шерба Л.В. Очередные проблемы языковедения. — В кн.: Шерба Л.В. Избр. работы по языковедению и фонетике. Л., 1958, т. 1.

Шерба, 1974 — Шерба Л.В. О частях

речи в русском языке. — В кн.: Шерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.

Шетинкин, 1973 — Шетинкин В.Е. Структура категории определенности-неопределенности во французском языке. — Науч. тр. Новосибир. ГПИ, 1973, вып. 89.

† Элсберг, 1967 — Элсберг И.А. Склонение и употребление атрибутивных указательных местоимений в русском языке XII — нач. XVIII в.: Автореф. дис. . . канд. филол. наук. Л., 1967.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: Праoslavянский лексический фонд. М., 1974—1983. — Вып. 1—10.

Якобсон, 1970 — Якобсон Р. В поисках сущности языка. — В кн.: Сборник переводов по вопросам информационной теории и практики. М., 1970, вып. 16.

Якобсон, 1972 — Якобсон Р.О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — В кн.: Принципы типологического анализа языков различного строя. М., 1972.

Янко-Триницкая, 1977 — Янко-Триницкая Н.А. Местоименные слова со значением неопределенности. — Рус. яз. в шк., 1977, № 1.

Яцюк, 1976 — Яцюк Т. К вопросу о семантике частиц. — В кн.: Вопросы русского и общего языкознания: Сб. науч. тр. Ташкент, 1976, № 519.

Albrecht, 1977 — Albrecht J. Wie übersetzt man eigentlich "eigentlich"? — In: Aspekte der Modalpartikeln. Tübingen, 1977.

Allen, Hill, 1979 — Allen R.L., Hill C.A. Contrast between *Ń* and *The* in spatial and temporal predication. — *Lingua*, 1979, vol. 48, N 2/3.

Altmann, 1976 — Altmann H. Die Gradpartikeln im Deutschen. — In: Untersuchungen zu ihrer Syntax, Semantik und Pragmatik. Tübingen, 1976.

Anderson, 1972 — Anderson St. How to get *even*. — *Language*, 1972, vol. 48, N 4.

Arndt, 1960 — Arndt W. "Modal Particles" in Russian and German. — *Word*, 1960, vol. 16, N 2.

Asbach-Schnitker, 1977 — Asbach-Schnitker Br. Die Satzpartikel "wohl". — In: Aspekte der Modalpartikeln. Tübingen, 1977.

Aspekte der Modalpartikeln, 1977 — Aspekte der Modalpartikeln. Tübingen, 1977.

Auwera, 1979 — Auwera J. von der. Pragmatic presupposition: shared beliefs in a theory of irrefutable meaning. — In: *Syntax and semantics*. Vol. 11. Pronouns in discourse. (Далее: *Syntax...*). N.Y.

etc., 1979.

Bańkowski, 1977 — Bańkowski A. Opozycja semantyczna partykul jeszcze i już. — *Prace językoznawcze*, 1977, t. 88.
Bauer, 1958 — Bauer J. Slovanské spojky *sbo*. — In: *Studie ze slovanské jazykovědy*. Pr., 1958.

Bauer, 1972 — Bauer J. *Syntactica slavica*. Brno, 1972.

Bauerová, 1958 — Bauerová M. Staroslovanské spojky *BO*, *NEBO, NEBONĀ a IBO. — In: *Studie ze slovanské jazykovědy*. Pr., 1958.

Běličová-Křížková, 1978 — Běličová-Křížková H. Systém parataktických spojovacích prostředků v současných slovanských spisovných jazycích. — In: *Československé přednasky pro VIII mezinárodní sjezd slavistů v Záhřebu*. Pr., 1978.

Bernáth, Csúri, 1980 — Bernáth A., Csúri K. "Mögliche Welten" unter literaturtheoretischen Aspekt. — In: *Literary semantics and possible worlds*. *Studia poetica*. 2. Szeged, 1980.

Bickerton, 1979 — Bickerton D. Where presuppositions come from? — In: *Syntax...*, vol. 11.

Birkenmaier, 1976 — Birkenmaier W. Die Funktion von *odin* im Russischen. — *Ztschr. für Slawische Philologie*, 1976, Bd. XXIX, Hf. 1.

Birkenmaier, 1977 — Birkenmaier W. Aspekt, Aktionsart und nominale Determination im Russischen. — *Ztschr. für Slawische Philologie*, 1977, Bd. XXIX, Hf. 2.

Birkenmaier, 1979 — Birkenmaier W. Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache. München, 1979.

Blomkvist, 1969 — Blomkvist J. Greek particles in hellenistic prose. Lund, 1969.

Blomkvist, 1979 — Blomkvist J. Das sogenannte *καί adversativum*. Uppsala, 1979.

Bonnot, Fougeron, 1982 — Bonnot Chr., Fougeron I. L'accent de phrase initial en russe est-il toujours un signe d'expressivité ou de familiarité? — *Bull. soc. ling.* Paris, 1982, t. LXXVII, fasc. 1.

Bonnot, Fougeron, 1983 — Bonnot Chr., Fougeron I. Accent de phrase non final et relations internonciatives en russe moderne. — *Rév. études slaves*, 1983, t. LV, N 4.

Bonnot-Saoulski, 1983 — Bonnot-Saoulski Chr. L'étude des indéfinis dans une théorie de l'énonciation. — *Bibl. russe Inst. d'études slaves*, 1983, t. LXV.

Burton-Roberts, 1976 — Burton-Roberts N. On the generic indefinite article. — *Language*, 1976, vol. 52, N 2.

Carruba, 1969 — Carruba O. Die Satzleitende Partikeln in der indogermanischen Sprachen Anatoliens. Roma, 1969.

Cole, 1974 — Cole P. Indefiniteness and anaphoricity. — *Language*, 1974,

Coseriu, 1980 – *Coseriu E.* Partikeln und Sprachtypen. Zur strukturell – funktionellen Fragestellung in der Sprachtypologie. – In: Wege zur Universalien Forschung. Tübingen, 1980.

Dahl, 1970 – *Dahl O.* Some notes on indefinites. – *Language*, 1970, vol. 46, N 1.

Dahl, 1974 – *Dahl O.* Some suggestions for a logic of aspects. – *Slavica gotthoburgensia*, 1974, t. 6.

Denniston, 1954 – *Denniston J.D.* The Greek particles. Oxford, 1954.

Doherty, 1973 – *Doherty M.* "Noch" and "schon" and their presuppositions. – In: Generative Grammar in Europe. Dordrecht, 1973.

Dressler, 1971 – *Dressler W.* Über die Rekonstruktion der indogermanischen Syntax. – *Ztschr. für vergleichende Sprachforschung*, 1971, Bd. 85, Hf. 1.

Et. slovník, 1973, 1980 – *Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena.* Pr., 1973–1980. – Sv. 1–2.

Fischer, 1981 – *Fischer K.-D.* Das Auftreten von *-que* im Pferdebuch des Pelagonius und seine Bedeutung für die Quellenkritik. – *Philologus*, 1981, Bd. 125, Hf. 1.

Filmore, 1966 – *Filmore Ch.J.* Deictic categories in the semantics of "come". – *Foundations of Language*, 1966, vol. 2, N 3.

Forsyth, 1970 – *Forsyth J.* A grammar of aspect. Cambridge, 1970.

Fraser, 1970 – *Fraser B.* An analysis of "even" in English. – In: *Studies in linguistic semantics*. N.Y., 1970.

Fraser 1976 – *Fraser B.* The verb-particle combination in English. N.Y. etc., 1976.

Galton, 1976 – *Galton H.* The main functions of the Slavic verbal aspect. Skopje, 1976.

Genaust, 1975 – *Genaust H.* *Voici und voila: (Eine textsyntaktische Analyse).* – In: *Textgrammatik*. Tübingen, 1975.

Givón, 1976 – *Givón T.* Topic, Pronoun and Grammatical agreement. – In: *Subject and Topic*/Ed. by Ch. Li. N.Y. etc., 1976.

Givón, 1979 – *Givón T.* On understanding grammar. N.Y. etc., 1979.

Gonda, 1954 – *Gonda J.* The history and original function of the Indo-European particle **k^he*, especially in Greek and Latin. – *Mnemosyne*, 1954, vol. VII, fasc. 4.

Gornik-Gerhardt, 1981 – *Gornik-Gerhardt H.* Zu den Funktionen der Modalpartikel "schon" und einiger ihrer Substituena. Tübingen, 1981.

Guentcheva, 1978 – *Guentcheva Zl.* Spécificité de l'aspect en bulgare (inter-

action entre aspect et détermination). – *Rév. des études slaves*, 1978, t. LI, N 1/2.

Halliday, 1977 – *Halliday M.A.K.* Text as semantic choice in social contexts. – In: *Grammar and descriptions*. B.; N.Y., 1977.

Hartmann, 1977 – *Hartmann D.* Aussagesätze, Behauptungshandlungen und die kommunikativen Funktionen der Satzpartikeln *ja*, *nämlich* und *eigentlich*. – In: *Aspekte der Modalpartikeln*. Tübingen, 1977.

Harweg, 1969 – *Harweg R.* Unbestimmter und bestimmter Artikel in generalisierender Funktion. – *Orbis*, 1969, t. XVIII, N 2.

Hawkins, 1978 – *Hawkins J.A.* Definiteness and indefiniteness. L., 1978.

Heinrichs, 1981 – *Heinrichs W.* Die Modalpartikeln im Deutschen und Schwedischen. Tübingen, 1981.

Herings, 1969 – *Heringer J.T.* Indefiniteness noun phrases and referential opacity. – In: *Pap. from the 5th regional meet. Chicago ling. soc. Chicago*, 1969.

Hintikka, 1979 – *Hintikka J.* Frege's hidden semantics. – *Rév. intern. philosophie*, 1979, N 130.

Hlavsa, 1972 – *Hlavsa Z.* K protikladu určenosti v češtině. – *Slovo a slovesnost*, 1972, č. 3.

Hoepelman, 1978 – *Hoepelman J.* A note of the treatment of the Russian aspects in a Montague grammar. – In: *Papers on Tense, Aspect and Verb classification*. Tübingen, 1978.

Horn, 1969 – *Horn L.R.* A presuppositional analysis of *only* and *even*. – In: *Pap. from the 5th regional meet. Chicago ling. soc. Chicago*, 1969.

Hupet, 1975 – *Hupet M.* Definiteness and voice in the interpretation of active and passive sentences. – *Quart. J. exp. Psychology*, 1975, vol. 27, N 2.

Ivanov, 1977 – *Ivanov V.V.* The relation between different grammatical levels in the linguistic evolution. – *Die Sprache*, 1977, Bd. 23, N 1.

Iwasaki, 1977 – *Iwasaki E.* "Wie hieß er noch?". – In: *Aspekte der Modalpartikeln*. Tübingen, 1977.

James, 1972 – *James D.* Some aspects of the syntax and semantics of interjections. – In: *Pap. from the 8th regional meet. of Chicago ling. soc. Chicago*, 1972.

Jørgensen, 1974 – *Jørgensen E.* "Only" with a temporal value. – *Engl. Stud.*, 1974, vol. 55, N 3.

Josephson, 1972 – *Josephson F.* The function of the sentence particles in Old and Middle Hittite. Uppsala, 1972.

Kaplan, 1979 – *Kaplan D.* "Dthat". – In: *Contemporary perspectives in the philosophy of language*. Minnesota, 1979.

- Karttunen, Peters, 1979 - *Karttunen L., Peters St.* Conventional implicature. - In: *Syntax...*, vol. 11.
- Kasher, Gabbay, 1976. - *Kasher A., Gabbay D.M.* On the semantics and pragmatics of specific and non-specific indefinite expressions. - *Theoretical linguistics*, 1976, vol. 3, N 1/2.
- Katz, 1979 - *Katz J.* A solution to the projection problem for presupposition. - In: *Syntax...*, vol. 11.
- Kimball, 1973 - *Kimball J.P.* The grammar of existence. - In: *Pap. from the 9th regional meet. Chicago ling. soc. Chicago*, 1973.
- Křížková, 1971 - *Křížková H.* System neurčitých zájmen v současných slovan-ských jazycích. - *Slavia*, 1971, N 3.
- König, 1977 - *König E.* Temporal and non-temporal uses of "noch" and "schon" in German. - *Linguistics and Philosophy*, 1977, vol. 1, N 2.
- Koseska, 1970 - *Koseska W.* Uwagi o tzw. kategorii okresloności. - *Rocz. slawistyczny*, 1970, t. XXI, cz. 1.
- Koseska, 1975 - *Koseska W.* Forma werbalna a jej funkcja temporalna. - In: *Charakterystyka temporalna wypowiedzenia. Wrocław etc.*, 1975.
- Koseska-Toszewa, 1978 - *Koseska-Toszewa W.* Informacja o okresloności we frazie werbalnej i nominalnej języka bułgarskiego, polskiego i rosyjskiego. - *Slavia orientalis*, 1978, roč. III.
- Kuno, 1976 - *Kuno S.* Subject, theme and the speaker's empathy - a reexamination of relativization phenomena. - In: *Subject and Topic*.
- Kuno, Kaburaki, 1977 - *Kuno S., Kaburaki E.* Empathy and syntax. - *Ling. Inquiry*, 1977, vol. 8, N 4.
- Lakoff, 1972 - *Lakoff R.* Language in context. - *Language*, 1972, vol. 48, N 4.
- Lamprecht et al, 1977 - *Lamprecht A., Slosar D., Bauer J.* Historický vývoj češtiny. Pr., 1977.
- Lehman, 1974 - *Lehman W.P.* Proto-Indo-European syntax. Austin; London: Univ. of Texas press, 1974.
- Linde, 1979 - *Linde Ch.* Focus of attention and the choice of pronouns of discourse. - In: *Syntax and semantics*. N.Y., 1979, vol. 12. *Discourse and Syntax*.
- Markowicz, Paillard, 1980 - *Markowicz D., Paillard D.* A propos de quelques indefinis en russe. - In: *Opérations de détermination: Théorie et description*. P., 1980, vol. 1.
- Mechanisms of syntactic change, 1977 - *Mechanisms of syntactic change/Ed. by Ch.Li.* Austin, 1977.
- Morisey, 1973 - *Morisey M.D.* The English perfective and "still/anymore". - *J. Linguistics*, 1973, vol. 9, N 1.
- Opalka, 1977 - *Opalka H.* Zum syntaktischen Verhalten der Abtönungspartikeln *aber, ja* und *vielleicht* in Satzkonstruktionen mit prädikativen Ergänzungen. - In: *Aspekte der Modalpartikeln*. Tübingen, 1977.
- Pasicki, 1976 - *Pasicki A.* Już, jeszcze and their English equivalents. - In: *Papers and studies in coastrative linguistics*. Poznan, 1976.
- Peterson, 1979 - *Peterson P.L.* On representing event reference - In: *Syntax...*, vol. 11.
- Rathmayr, 1983 - *Rathmayr R.* Die Modification der Entscheidungsfrage durch Partikeln im Russischen. - In: *Slavistische Linguistik*, 1982. München, 1983.
- Reiter, 1967 - *Reiter N.* Der Artikel in den Balkansprachen. - *Ztschr. Balkanologie*, 1967, Hf. 1.
- Rybák, 1965 - *Rybák J.* Character opozície neurčitých zájmen typu *кто-нибудь, кто-то*. - *Ceskoslovenská ruskistika*, 1965, roč X.
- Růžička, 1973 - *Růžička R.* *Кто-то* und *кто-нибудь*. - *Ztschr. Slawistik*, 1973, Bd. XVIII, N 5.
- Schubiger, 1965 - *Schubiger M.* English intonation and German modal particles. - *Phonetica*, 1965, vol. 12, N 2.
- Stalnaker, 1972 - *Stalnaker R.C.* Pragmatics. - In: *Semantics of natural language*. Dordrecht; Boston, 1972.
- Steele, 1977 - *Steele S.* Clisis and diachrony. - In: *Mechanisms of syntactic change*. Austin, 1977.
- Subject and Topic, 1976 - *Subject and Topic*.
- Thelin, 1978 - *Thelin N.B.* Towards a theory of aspect, tense and actionality in Slavic. Uppsala, 1978.
- Timberlake, 1977 - *Timberlake A.* Reanalysis and actualization in syntactic change. - In: *Mechanisms of syntactic change*. Austin, 1977.
- Topolińska, 1978 - *Topolińska Z.* An attempt towards a semantic interpretation of the so-called grammatical category of definiteness. - In: *Studia linguistica*. Lisse, 1978.
- Traugott, Waterhouse, 1969 - *Traugott E.C., Waterhouse J.* "Already" and "yet": a suppletive set of aspect markers. - *J. Linguistics*, 1969, vol. 5, N 2.
- Van Dijk, 1977 - *Van Dijk T.A.* Connectives in Text grammar and Text logic. - In: *Grammars and descriptions: (Studies in Text theory and Text analysis)*. B.; N.Y., 1977.
- Vasilyeva, 1972 - *Vasilyeva A.N.* Particles in colloquial Russian. Moscow, 1972.
- Veyrenc, 1964 - *Veyrenc J.* *Кто-нибудь* et *кто-либо* formes concurrentes? -

Rév. des études slaves, Mélanges à A. Vailant, P., 1964, t. XIV.

Wackernagel, 1953 – *Wackernagel J.* Über ein Gesetz der indogermanischen Wortstellung. – In: Wackernagel J. Kleine Schriften. Göttingen, 1953, Bd. I.

Wackernagel, 1979 – *Wackernagel J.* Zwei Gesetze der indogermanischen Wortstellung. – In: Wackernagel J. Kleine Schriften. Göttingen, 1979, Bd. III.

Weil, 1879 – *Weil H.* De l'ordre des mots dans les langues anciennes comparées aux langues modernes. P., 1879.

Weinrich, 1964 – *Weinrich H.* Tempus: Besprochene und erzählte Welt. Stuttgart, 1964.

Weischedel 1979 – *Weischedel R.M.* A new semantic interpretation while parsing: presupposition and entailment. – In: *Syntax...*, vol. 11.

Weydt, 1977 – *Weydt H.* Ungelöst und strittig. – In: *Aspekte der Modalpartikeln.* Tübingen, 1977.

Wierzbicka, 1969 – *Wierzbicka A.*

Dociekania semantyczne. Wrocław etc., 1969.

Wierzbicka, 1976 – *Wierzbicka A.* Particles and linguistic relativity. – *Intern. Rev. of Slavic Linguistics*, 1976, vol. 1, N 2/3.

Wilson, Sperber, 1979 – *Wilson D., Sperber D.* Ordered entailments: an alternative to presuppositional theories. – In: *Syntax...*, vol. 11.

Weiss, 1983 – *Weiss D.* Indefinite, Definite und Generische Referenz in artikellosen slavischen Sprachen. – In: *Slavistische Linguistik*, 1982. München, 1983.

Woods, 1976 – *Woods M.* Existence and Tense. – In: *Truth and meaning.* Oxford, 1976.

Word order – Word order and word order change/Ed. by Ch.Li. Austin, 1975.

Yokoyama, Klenin, 1977 – *Yokoyama O.T., Klenin E.* The semantics of "optional" rules. Russian personal and reflexive possessives. – In: *Sound, Sign, Shape.* Ann Arbor, 1977.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая	
Лингвистический и языковой статус частиц. Проблемы их описания	3
§ 1. Сколько значений у слова "частица"?	3
§ 2. Общеизвестные положения	6
§ 3. Парадоксы изучения и описания частиц	14
§ 4. Проблемы описания частиц	20
Глава вторая	
Типология частиц и типология отраженных ситуаций	28
§ 1. Сколько смысловых миров отражают частицы?	28
§ 2. Ситуация как обобщенное наименование отражаемого фрагмента действительности	31
§ 3. Расчлененность-глобальность ситуации и употребление частиц	34
§ 4. Частицы и изолированная ситуация	39
§ 5. Частицы и связанные ситуации	70
Глава третья	
Частицы и "скрытая семантика"	77
§ 1. Определение функционального статуса частиц	77
§ 2. Иерархия типов "скрытой семантики".	81
§ 3. Типы "скрытой семантики" и частицы в их функционировании	87
Глава четвертая	
Частицы и структура высказывания	104
§ 1. Формальная структура высказывания	104
§ 2. Частицы и акцентно-просодические феномены	116
Глава пятая	
Типология славянских частиц	127
§ 1. Диапазон типологических сопоставлений	127
§ 2. Опыт количественной типологии	131
§ 3. Формульная структура славянского фонда партикул	142
§ 4. Смысловая структура славянского фонда партикул	149
§ 5. Славянские языки и формально-смысловая структура пласта партикулярных лексем	154
§ 6. Некоторые неславянские параллели	158
Литература	161

1 p. 80 к.